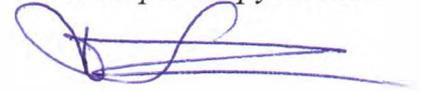

ФГБОУ ВО

«Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

На правах рукописи

Касумов Сергей Магомедович

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ВТОРОГО ИМАМА ГАМЗАТ-БЕКА В
ДАГЕСТАНЕ В 20–30-Е ГГ. XIX В.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Дзидзоев В.Д. –

доктор исторических наук,

профессор

Владикавказ 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИСТОКИ И ХАРАКТЕР НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.	
§1. Внутренние противоречия в Дагестане и проблемы взаимоотношений с военной властью Российской империи на Кавказе.....	21
§2. Социально-экономическое и политическое положение Аварского ханства в первой четверти XIX в.....	33
ГЛАВА II. РОЛЬ И МЕСТО ГАМЗАТ-БЕКА В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА	
§1. Семейное воспитание, образование, дагестанские традиции в формировании личности Гамзат-бека.....	45
§2. Общественно-политическая и военная активность Гамзат-бека в начале 30-х гг. XIX в.	54
§3. Гамзат-бек как идейный вдохновитель мюридистского движения в Дагестане.....	88
ГЛАВА III. ИЗБРАНИЕ ГАМЗАТ-БЕКА ВТОРЫМ ИМАМОМ И УСИЛЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XIX В.	
§1. Попытка создания на территории Дагестана мусульманско-теократического государства-имамата.....	106
§2. Отношения имама Гамзат-бека с аварскими ханами.....	128
§3. Смерть Гамзат-бека и оценка его деятельности на начальном этапе народно-освободительной борьбы горцев Дагестана в первой трети XIX в.	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	185

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В современном сложном процессе переоценки ценностей, роли и места отдельных исторических событий и личностей предпринимаются попытки подробного, научного осмысления сложных, поворотных моментов в истории Дагестана первой четверти XIX в. Это связано с возросшим интересом научной общественности к своему прошлому, с возможностью более детального и объективного изучения архивных документов, отказом от идеологизации, политизации исторической науки.

Народно-освободительная борьба народов Дагестана и Чечни 20–50-х гг. XIX в. против царского самодержавия всегда вызывала и продолжает вызывать неизменный интерес научной и широкой общественности Дагестана, в целом Северного Кавказа, а также некоторых других стран мира. Объяснить это можно героическим примером длительного сопротивления малочисленных горских народов Дагестана и Чечни могущественной державе. Эта борьба, называемая Кавказской войной, в отличие от многих исторических событий, всегда оценивалась по-разному. В освещении этой злободневной научной проблемы до сих пор остаются разные концепции, исследовательские подходы, исключаящие друг друга выводы и т.д. Несмотря на то, что история начального этапа народно-освободительной борьбы горцев не раз привлекала внимание ученых-исследователей, некоторые аспекты этой сложной и в некотором смысле запутанной проблемы еще не стали объектом специального научного исследования. Объективное научное изучение истории начального этапа народно-освободительной борьбы горцев – одна из наиболее актуальных проблем современной отечественной историографии. Не раз исследования по этой проблематике в нашей стране были под запретом, а сама народно-освободительная, антиколониальная, антифеодальная борьба народов Дагестана и Чечни объявлялась «реакционной». Однако в современных

условиях демократической Российской Федерации имеются все возможности для глубокого и всестороннего анализа любых исторических явлений и каждой отдельно взятой масштабной личности, в том числе и второго имама Дагестана Гамзат-бека.

Степень разработанности темы исследования.

Историография вопроса военно-политической деятельности имама Гамзат-бека, нашла свое отражение в трудах дореволюционных и советских авторов.

Жизнедеятельность Гамзат-бека рассматривается в трудах авторов досоветского периода. О военных событиях времен второго имама, о быте и обычаях горских народов Дагестана, а также о действиях российских властей в регионе говорится в сочинении Н.Ф. Дубровина¹, завершающемся в томе VI отставкой генерала А.П. Ермолова и назначением на Кавказ генерала И.Ф. Паскевича.

Описание истории Кавказской войны в фундаментальном труде известного военного историка, академика В.А. Потто² заканчивается на 1831 г. Нас интересовали события периода 1826–1831-х гг., рассматриваемые в 5-м томе, и в первую очередь описание двух Джаро-Белоканских походов, предпринятых Гамзат-беком.

Должного внимания заслуживает труд Н.А. Волконского, опубликованный в нескольких томах «Кавказского сборника»³. Хронологические рамки этого сочинения (1824-1834 гг.), насыщенного фактами с вполне беспристрастным повествованием, хотя и с некоторым имперским налетом, позволяют представить историческую эпоху, в которой происходило становление будущего имама Гамзат-бека, описываются важные фрагменты его военно-политической деятельности.

---

¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб, 1888. Т. VI.

² Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 5: Время Паскевича, или Бунт Чечни. – М., 2007.

³ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник Т. X. – Тифлис, 1887. – С. 1–224; Т. XI, 1887. – С. 1–185; Т. XII, 1888. – С. 1–126; Т. XIII, 1889. – С. 152–334; Т. XIV, 1890. – С. 81–211.

Здесь же, в «Кавказском сборнике» представлен еще целый ряд публикаций⁴, посвященных непосредственно Гамзат-беку, которые, как нам представляется, должны были выполнить задачу дискредитации имама в глазах общественности. Буржуазно-дворянская историография в целом пыталась изобразить Гамзат-бека (впрочем, как и двух других имамов) «дикарем-полузверем, хитрым предателем, жаждущим крови благодетельствовавших его аварских ханов для достижения аварского ханского престола», публиковались надуманные описания отдельных подробностей, якобы сохранившихся в памяти очевидцев⁵.

Не избежал таких фальсификаций и А.А. Неверовский, издавший в 1848 г. брошюру⁶, где имам для исполнения своего «коварного замысла», «прибегнув к лицемерию», выманил молодых ханов к себе, а затем их погубил. Тем не менее, в работе встречаются важные данные для изучения военно-политической деятельности Гамзат-бека.

Советский период представлен, прежде всего, книгой признанного историка-кавказоведа, профессора Н.И. Покровского⁷. Рукопись пролежала в них с 1934 по 1950 гг., но так и не была издана, несмотря на положительные отзывы крупнейших специалистов-историков. Причиной тому - острота рассматривавшихся в ней проблем и невозможность подогнать изложенные в ней факты и взгляды историка под заданные советской идеологией жесткие установки. В своем исследовании Н.И. Покровский посвящает Гамзат-беку отдельную главу. В ней дается взвешенное, критически осмысленное его жизнеописание. Известный и признанный ученый скрупулезно анализирует все источники, касающиеся второго имама Дагестана, и делает это рассудительно и беспристрастно. Автор обращает внимание на такие узловые

---

⁴ Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана // Кавказский сборник. 1911. Т. 31. – С. 1–30; Смерть ханши Паху-Бике // Кавказский сборник. 1911. Т. 31. – С. 31–40; Выписки из путевого журнала ген. штабс-кап. Прушановского (Исторические записки о начале и развитии духовной войны или превратного тариката, учение о нравственном элементе человека в Дагестане) с 1823 по 1843 гг. // Кавказский сборник. Т. 23. – Тифлис, 1902. – С. 1–73.

⁵ Гамзат-бек // Кавказ. – № 43. – Тифлис, 1852. – С. 183–185; № 44. – С. 187–188; № 45. – С. 192–193; № 46. – С. 195–196; Два имама, или Истребление дома аварского // Русский архив. 1915. – № 3. – С. 358–385.

⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. – СПб., 1847. – 37 с.

⁷ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

проблемы, как противоречия внутри мюридизма, борьба вокруг избрания Гамзат-бека имамом Дагестана, отношения его с аварскими ханами, трения второго имама с койсубулинцами и т.д. При этом очень важно, что историк-исследователь бросает вызов устоявшемуся мнению, высказанному российской имперской историографией о вероломном убийстве ханов, в котором якобы повинен был имам. Автор аргументированно доказывает его невиновность в разыгравшейся трагедии, когда были истреблены аваские ханы.

Первым переломным моментом в объективном, научном изучении проблем Кавказской войны после многолетнего молчания и искажений очевидных исторических фактов стала научная конференция в Москве в 1956 г. Вторым не менее важным – совещание ученых-кавказоведов в 1989 г. в Махачкале. Еще одну Всесоюзную научную конференцию с приглашением ученых из Турции и некоторых других государств провели в Нальчике в 1994 г. Участники этих трех крупных научных мероприятий отметили, что в целом борьба горских народов Дагестана и Чечни в 20–50-е годы XIX в. имела прогрессивный, народно-освободительный характер. На них были приняты рекомендации, направленные на более глубокое, последовательное и объективное изучение характера, целей, итогов и последствий Кавказской войны. В 1997 г. в ознаменование 200-летия имама Дагестана и Чечни Шамиля в Махачкале состоялась еще одна научная конференция. Тогда появился и целый ряд работ научно-исследовательского, справочного, документального и популярного характера. В 1998 г. была созвана новая научная конференция – «Кавказская война, спорные вопросы и новые подходы», на которой, в частности, прозвучала критика в адрес исследователей, отстаивавших взгляды на нее как войну, якобы порожденную «постоянными набегам горцев» на соседей, дружественных Российской империи, что вынудило власти империи направить свои войска в Дагестан и Чечню на подавление «агрессивных и воиственных горцев». Вновь возникла острая необходимость научно обоснованного освещения

природы и сущности Кавказской войны, исторических, социальных и идейных корней движения горцев.

Историческая правда состоит в том, что сложившееся в первой трети XIX в. в Дагестане и Чечне, жесткое, непримиримое противостояние было порождением обстановки в основном военно-административного произвола и злоупотреблений царских властей. В результате зародилась идеология свободы и борьбы за свободу коренных народов региона. Решающую роль в разработке и реализации этой идеологии и стратегии история отвела трем имамам Гази-Мухаммаду, Гамзат-беку и Шамилю.

Различные аспекты истории борьбы горцев стали предметом изучения в известных научных центрах Запада и Ближнего Востока. Ярким свидетельством этого явился Международный шамилевский симпозиум, который проходил 15–17 марта 1991 г. в Оксфорде (Англия). Решения и рекомендации Оксфордской научной конференции послужили основой для продолжения и развития научных разработок по общей концепции народно-освободительной борьбы горцев.

Уровень социально-экономического развития Дагестана, и, в частности, Аварии в период ее присоединения к Российской империи определен в работах дагестанских историков, профессоров Р.М.Магомедова⁸, Х.-М.О. Хашаева⁹ и др. Работы этих авторов определили в последующие годы направление развития отечественной историографии в Дагестане. В монографии профессора В.Г. Гаджиева¹⁰ содержится богатый материал о взаимоотношениях Аварского ханства и Российской империи, приведено содержание важных источников, раскрывающих исторические и политические связи Аварии с империей.

Своеобразно рассматривает личность второго имама Дагестана доктор исторических наук, профессор МГИМО В.В. Дегоев¹¹, для которого Гамзат-

---

⁸ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала, 1957.

⁹ Хашаев Х.М.-О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М., 1961.

¹⁰ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана – М., 1965.

¹¹ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: SPSSL – «Русская панорама», 2001.

бек – «весьма банальный персонаж истории, изобилующей случаями полной неразборчивостью в средствах, когда дело шло о захвате или удержании власти»¹². В.В. Дегоеву присущ, с нашей точки зрения, ряд грубейших ошибок. Так, он заявляет о том, что Баху-бике, которая в свое время фактически усыновила Гамзат-бека, «отрубили голову, ...когда она читала Коран». При этом автор не ссылается на документы, никого не цитирует, и надо полагать, это его собственное заключение, ничем, однако, не подтвержденное. Далее, описывая расправу хунзахцев над последователями Гамзат-бека после его смерти в мечети, автор называет в их числе Шамиля, который «единственный остался невредимым и незаметно исчез с места действия»¹³. Однако достоверно известно, что Шамиля не было в это время в Хунзахе, и о смерти второго имама Дагестана он узнал в своем родном ауле Гимры. При этом ученый-кавказовед начинает вести собственное расследование, обращаясь к некоему «мифологическому, а значит по-своему строго упорядоченному мышлению горцев»¹⁴, раскрывает «варварские» методы имама, которого «настолько одолевала жажда власти, что совладеть с ней было выше его сил»¹⁵.

Отдельную главу, посвященную Гамзат-беку, приводит в своем объемном труде и М.М. Блиев¹⁶, который «прославился» своей «набеговой системой горцев» периода Кавказской войны. В двух параграфах «Второй имам – поход на Хунзах» и «Между властью и собственностью: выбор судьбы» автор представляет свое жизнеописание имама. Для Блиева Гамзат-бек, принадлежащий к знатной семье, не кто иной, как горец с амбициями, вступивший в политическую борьбу, «не теряя ни одного удобного случая для приобретения власти»¹⁷. При этом автор справедливо подчеркивает явные достоинства Гамзат-бека, без которых вряд ли он достиг бы имамской

---

¹² Там же. – С. 82.

¹³ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2001. – С. 83.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 81.

¹⁶ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004.

¹⁷ Там же. – С. 251.

власти. Впечатляет список использованной литературы и источников, что характерно для осетинского ученого-кавказоведа.

Среди фундаментальных исследований последних лет выделим работы Б.Г. Алиева,¹⁸ в которых впервые в отечественной историографии изучены институты управления и власти феодальных владений в Дагестане (в том числе Аварского ханства), структура управления и власти союзов сельских общин XVIII – первой половины XIX в., представлена политическая карта Дагестана и т.д.

В обобщающем труде¹⁹ коллектива ученых рассмотрены историография народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 1820–1860-х гг., социально-экономическое и политическое положение горских народов, показаны причины и характер их борьбы, этапы и ход военных действий, причины их поражения и его последствия. Во втором параграфе «Борьба горских народов под руководством имамов Гази-Магомеда и Гамзат-бека (1830–1834)» дается не достаточно глубокая характеристика деятельности второго имама, которая не содержит новых взглядов и подробностей, а лишь констатирует уже устоявшееся мнение относительно причин его гибели.

В научных трудах М. Гасаналиева²⁰, Х.Х. Рамазанова²¹, С.Х. Мусхаджиева²², Х.М. Доного²³ и др. фрагментарно освещается жизненный путь и политическая деятельность имама Гамзат-бека.

Необходимо отметить, что при наличии огромного числа исследовательских трудов по истории Кавказской войны нет ни одной специальной научной работы о личности Гамзат-бека, второго имама Дагестана. В этом отношении больше повезло Гази-Мухаммаду и Шамилю.

---

¹⁸ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половины XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). – Махачкала, 1999; Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.) – Махачкала, 2006; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). – Махачкала, 2007.

¹⁹ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. ...

²⁰ Гасаналиев М. Первая Кавказская война: 1817–1864. Кн. 1. Сатрап. 1817–1828. – Махачкала, 2001; его же Первая Кавказская война: 1817–1864. Кн. 2. Газават: 1829–1839. – Махачкала, 2003.

²¹ Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. – Махачкала, 2004.

²² Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. – Майкоп: МГТУ, 2006.

²³ Доного Х.М. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад...

За последние годы были изданы отдельные труды, касающиеся личности первого имама Дагестана²⁴.

Наличие большого числа исследований еще не дает оснований считать, что проблема с научной точки зрения изучена. Тем не менее, заложены основы научного исследования личности Гази-Мухаммада и это следует приветствовать. Однако преемник его Гамзат-бек по сей день не достаточно изучен. Подчеркнем, что историография военно-политической деятельности Гамзат-бека в народно-освободительной борьбе горцев Дагестана в первой трети XIX в. не велика. Пока нет подробного научного исследования, посвященного политической и военной деятельности имама Гамзат-бека и его роли в народно-освободительной борьбе горцев.

Это существенную лауну в отечественной историографии необходимо восполнить, поскольку Гамзат-бек, несмотря на свое короткое правление в этой роли, был значимой фигурой в общественно-политической жизни Дагестана начала 1830-х годов.

Историографический анализ показывает, что избранная тема действительно нуждается в специальном исследовании, новом взгляде, а также в целостном восприятии политической и военной деятельности Гамзат-бека в рамках основных событий народно-освободительной борьбы горцев региона в первой трети XIX в. Настоящее исследование является первой попыткой реконструировать жизненный путь Гамзат-бека, осветить его военно-политическую деятельность и оценить его роль в народно-освободительной борьбе. Изучение жизнедеятельности второго имама Дагестана в контексте рассматриваемой проблемы имеет большое значение в научном и практическом отношении. Это дает богатый и интересный материал для продуманного и взвешенного анализа некоторых острых и малоисследованных вопросов отечественной истории.

---

²⁴ Гази-Мухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни / Сб. материалов Международной научной конференции 13–14 октября 1993 г. – Махачкала, 1993; ГъазимухИмад имам. – Махачкала: Шамилил фондальул библиотека. 1992 (на авар. яз.); Доного Х.М. Свржающий газават. Имам Гази-Мухаммад. – Махачкала, 2007.

Актуальность и значимость темы диссертации определяются такой постановкой проблемы.

Объект исследования – личность второго имама Дагестана Гамзат-бека.

Предмет исследования – военно-политическая, общественная и религиозная деятельность второго имама Гамзат-бека.

Цель исследования – научный анализ военно-политической деятельности второго имама Дагестана Гамзат-бека в начальный период народно-освободительной борьбы горцев.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **конкретных задач**:

- проанализировать общественно-политическую ситуацию в многонациональном и многоконфессиональном регионе, где продолжительное время заметную роль играла идея свободной традиционной горской жизни накануне начала народно-освободительной борьбы;

- охарактеризовать с привлечением новых источников, в том числе архивных, социально-экономическое и политическое положение Аварского ханства в первой трети XIX в.;

- раскрыть роль семейного воспитания в становлении личности Гамзат-бека;

- дать характеристику общественно-политической, военной и религиозной активности Гамзат-бека;

- выявить личные качества Гамзат-бека как политического и религиозного лидера Дагестана и его функции в дагестанском обществе;

- исследовать попытки Гамзат-бека по созданию мусульманско-теократического государства - имамата;

- проанализировать взаимоотношения Гамзат-бека с аварскими ханами;

- раскрыть причины и мотивы гибели имама Дагестана Гамзат-бека.

Хронологические рамки исследования охватывают конец XVIII века и первую треть XIX в. Нижняя дата 1789 год – становление личности Гамзат-бека, тесное сотрудничество его с первым имамом Дагестана Гази-Мухаммадом, которому оказывал эффективную помощь во всех его начинаниях. Верхняя дата 1834 год – трагическая гибель второго имама Дагестана. В ряде случаев автор целенаправленно выходит за обозначенные хронологические рамки, добиваясь создания более полной характеристики Гамзат-бека.

Территориальные рамки исследования определены территорией Нагорного Дагестана, Джаро-Белоканов (на территории современного Азербайджана) и частично Грузии.

Источниковая база. От правильной классификации источников во многом зависит степень извлечения содержащейся в них как прямой, так и скрытой потенциальной структурной информации.

Источниковой базой исследования послужили материалы центральных, зарубежных и республиканских архивохранилищ: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива Российской академии наук (Архив РАН), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Рукописного фонда Института востоковедения Российской академии наук (РФ ИВ РАН), Центрального государственного исторического архива Республики Грузия (ЦГИА РГ), Центрального государственного архива Республики Дагестан (ЦГА РД), Рукописного фонда Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН).

Богатый документальный материал содержится в РГВИА (Ф. ВУА), где хранятся материалы, непосредственно относящиеся к теме настоящего исследования. Это подробное описание экспедиции дагестанского военно-окружного начальника М.П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзата с кратким обзором истории завоевания Дагестана, составленное подпоручиком

Кузминским. Данные об успехах имама Гамзат-бека в Нагорном Дагестане и гибели аварских ханов из донесений лазутчиков помещены также в этом фонде. Всевозможные сведения об Аварском ханстве (статистика, природа, хозяйство, занятия населения и пр.), находящиеся в этом фонде очень важны, поскольку собраны современниками событий. Особо надо отметить выписку из журнала, который вел рядовой Станислав Брановский, бежавший из 43-го Егерского полка, во время нахождения его у горцев (Ф. 527). В свое время Н.И. Покровский подробно изучил содержание этого документа, поэтому мы не будем подробно останавливаться на его описании. Отметим лишь следующее. Автор выписки поляк, будучи на службе в русской армии, бежал в горы и примкнул там к имаму Гамзат-беку. В дальнейшем, заслужив доверие последнего, поляк в течение почти 8 месяцев сопровождал второго имама Дагестана и принимал участие в военных действиях.

Во время своего нахождения в окружении Гамзат-бека Брановский успевал вести дневник. К сожалению, в деле есть лишь перевод «Выписки...» и далеко не качественный. Дневник велся на польском языке, но несмотря на несколько корявый перевод, смысл подлинника можно читать. К тому же у автора «Выписок...», видимо, существовала и языковая проблема.

Существенным вкладом в изучение и освещение проблемы явился исследуемый нами материал, содержащийся в ЦГИА РФ. Нет надобности говорить о богатейшем собрании документальных источников грузинского архива. Для нашего исследования немаловажным представляется фонд Военно-исторического отдела Кавказского военного округа (Ф. 2), отдельные материалы которого свидетельствуют об отношении аварских ханов к борьбе горцев под руководством первого имама Дагестана Гази-Мухаммада, а также фонд 1083, содержащий коллекцию писем, рапортов, отношений представителей линейного командования, и фонд 1105, где собраны свидетельства активной переписки российского командования с аварскими ханами.

Важным источником в изучении личности Гамзат-бека и его сподвижника Ших-Шабана периода их совместного похода в Джаро-Белоканы послужила рукопись Исхака аль-Урми «Сведения об ученых», находящаяся в собрании Рукописного фонда Института востоковедения РАН. Ценные документы содержат фонды ЦГА РД (Ф. 133): доклады российских чиновников, касающиеся привлечения аварских ханов в российское подданство, регулирования взаимоотношений дагестанских владетелей, коллекция документов по истории движения горцев под руководством Шамиля и др.

Значительный интерес представляют материалы, сосредоточенные в РФ ИИАЭ ДНЦ РАН (Ф. 1), в числе которых воззвание Гази-Магомеда и Гамзат-бека к горцам Дагестана.

Стоит отметить солидное издание «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», состоящих из 12 томов (в дальнейшем «АКАК») ²⁵. «АКАК» представляют собой собрание документов, извлеченных из архивов наместничества Кавказского в рамках военной истории. Издание охватывает период от 1799 до 1862 г., но нас в первую очередь интересуют 6, 7 и 8-й тома.

Материалы в многотомном «Кавказском сборнике» представляют ценные свидетельства по истории деятельности Гамзат-бека и событиям, непосредственным участником которых он являлся. Это записи казначея Гамзат-бека Маклача ²⁶, очерки «Смерть ханши Баху-бике» ²⁷, «Песня об истреблении Аварских ханов и хунзахцев Гамзат-беком» ²⁸, «Заговор о Гамзате» ²⁹ и др. Специальный тридцать второй том настоящего издания посвящен исключительно действиям, происходящим на Северо-Восточном Кавказе. В частности, он охватывает нужный нам период с 1831 по 1834 гг.

---

²⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1866–1904.

²⁶ Гамзат-Бек – второй имам Чечни и Дагестана // Кавказский сборник. – Тифлис, 1911. Т. XXXI. – С. 1–30.

²⁷ Смерть ханши Баху-бике // Кавказский сборник. – Тифлис, 1911. Т. XXXI. – С. 31–34.

²⁸ Песня об истреблении Аварских ханов и хунзахцев Гамзат-беком // Кавказский сборник. – Тифлис, 1911. Т. XXXI. – С. 34–36.

²⁹ Заговор о Гамзате // Кавказский сборник. – Тифлис, 1911. Т. XXXI. – С. 36–37.

Важные данные о начальном этапе борьбы горцев почерпнуты из путевых записок штабс-капитана Генерального штаба К.И. Прушановского³⁰. Автор в начале 1840-х гг. совершил целый ряд поездок в «вольные» общества Нагорного Дагестана, «сопряженных со всевозможными трудностями, денежными пожертвованиями и даже опасностями»³¹. Прушановский в 1841 г. состоял при командире Отдельного Кавказского корпуса Е.И. Головине и был назначен в Дагестан «для исторических и всех прочих исследований, касающихся этого края»³². По мнению Покровского, Прушановский, по видимому, имел вполне надежных осведомителей, людей, знакомых с началом распространения мюридизма.

В своем описании аварской экспедиции 1834 г. офицер Генерального штаба подпоручик Кузьминский не ограничился только военной стороной дела, но затронул вопросы истории первых двух имамов Дагестана³³. Кузьминский важен как предшественник Прушановского и Неверовского, и его данные, хотя и не богаты, но очень важны для исследователя.

Описание некоторых сторон общественно-политической деятельности Гамзат-бека, к тому же со слов самого имама Шамиля, находящегося «в почетном плену» в Калуге, представлено в дневнике А.И. Руновского³⁴. Автор тщательно записывал содержание своих бесед с Шамилем, которые освещали ряд интересных вопросов во внутренней истории имамата, в том числе в период имама Гамзат-бека.

Важнейшие сведения о происходивших событиях периода имамства Гамзат-бека содержат хроника Мухаммад Тахира аль-Карахи, сочинение Абдурахмана Гази-Кумухского и труд Гаджи-Али Чохского.

Несмотря на то, что все три произведения посвящены, в основном, периоду борьбы под руководством Шамиля, в них описывается и личность

---

³⁰ Прушановский К.И. Выписки из путевого журнала Генерального штаба капитана Прушановского с 1823 по 1843 гг. // Кавказский сборник. – Тифлис, 1902. – Т. 23. – С. 1–73.

³¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6550. Л. 23.

³² Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – Тифлис, 1888. – Т. 12. – С. 266.

³³ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. 1. 1801–1839. / сост. Г.Е. Грюмберг, С.К. Бушуев. – Махачкала: Даггиз, 1940. – С. 329–349.

³⁴ Дневник полковника А.И. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 гг. // АКАК. – Тифлис, 1904. – Т. XII. – С. 1395–1527.

Гамзат-бека. Хроника аль-Карахи³⁵ содержит фактический материал, касающийся имамства Гамзат-бека, и является одним из тех местных первоисточников, без использования которой нельзя обойтись при детальном и всестороннем изучении данного периода истории.

Что касается воспоминаний Абдурахмана³⁶, то это выдающееся произведение дагестанской историографии второй половины XIX в. впервые дает обстоятельное описание быта, хозяйства, традиций дагестанских и чеченских селений. Отдельная глава сочинения посвящена Гамзат-беку, в которой автор описывает действия имама по мобилизации горцев, о его взаимоотношениях с Аварским ханским домом, причины его падения и пр.

Среди местных исторических сочинений, посвященных многолетней борьбе горцев, как по обширности затрагиваемых вопросов, так и по насыщенности фактического материала, в ряде случаев являющихся единственными в своем роде сведениями, исключительное место занимает труд Гаджи-Али³⁷. Характерной особенностью данного труда является то, что его автор освещает не все хорошо ему известные события, в частности время имамства Гамзат-бека, как бы скороговоркой или вовсе умалчивает. Это объясняется тем, что Гаджи-Али эти события излагает по сведениям, полученным от других «достоверных лиц», более того, изложения Гаджи-Али во многом страдают отсутствием критического подхода к сообщаемым им данным.

Написанное с широким привлечением арабоязычных и русских источников, определенную ценность представляет произведение Гасана-Эфенди Алкадари «Асари Дагестан»³⁸. Несмотря на несомненное достоинство труда, в нем нередко обнаруживаются и ошибки.

---

³⁵ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала: Юпитер, 1998. – 439 с.

³⁶ Абдурахман из Гази-кумуха. Книга воспоминаний. – Махачкала, 1997. – 868 с.

³⁷ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1995. – 196 с.

³⁸ Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 222 с.

В списке местных источников видное место занимают «Предания о Хаджи-Мурате», изданные А.А. Тахо-Годи в 1925 г.³⁹ Составленные по воспоминаниям сына и внука легендарного наиба, они трактуют убийство аварских ханов и содержат некоторые подробности, которые практически не встречаются в других источниках.

Необходимо отметить насыщенное фактическими данными издание «Материалы по истории Дагестана и Чечни»⁴⁰, состоящее из документов, извлеченных из центральных архивов, главным образом из Российского государственного военно-исторического архива.

В послевоенное время подходы к теме народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг., как известно, кардинально изменились. В 1953 г. МВД Грузии был выпущен сборник материалов с тенденциозной подборкой документов, призванных подкрепить официальную оценку тех событий⁴¹. Это издание, несмотря на свое одиозное название, позже подвергнутое суровой, но справедливой критике⁴² сыграло хорошую службу для исследователей, поскольку многие ранее неизвестные научному миру документы стали доступными. Помещенные в сборник Материалы сборника, выявленные из Центрального исторического архива Грузии, представляют собой официальную переписку должностных лиц, приказы, рапорты, донесения, различные отчеты, а также письма.

Эпистолярное наследие Гамзат-бека представлено в сборнике арабоязычных писем Дагестана XIX в.⁴³. Следует отметить, что писем Гамзат-бека, в отличие от писем Шамиля, сохранилось немного. Они немногословны, но характеризуют Гамзат-бека как целеустремленного руководителя горцев.

---

³⁹ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате / запись Гамзата Ясулова; предисловие А.А. Тахо-Годи; пер. с авар. Кацарилова // Дагестанский сборник. – Махачкала, 1927. – Т. 3. – С. 7–49.

⁴⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни...

⁴¹ Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд. МВД Грузии, 1953.

⁴² О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 4–7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957.

⁴³ Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / сост., пер. с араб., введ., коммент., примеч. и указ. Омарова Х.А. – Махачкала. ИД «Новый день», 2002.

В сборнике сказаний народов Дагестана о Кавказской войне заметное место отводится Гамзат-беку, где представлены некоторые сюжеты из его жизни, сохранившиеся в народе⁴⁴. Данный сборник стал подспорьем в нашем исследовании.

Имам Гамзат-бек не обойден вниманием и зарубежных исследователей. В первую очередь надо выделить таких авторов, как Л. Бланч, К. Кох, Д. Баддели, В. Варнер и др. Однако проблема состоит в том, что многое из того, что написано ими о Гамзат-беке и не только о нем, расходится с действительностью.

Все вышеперечисленные источники ценны для анализа начального этапа народно-освободительной борьбы горцев Дагестана в первой трети XIX в., политической деятельности Гамзат-бека, являющегося по сей день малоизученной страницей в историографии Кавказской войны.

Методологическая основа диссертации включает комплекс научных методов и принципов, важнейшими из которых являются историзм и объективность. Принцип историзма подразумевает изучение исторических событий в их становлении и развитии, в неразрывной связи с порождающими их условиями. Реализация принципа объективности связана с учетом всех точек зрения и подходов к изучаемой проблеме, с максимально полным отбором фактов, их беспристрастным освещением и анализом.

Научная новизна диссертации определяется тем, что, опираясь на отмеченные выше методологические принципы исследования, впервые в отечественной историографии комплексно изучена военно-политическая деятельность второго имама Дагестана Гамзат-бека в период народно-освободительной борьбы горцев региона в первой трети XIX в. на основе использования разнохарактерного документального материала и источников.

Важным аспектом новизны исследования является то, что в работе использован целый ряд источников, которые впервые вводятся в научный

---

⁴⁴ Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / сост., авт. предисловия и примеч. Халидова М.Р. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997.

оборот. Новизна предлагаемой работы определяется самой постановкой проблемы, не имеющей аналогов в отечественной науке, комплексным рассмотрением основных аспектов темы, последовательным применением новых методологических подходов. Автор диссертации с учетом требований современности исходит из актуальности и неисследованности роли личности второго имама Дагестана Гамзат-бека в политической истории Северного Кавказа, поставив цель восполнить данный пробел.

Основные положения, выносимые на защиту:

- современный уровень исторического знания, нацеленный на всесторонний объективный анализ политического и религиозного портрета второго имама Дагестана Гамзат-бека, обуславливает необходимость создания обобщающего научного исследования;

- популярность Гамзат-бека в обществе обуславливалась нахождением его в первых рядах народно-освободительной борьбы горцев Дагестана в начале 30-х гг. XIX в.;

- решимость и целеустремленность Гамзат-бека, несмотря на разноречивые о нем мнения, способствовали его приходу к власти;

- объединение «вольных» обществ Дагестана, позволили Гамзат-беку приступить к созданию мусульманско-теократической государственности-имамата;

- объективные и субъективные ошибки Гамзат-бека не позволили второму имаму Дагестана достичь успехов в политике;

- трагедия, произошедшая в Хунзахе (смерть аварских ханов, и в последующем, Гамзат-бека) стала следствием сложившихся обстоятельств и недальновидной политики второго имама.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается во всестороннем комплексном рассмотрении основных аспектов темы, в возможности использования его результатов в научной и учебно-методической работе, при написании обобщающих и специальных монографий и учебных пособий как исторического, так и политологического

плана, при подготовке изданий по истории народов Дагестана, в целом Северного Кавказа, в общих курсах истории, краеведения и источниковедения, а также в преподавании соответствующих базовых курсов и спецкурсов в высших и средних специальных учебных заведениях.

Степень достоверности и апробация исследования. Работа была обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедры всеобщей истории и политологии исторического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.Хетагурова. Основные положения диссертации докладывались на научных конференциях (Международная научная конференция, посвященная 35-летию дагестано-грузинской объединенной археологической экспедиции «Грузино-дагестанские культурно-исторические связи» 4-5 мая 2011 г. в Тбилиси; Международная научная конференция «Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля. 4 февраля 2012 г. в Махачкале; Международная научная конференция «Кавказские войны в начале XIX века и их тяжелые последствия». 10-11 октября 2013 г. в г. Баку) и отражены в научных публикациях, в том числе в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации представлена введением, тремя главами, заключением, списком использованной литературы и источников.

ГЛАВА I. ИСТОКИ И ХАРАКТЕР НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

---

§1. Внутренние противоречия в Дагестане и проблемы взаимоотношений с военной властью Российской империи на Кавказе

Со времен Петра I российское влияние на Кавказский край становилось более определенным и постоянным, хотя Прикаспийские области, покоренные царем, скоро были вновь уступлены Персии. При Анне Иоанновне было положено начало возникновению Кавказской линии. В период царствования Екатерины II, войны против Турции Россия поддерживала непрерывные отношения с Картли-Кахетинским царством, а 23 июля 1783 г. в Георгиевске между Россией и Картли-Кахетинским царством был заключен союзнический договор, «положивший начало добровольному присоединению Грузии к России»⁴⁵, в связи с чем в Картли-Кахетинском царстве было решено содержать 2 русских батальона с 4 орудиями. Однако такие слабые силы не могли надежно охранять страну от беспрерывно повторявшихся набегов дагестанских горцев. В 1785 г., когда Умма-хан Аварский угрожал Грузии, Ираклий II просил помощь в подкреплении у командующего Кавказской линией генерала Потемкина. Просьба эта не могла быть уважена, так как русские войска были в это время заняты подавлением народных выступлений на северном склоне Кавказского хребта под предводительством чеченского шейха Мансура. Между тем Умма-хан Аварский со своими отрядами вторгся в Картли-Кахетинское царств, не встретив сопротивления, а с другой стороны на нее производили набеги ахалцихские турки. Грузинские войска не смогли оказать серьезного сопротивления.

В 1787 г., ввиду готовившегося разрыва между Россией и Турцией, находившиеся в Закавказье российские войска были отозваны на линию, для

---

⁴⁵ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сборник документов. – М.: Наука, 1988. – С. 11.

защиты которой на побережье Кубани был возведен ряд укреплений и образовано 2 корпуса: Кубанский егерский и Кавказский. Сообщение России с Закавказьем почти прекратилось. Владикавказ и прочие укрепленные пункты на пути в Грузию были оставлены русскими войсками. Две мощные империи – Российская и Османская вели отчаянную борьбу за Кавказ, который стал ареной их стратегического соперничества. Их противоборство здесь было неизбежным, равно как и втягивание в него местного населения и политических сил»⁴⁶. В 1790 г. турки вместе с горцами Северного Кавказа двинулись в Кабарду, но были разбиты русским генералом И.И. Германом. В июне следующего года русский генерал-аншеф И.В. Гудович взял Анапу, причем был захвачен в плен и шейх Мансур. Однако по одному из условий Ясского мира, заключенного в этом же году, Анапа возвращалась туркам. С окончанием Российско-турецкой войны (1787–1791) российское правительство стало усиливать Кавказскую линию новыми укреплениями и создавать новые казачьи станицы.

В Указе Екатерины II 28 февраля 1792 г. определявшим политику России по отношению к коренным горским народам Северного Кавказа, отмечалось, что «не единою силою оружия... побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью» приобретать «их к себе доверенность, кротостью смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими». Кавказскому командованию вменялось в обязанность строго следить, чтобы от русских подданных «не было чинено ни малейших притеснений и обид горцам...»⁴⁷. Пользуясь тем, что Картли-Кахетинское царство к этому времени находилось не в лучшем положении, Ага-Мухаммад-хан персидский во второй половине 1795 г. вторгся в него и 11 сентября взял и разорил Тифлис, откуда грузинский царь со своими приближенными бежал в горы. Россия не могла отнестись к этому равнодушно.

---

⁴⁶ Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб: ЗАО «Журнал «Звезда», 2003. – С. 7.

⁴⁷ АКАК. – Тифлис, 1869. Т. 2. – С. 1123.

В конце 1795 г. российские войска вступили в Картли-Кахетинское царство и Дагестан. Дагестанские владетели заявили свою покорность, кроме дербентского Ших-Али хана, который занял оборону в крепости, но 10 мая 1796 г. после упорной защиты вынужден был капитулировать. Граф В.А. Зубов командующий войсками назначается главным начальником Кавказского края вместо И.В. Гудовича; но деятельность его там вскоре закончилась в связи с кончиной Екатерины II. По указу Павла I военные действия были приостановлены, командиром кавказского корпуса был вновь назначен И.В. Гудович, а русские войска покинули Закавказье, в Тифлисе по просьбе Ираклия II остались лишь 2 батальона.

В 1798 г. на грузинский престол вступил Георгий XII, который просил императора Павла принять Грузию под свое покровительство и оказать ей вооруженную помощь. Вследствие этого и ввиду явно враждебных намерений Персии русские войска в Картли-Кахетинском царстве были значительно усилены.

В 1800 г. Умма-хан Аварский вновь вторгся в Картли-Кахетинское царство, но 7 ноября был разбит на берегах реки Йоры совместными силами генерала Лазарева и грузинского ополчения.

22 декабря 1800 г. в Санкт-Петербурге был подписан Манифест о присоединении Грузии к России, и вскоре в начале царствования Александра I в здесь вводится русское управление. «Присоединение Грузии стало переломным моментом во взаимоотношениях России и Кавказа и сделало неизбежной большую войну»⁴⁸.

При Александре I российское правительство продолжало следовать выдвинутому еще при Павле I плану создания «федерации» владетелей и союзов сельских обществ Восточного Кавказа и придало этому проекту более реальную форму. Рескрипт царя на имя инспектора Кавказской дивизии, управляющего Грузией К.Ф. Кнорринга предписывал установить «между

---

⁴⁸ Кавказская война: истоки и начала. 1770–1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб: Издательство журнала «Звезда», 2002. – С. 6.

помянутыми ханами и горскими владельцами для общего их и народов их блага твердый союз и дружеское, под верховным моим покровительством, согласие»⁴⁹. Давалось повеление собрать этих владетелей на съезд, объяснить им вред междоусобий и объединить их в союз для защиты от шахского Ирана.

26 декабря 1802 г. в Георгиевске, собравшимися там владетелями Северо-Восточного Кавказа был подписан общий договор, который имел большое значение. По условиям договора ханы и горские общества сохраняли преданность Российской империи, прекращали междоусобицы, обязывались дружески, «по общим законам», решать взаимные споры, а при шахском нападении должны были «единодушно ополчиться и прогнать их общего неприятеля»⁵⁰. Георгиевским договором владетели и союзы сельских обществ Северо-Восточного Кавказа объединялись под покровительством империи для защиты от притязаний шаха, ослаблялись взаимные раздоры и юридически оформлялось их «федерация» под покровительством России.

В 1803 г. отряды жителей Джаро-Белоканской области, которые не прекращали свои набеги, оказались разгромленными генералом Гуляковым, после чего область присоединилась к Грузии. Затем последовательно вступили в русское подданство Мингрелия (1803), Имеретия (1804), Гурия (1804), ханство Ширванское (1804), Карабахское и Шекинское (1805).

При новом главнокомандующем генерале А.П. Тормасове (с 1809) потребовалось вмешательство во внутренние дела Абхазии, при этом были взяты крепости Поти и Сухум.

Преемниками А.П. Тормасова стали генерал маркиз Ф.О. Пауллуччи и Н.Ф. Ртищев. Победа генерала П.С.Котляревского у Асландуза и взятие Ленкорани, способствовали заключению Гюлистанского мира (1813 г.) с Персией. Предпринятые русскими войсками примерно в то же время набеги в Чечню не были одобрены императором Александром I, который повелел

---

⁴⁹ Рескрипт Александра I на имя Кнорринга от 24 декабря 1801 г. // АКАК. – 1893. – Т. 1. – С. 753.

⁵⁰ Текст Георгиевского договора // АКАК. – 1894. – Т. 2. – С. 1009–1011.

генералу Н.Ф. Ртищеву дружелюбно и снисходительно водворить покой на Кавказской линии.

Иран и Турция, обеспокоенные проникновением России в глубь Кавказа, при поддержке Англии и Франции попытались вооруженным путем воспрепятствовать этому. В 1804 г. вспыхнула русско-иранская война, к которой в 1806 г. на стороне Ирана присоединилась Турция. Боевые действия завершились победой русских войск и подписанием в 1813 г. Гюлистанского мирного договора, согласно которому иранский шах признал присоединение к России Дагестана и Северного Азербайджана.

Генерал А.П. Ермолов, ставший новым (с 1816 г.) начальником всех войск в Грузии и на Кавказской линии убеждает Александра I усмирить горцев с помощью оружия. Решено было вести покорение горских народов постепенно, но настойчиво. Свою деятельность на линии Ермолов начал в 1818 г. с Чечни, заложив в низовье реки Сунжа крепость Грозную. Похожая тактика предпринималась им и в Дагестане.

Характерными чертами Дагестана XVIII – начала XIX в. были этническая пестрота, неравномерность социально-экономического развития и определенные различия в политической структуре. На сравнительно небольшой территории проживало более 30 коренных народов Дагестана. Все они входили в состав различных феодальных объединений: Андреевского, Аксаевского, Костековского, шамхальства Тарковского, ханства Мехтулинского, уцмийства Кайтага, майсумства и владения кадия Табасарана, ханств Аварского, Газикумухского, с середины же XVIII в. – Дербентского, а также в несколько десятков аварских, даргинских и лезгинских самостоятельных союзов сельских общин.

Проблема взаимоотношений различных сословий в Дагестане является важной для настоящего исследования. Здесь мы видим два противостоящих друг другу класса: феодалов и простых горцев. Последние в зависимости от характера повинностей разделялись на несколько групп, не всегда одинаковых в различных районах.

Наиболее трудное положение было у низшей части горцев – кулов. «Под общим названием кулов в Дагестане объединялись различные группы зависимого населения от настоящих рабов до типичных крепостных»⁵¹.

Типичными крепостными являлись райаты и чагары, которые «отбывали беку повинности и работой, и произведениями земли»⁵².

Основной частью дагестанских горцев являлись уздени. Узденство как свободное население характеризовалось В. Линденом, который отмечал: «Уздениями называло себя вообще все свободное население Дагестана как западной нагорной его части, не входившей в состав каких-либо политических организаций с единодержавным характером правления, так равно и население ханств и других владений, не состоявшее в обязательных отношениях к высшим сословиям»⁵³. Из вышесказанного можно сделать вывод, что уздени «составляли главный контингент», количественно превосходивший другие категории населения, а следовательно, выступавший как основной производитель материальных благ, они «пользовались всегда личной свободой»⁵⁴.

Под термином *узденъ* в основном понимается свободный от зависимости и эксплуатации со стороны феодального класса член сельской общины, который владел собственными средствами производства, сам лично вел свое хозяйство без применения чужого труда. Хотя, по мнению Б.Г. Алиева, «свободное узденство не представляло однородной массы, и оно фактически было разделено по своему имущественному (экономическому) и политическому (социально-правовому) положению на различные категории»⁵⁵.

В подтверждение сказанному можно привести слова Н.И. Покровского, отмечающего, что «узденство нельзя признать совершенно однородным, и не

---

⁵¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 101.

⁵² Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом... – С. 467.

⁵³ Линден В. Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916. – С. 288.

⁵⁴ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Л. 18.

⁵⁵ Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – С. 65.

только по фактическому его составу, но и по юридическим нормам»⁵⁶. Среди узденей можно выделить две группы: 1) зависимая, но не обезземеленная еще феодалами группа горских жителей; 2) свободные уздени, живущие на землях беков, потерявшие под натиском беков свои родовые участки. Наряду с процессом закрепощения основной массы узденей происходило выделение из них верхушечного слоя. Этот слой узденей оказывался в двойственном положении, поскольку, с одной стороны, выступая в качестве рабовладельца и землевладельца, он противостоял кулам и узденской массе. С другой стороны, как обязанный нести повинности ханам и бекам он оказывался частью той же крестьянской массы. Особое значение приобретает этот слой в таких областях, как, например, Хиндалал (Койсубу) после освобождения этого общества от ханской зависимости, когда «он сам претендует на роль дворянства, опираясь и на землевладение, и на рабовладение, и, наконец, на накопление богатств путем торговли»⁵⁷.

Среди феодалов тоже можно выделить несколько групп. Наверху феодальной лестницы стояли ханы, ниже – различные группы беков. «Некоторые беки имели наследственные права над подчиненными им деревнями»⁵⁸. При этом феодал был не только земельным собственником, он «обладал и политической властью, возможностью внеэкономического принуждения, диктовал своим подданным выгодные для себя условия»⁵⁹.

Ориентация феодальных владетелей Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, «на Россию не раз менялась, но освоение Россией Предкавказья и возвышение ее военно-политической мощи побудили их в период с конца XVIII в. до 1829 г. новыми присягами и договорами подтвердить свое вхождение в состав Российских владений при сохранении в основном своих внутренних порядков»⁶⁰. Владетели пытаются в борьбе со своими

---

⁵⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 104.

⁵⁷ Там же. – С. 108.

⁵⁸ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских... Т. 1. Ч. 1. – С. 512.

⁵⁹ Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М.: Академия наук, 1956. – С. 130.

⁶⁰ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – С. 5.

«непокорными» подданными опереться на штыки русского царизма, который предоставляет помощь ханам и бекам.

По справедливому замечанию Б.Г. Алиева, «в одном случае местные имперские власти в Дагестане ограничивают власть феодальных владетелей, в других – смещают их, упраздняя ханское управление, в третьих – заменяют их иными членами правящих феодальных фамилий»⁶¹. Иногда российское командование ставит над владетелями должностное лицо, обычно русского офицера, осуществляющего контроль над происходящим. Например, в инструкции Николая I на имя главнокомандующего на Кавказе генералу Е.А. Головину говорилось: «Я полагаю, что где мы встречаем покорность, там выгодно оставить прежнего владетеля... Но там, где нужно проникать силою, предпочтительно ставить нашего чиновника из военных, самого надежного. Управлять, не изменяя ни местных законов, ни обычаев, дань требовать только ту, которая получалась прежними владельцами, и отнюдь не обременять жителей...»⁶².

Политика заигрывания с местными владетелями в Дагестане, оставление их прав неприкосновенными не было милостью со стороны царских властей. Такая политика приносила обоюдную выгоду для двух сторон: империи она облегчала пути по завоеванию Дагестана, ханы же входили в соглашение с Россией при условии сохранения собственных прав. Таким образом, царская поддержка давала феодалам возможность «поступать в своих отношениях к поселянам, не стесняясь никакими условиями»⁶³.

Русское правительство после вхождения «дагестанских ханств в состав империи обыкновенно давало в грамотах ханам и в прокламациях народу обещание владетелям и в их лице бекам сохранить прежнее внутреннее управление... и оставить неизменными прежние права как высшего сословия, так и всей массы населения»⁶⁴.

---

⁶¹ *Цит. по:* Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана. XVIII – первая половина XIX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – С. 186.

⁶² Там же.

⁶³ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. Л. 26.

⁶⁴ Даниялов Г.Д. Ислам Дагестана. – Махачкала, 1996. Т. 2. – С. 26.

Однако признавать за всеми горскими феодалами право на русское дворянское звание, приравнивать горское дворянство к дворянству русскому царизму не собирался. Подобное положение, конечно, не устраивало горское дворянство, которое стремилось к использованию военной силы царских войск с приведением своих подданных к покорности, и пыталось оттянуть время для утверждения самодержавной власти в горах, сохранив хотя бы часть собственной самостоятельности. Отсюда – двойственная политика феодалов, результаты которой раскроются на примере аварских ханов.

Другим было отношение к самодержавию основной части горской массы. Население, эксплуатируемое ханами и беками остро ощущало гнет с прибытием царских войск. Правительство, укрепляя положение феодалов в противостоянии горским массам, само по себе выступало в качестве угнетателя. Поборы, которые производило российское командование, в виде различных реквизициях, штрафах и пр., всей тяжестью ложились на плечи горцев. Постоянные карательные экспедиции, расправы с целыми селениями, разрушение домов, вытаптывание посевов, вырубание садов и пр., разжигали у горцев ненависть к русскому царизму, а посему вызывало у жителей недовольство феодальной эксплуатацией ханов и беков, а также царскими властями, которые проводили «и политику колонизации Дагестана, и политику покровительства местным феодалам»⁶⁵.

Особое положение имела еще одна группа горского населения, стоящая между ханами и горской массой. Это зажиточная верхушка аула. Она была связана торговлей с Кавказской линией и поэтому не могла не считаться с российскими властями, которые умелым силовым давлением воспрещали ей в случае необходимости обменные операции.

До 1810-х гг. Россия не пыталась устанавливать свой контроль над горным Дагестаном. Более того, в Петербурге не видели в этом никакой надобности, поскольку интересы империи на пространстве между Черным и Каспийским морями определялись стратегическим противостоянием с

---

⁶⁵ Алиев Б.Г. Традиционные институты... – С. 187.

Персией и Турцией. «В этот период стратегической доминантой было обеспечение спокойствия на южных границах, чего пытались достигнуть устройством оборонительных линий и карательными экспедициями»⁶⁶. Почти столетний опыт показал, что обе эти формы оказались малодейственными, что надо переходить к покорению горных районов в буквальном смысле этого слова – добиваться с помощью насилия безоговорочного подчинения горцев и принятия ими правил жизни и общественного устройства, соответствующих видам правительства. Основание крепостей в Дагестане в 1817–1821 гг. означало резкую эскалацию военных действий. В 1819 г. была построена крепость Внезапная, а через год близ аула шамхала Тарки возводится крепость Бурная, строительству которой несколько раз препятствовал Султан-Ахмед-хан Аварский. Поддерживая местных феодалов, А.П. Ермолов одновременно стал требовать беспрекословного их подчинения, чем вызвал волну недовольства, вылившуюся в 1818–1819 гг. в вооруженную борьбу – так называемое «ханское движение», к которому, однако, не примкнули широкие массы, в результате чего оно было быстро подавлено.

Уже в 1820-е гг. высказывались предположения, что покорить горцев можно только методичной «осадой», постепенным продвижением вглубь гор и укреплением русского владычества на контролируемой территории. Сторонником подобного подхода стал генерал А.А. Вельяминов (последователь А.П. Ермолова). Радикальным способом решения проблемы умиротворения горцев он считал создание таких условий, при которых последние окажутся не в состоянии ни собираться бесконтрольно в значительных силах, ни чувствовать себя в безопасности в своих горах, малодоступных для регулярных войск⁶⁷.

С начала 1820-х гг. стратегия российского командования на Кавказе направлена на приспособление местного театра военных действий к

---

⁶⁶ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи. Иллюзии и реальность. Начало XIX в. – СПб: Издательство журнала «Звезда», 2005.

⁶⁷ Мемория генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // КС. – Тифлис, 1883. Т. 7. – С. 67.

возможностям главных действующих лиц и исполнителей – русских войск. Начинается титаническая рубка леса, чтобы на открытой местности использовать неоспоримые преимущества русского штыка⁶⁸. Нежелание и неспособность российских военачальников понять образ мышления горцев, их обычаи и жизненный уклад туго затягивали узел конфликта. «Колониальная политика царизма при Ермолове приняла новые, более жестокие формы и методы»⁶⁹, следовательно, почва для резкого недовольства горского населения была подготовлена.

«Для повсеместного выступления, – писал русский офицер В.И. Мочульский, – недоставало только связи между различными обществами»⁷⁰. В условиях острых классовых и национальных противоречий в конце 1820-х гг. в Дагестане и Чечне начало распространяться движение горцев под знаменем, так называемого, мюридизма. По словам русского военного историка Романовского, мюридизм стал «искрою, брошенной в порох»⁷¹. Одним из его распространителей стал Мухаммад аль-Яраги, сыгравший роль общепризнанного духовного лидера Северного Кавказа. Появление проповедника в Дагестане оказало огромное влияние на всю религиозную ситуацию Северо-Восточного Кавказа. Популярность шейха была велика. «Весть о мулле Магомете и его учении, – писал Ф. Боденштедт, – со скоростью молнии облетела весь Дагестан...»⁷².

Уже осенью 1823 г. «из уст мутлы Магомета зазвучала политическая нотка, сглаживаемая истинными обязанностями тариката лишь настолько, насколько это нужно было, чтобы не произвести преждевременной бури»⁷³.

Несмотря на то, что цели еще не определились, в обращении шейха отразилась эволюция его взглядов: политических и религиозных. Оно может характеризоваться как документ, в котором наметились зачатки новой

---

⁶⁸ Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. – М., 1991. – С. 426.

⁶⁹ Кавказская война: народно-освободительная борьба... – С. 203.

⁷⁰ История народов Северного Кавказа... – С. 140.

⁷¹ Романовский Д. Кавказ и Кавказская война. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. – С. 180.

⁷² Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала, 1996. – С. 21.

⁷³ Потто В. Кавказская война. Т. 5. Вып. 1. – С. 21.

идеологии, «в речи скользит понимание насущных нужд и запросов эпохи, его духовных воззрений»⁷⁴.

Нам нет необходимости подробно останавливаться на описании данного религиозного учения и его проводников, поскольку эта проблема хорошо изучена отечественными и зарубежными исследователями, а посему лишь отметим, что проповедь нового учения, распространяясь по Дагестану, проникла в нагорные «вольные» общества, где захватила узденские массы, видящие в ней, прежде всего, проповедь шариата. Это подтверждается историей принятия тариката одним из видных койсубулинских проповедников Гази-Мухаммадом, провозглашенным имамом и начавшим свою деятельность с настойчивых призывов к населению отказаться от адатов и повседневно утверждать нормы шариата. Твердая линия, взятая Гази-Мухаммадом при проповеди шариата, выдвинула его из массы мусульманского духовенства, а хорошее знание окружающей обстановки, в которой он действовал, в сочетании с идеями войны за веру обеспечило ему симпатии койсубулинских узденей, и не только их. Вместе с тем он рассчитывал на то, что борьба в первую очередь с аварскими ханами и их окружением будет поддержана широкими народными массами, тяготевшими к управлению феодалов, а сам он приобретет популярность борца за народные интересы и социальную справедливость, привлечет к движению новые силы горцев.

§ 2. Социально-экономическое и политическое положение Аварского ханства в первой четверти XIX в.

В начале XIX в. территория Аварского ханства в Дагестане ограничивалась: с востока – Мехтулинским ханством, с юго-востока – Газикумухским ханством, с юго-запада – землями джарцев, с севера –

---

⁷⁴ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад альЯраги и кавказский мюридизм... – С. 93.

койсубулинцев. На этом пространстве размещались почти все «вольные» общества Аварии, насчитывавшие около 40 тыс. дворов⁷⁵.

В докладной записке русской экспедиции, посетившей Аварию в 1828 г. подчеркивалось, что здесь насчитывалось 37 селений с 5895 дворами узденскими и 160 селений с 14 843 дворами податных⁷⁶. По данным А. Берже, в этом же году аварскому ханскому дому подчинялись 272 селения с 130 тыс. жителей⁷⁷.

Из краткого обзора, составленного главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом графом И.Ф. Паскевичем, следует, что «Аварское ханство, занимающее почти в середине Дагестана высокую плоскость, весьма сильно своим народонаселением и воинственным духом жителей. Еще во время управления кн. Цицианова они были обладателями всей южной части Кавказских гор, имели даже в своей зависимости Чарское и Белоканское общества и нередко выходили на равнины сражаться против войск наших»⁷⁸.

Земля в Аварии была малопригодна для развития сельхозкультур, население покупало хлеб в соседних владениях – шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском, поскольку «хлебопашество весьма скудное и недостаточное для прокормления своего»⁷⁹. Торговля была ограничена самыми необходимыми предметами (соль, хлеб, саман). Недостаток в Аварии ощущался во всем. К этому выводу приходили почти все обозреватели и путешественники, бывавшие в этих краях.

Столицей ханства являлся Хунзах, который был «расположен в конце долины над утесом, внизу коего жители имеют свои сады, посреди города протекает речка, Тукита называемая, и низвергается каскадом с утеса...»⁸⁰. Из сохранившегося описания дворца аварских ханов становится известным, что он был «сложен из тесанного камня, обнесен стеной, упирающейся своим северным фасадом в тот же обрыв, на краю которого выстроен и сам дворец;

---

⁷⁵ Материалы по истории Дагестана... – С. 185.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Кавказский календарь на 1859 г. ... – С. 264.

⁷⁸ Материалы по истории Дагестана... – С. 253.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. – С. 189.

затем стена обходит здание с запада и юга и небольшой частью примыкает к самому дворцу с востока; в южном фасе стена, к коему примыкает дворец, сделаны ворота, находящиеся между дворцом и углом стены, образуемым ее западно-южным фасом на середине его как раз против главного дворцового фасада дверь, ведущая в двор мечети, примыкающей с этой стороны к дворцовому расположению. К северному фасу стены приделаны конюшни и стойла на всю длину фасада дворца с этой стороны; между дворцом и конюшнями над самой кручей обрыва сторожевая башня, командующая окрестностью и самым дворцом. Мечеть, примыкающая ко дворцу, была с минаретом»⁸¹. Что касается обитателей ханского дома, то ситуация в нем к рассматриваемому периоду была такова. В 1801 г. в Белоканах после полученного ранения скончался правитель аварского владения Умма-хан, не без основания прозванный «Великим» за свои «военные подвиги, мудрое правление и благородный характер. С гибелью Умма-хана закончился род аварских ханов по мужской стороне»⁸². За опустевший престол началась отчаянная борьба.

У покойного хана оставались старшая дочь Баху-бике от первой жены Кистаман (дочь уцмия Кайтага), жена грузинка Дариджа, дочь Патимат (от Патимат Аксайской) и брат Гебек, рожденный от грузинской княгини по имени Марьям⁸³. В борьбу за престол вступила и последняя жена Умма-хана Китлилай (Гихили), являющаяся двоюродной сестрой покойного нуцала (дочерью его дяди Мухаммад-Мирзы). Последняя всячески противилась приходу к власти Гебека, и вокруг нее сплотилась местная знать во главе с Андаловым сыном Чупана из тухума Огузилал. Тем не менее, правителем стал Гебек, находившийся в этой роли около 9 месяцев, когда был совершен переворот и владетель был умерщвлен в январе 1802 г. не без вмешательства Китлилай⁸⁴.

---

⁸¹ Описание ханского дворца в Хунзахе // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 38.

⁸² Материалы по истории Дагестана... – С. 189.

⁸³ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 40.

⁸⁴ Там же.

На аварский престол был приглашен Султан-Ахмед-хан – племянник Умма-хана и муж его старшей дочери Баху-бике. Но и на этом борьба за власть не закончилась, на престол претендовал Сурхай, сын покойного Гебека, основавшийся в селении Тукита. Между тем Султан-Ахмед-хан, проявив недалекость, в конце августа 1819 г. во главе шеститысячного отряда выступил против крепости Внезапной. Но у селения Бавтугай на левом берегу Сулака, хан был разбит наголову царскими войсками и бежал в горы. В наказание за это генерал А.П. Ермолов низложил Султан-Ахмед-хана, а управление Аварией поручил сыну Гебек-хана Сурхаю, после чего Султан-Ахмед-хан обратился к главнокомандующему на Кавказе с верноподданническим письмом, но безрезультатно⁸⁵.

В 1819 г. А.П. Ермолов обещал Сурхай-хану через посредничество шамахала Тарковского чин генерал-майора и 5 тыс. рублей жалованья, если тот сможет практически отстранить Султан-Ахмед-хана от власти. Однако все попытки Сурхай-хана утвердиться в Аварии не увенчались успехом.

В 1826 г. Султан-Ахмед-хан умер, оставив после себя малолетних сыновей и дочь. Но так как он еще при жизни был объявлен изменником, генерал А.П. Ермолов утвердил ханом Аварии не Абу-Нуцал-хана, а Сурхай-хана. Впоследствии кавказское командование было вынуждено разделить Аварию на две части, одну из которых передало в управление Сурхай-хану; другой, значительно большей, частью управлял малолетний сын Султан-Ахмед-хана – Абу-Нуцал-хан.

Баху-бике предприняла энергичные меры по возвращению части владения, отданного под управление Сурхай-хану, а для этого необходимо было добиться признания Российским правительством права на ханство своего старшего сына. Эти попытки оказались результативными только после отправления в отставку генерала А.П. Ермолова. Сменивший его генерал И.Ф. Паскевич был убежден, что Сурхай-хан «не принес особой для российской власти пользы, а лишь исправно получал от правительства

---

⁸⁵ РГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 19.

помощь и приезжал ежегодно в Тифлис для получения положенного подарка»⁸⁶. Поэтому чаша весов склонилась в пользу семьи Султан-Ахмед-хана, но поскольку он находился «при молодых годах, неопытности» и отличался, по оценке современников, «ограниченным умом», не имея «и тени власти отца своего», мать молодого хана Баху-бике вынуждена была взять на себя регентство.

«Ханша Паху, средних лет, управляет всем ханством, уважаема народом... – отмечал современник. – Она весьма деятельна, и если надобность потребует, то она выезжает верхом, в сопровождении 6-ти и 7-ми женщин и прислужников...»⁸⁷. Делами ханства Баху-бике занималась совместно «с приверженными к ней кадием Нур-Магомой, Андолбеком и другими»⁸⁸. Как отмечал очевидец, ханша «распоряжается в ханстве с общего совета и согласия, но сама без совещания не может ничего ни решить, ни предпринять»⁸⁹. Со временем Баху-бике сумела достичь улучшений в отношениях с российскими властями на Кавказе.

К исходу первой трети XIX в. политическое положение аварского ханского дома было непрочным. По свидетельству Я. Костенецкого, «Авария владела не только многими, зависимыми от нее обществами, но и являлась единственной повелительницей в горах, и все соседи трепетали от ее ханов»⁹⁰. Но эти времена прошли. Прежний правитель Султан-Ахмед-хан оставил ханство в весьма здоровом политическом состоянии; при нем «народ аварский был... довольно покорен»⁹¹. После его смерти ханство стало приходить в упадок. Причиной послужило большей частью бедственное положение экономики. Оценивая значение для жителей Аварии торговли с соседями, И.Ф. Паскевич в 1828 г. писал: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни и будучи окружены, подобно им, бедными соседями, не могут доставлять необходимейших для

---

⁸⁶ ДГСВК... – С. 44.

⁸⁷ Материалы по истории Дагестана... – С. 188.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г. – СПб, 1951. – С. 6.

⁹¹ Материалы по истории Дагестана... – С. 188.

себя вещей иначе», как обменивая «некоторые собственные произведения» с жителями равнин, «без такого обмена и без торговли, аварцы существовать не могут»⁹².

В это время многие сельские общества, ранее находившиеся под управлением нуцалов, стали отказываться платить подати «своим» владетелям, а некоторые открыто склонялись на сторону набиравшего популярность имама Гази-Мухаммада. Обстановка несколько изменилась после победы России в войне с Ираном (1826–1828) и с Турцией (1828), в это время на подданство империи присягнули гумбетовцы, чеченцы, андийцы, каратинцы⁹³.

Весной 1828 г. Абу-Султан-Нуцал-хан прислал к начальнику Левого фланга Кавказской линии генералу Энгельгардту доверенного с объяснением, что «он, руководствуясь советами матери своей ханши Баху и бабки ханши Гихили, имеет желание искать высокого покровительства»⁹⁴.

9 сентября 1828 г. в Хунзахе при многочисленных свидетелях, в том числе российских офицерах, мулла крепости Грозной Мустафа Курумов привел к присяге Абу-Султан-Нуцал-хана на верноподданство Российской империи. В клятвенном обещании хана говорилось: «Быть со всею фамилиею и народом мне принадлежащим вечно подданным, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его Императорскому Величеству самодержавству силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные, по крайнему разумению силе и возможности предостерегать и оборонять и при том, по крайней мере, стараться споспешествовать все, что к его Императорскому Величеству верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может»⁹⁵.

В удостоверение истиной покорности хан выдал в аманаты своего ближайшего родственника Гиммата Карагишиева. 8 января следующего года

---

⁹² АКАК. Т. 6. Ч. 2. – С. 509.

⁹³ Материалы по истории Чечни и Дагестана... – С. 188.

⁹⁴ Там же. – С. 132.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. Главный архив 1–9. Д. 7. Л. 45.

в отношении управляющего Азиатским департаментом Государственной коллегии иностранных дел С.Л. Лашкарева министру Императорского двора князю П.М. Волконскому говорилось об утверждении Сурхай-хана и Абу-Султан-Нуцал-хана владетелями Аварии и назначении им подарков.

О щедрых царских подношений аварским ханам и их семьям сообщается главнокомандующему И.Ф. Паскевичу: «Аварским владетельным ханам прежнему Сурхаю и вновь покорившемуся Абу-Султан-Нуцал-хану всемилостивейше повелено было производить из государственного казначейства по 2 тыс. руб. сер. в год»⁹⁶. Кроме того, обоим произвели в полковники с вручением им «высочайших грамот, знамен с императорским гербом и богатых сабель с надписями, жалуемым им от Его Величества и сверх того для семейства Абу-Султанова подарки...»⁹⁷.

Однако Баху-бике с сыном не соглашались на подобное примирение, которое могло, по их мнению, произойти только тогда, когда «Сурхай, именуемый ими только беком, останется довольным тем, что они ему дадут, и когда он возвратится к ним на службу»⁹⁸. По инициативе Баху-бике завязались переговоры с российским командованием на Кавказе о российском подданстве⁹⁹, в которых ханша отстаивала лишь узкоэгоистические интересы ханского дома.

Политическая ориентация на Россию и присяга российскому престолу предлагались в обмен на то, чтобы аварскому дому вернули земли, ранее принадлежавшие хану, состоявшие из 6 хуторов и 8 деревень, а также восстановили принадлежавшие по наследству магалы (подати) с деревень Тушетии и Мосок¹⁰⁰, а затем при А.П. Ермолове отданные шамхалу Тарковскому. Абу-Нуцал-хан ставил также вопрос о лишении Сурхай-хана права на владение частью территории Аварского ханства, кроме того, не лишая доходов, ежегодно получаемых еще Умма-ханом из Грузии.

---

⁹⁶ ДГСВК... – С. 59.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Атаев М.М. Баху-Меседу бике // Тарих. – 1997. – № 4. – С. 22.

⁹⁹ АКАК. Т. VII. – С. 520.

¹⁰⁰ Атаев М.М. Баху-Меседу бике... – С. 22.

Естественно, на таких условиях российское командование не согласилось принять аварский дом под свое покровительство, ведь такой шаг мог испортить отношения с шамхалом и Сурхай-ханом.

Подобные требования российские власти считали неумеренными, хотя прорусская ханская политика не находила полной поддержки со стороны части окружения, о чем свидетельствует письмо Абу-султан-Нуцал-хана к генералу И.Ф. Паскевичу, в котором, в частности, говорилось, что скорейшее решение вопросов поддержки его царскими чиновниками «заставит молчать насмешливых моих противников и возвеличит между равными»¹⁰¹.

При молодом Абу-Султан-Нуцал-хане «вольные» общества по существу отложились от хана ввиду важного обстоятельства, которое заключалось в следующем. При покойном Султан-Ахмед-хане они получали свою долю военных трофеев от совместных походов под его руководством¹⁰². Этим хан обеспечивал себя постоянными военными трофеями, сохранял прочные позиции внутри ханства, в том числе в «вольных» обществах¹⁰³. По поводу этого русский историк Д.И. Романовский писал: «Влияние аварских ханов на соседние общества зависело от их личных качеств, и в особенности от их военной славы. Горцы до тех пор подчинялись этому влиянию, пока были уверены, что под предводительством ханов они скорее и легче получат добычу в набеге на мирные области»¹⁰⁴.

Со смертью Султан-Ахмед-хана «вольные» общества лишились крупного предводителя в походах. Важное звено, связывавшее «вольные» общества с ханским домом, обрывалось. По замечанию подполковника Скалона, «вольные» общества, расположенные на территории Аварского ханства, лишь формально могли считаться союзниками хана, фактически же ни в каком отношении от него не зависели»¹⁰⁵. Эти общества готовы были «служить не аварскому хану, а преимущественно тому, кто больше может

---

¹⁰¹ Материалы по истории Чечни и Дагестана... – С. 126.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб, 1860. – С. 41.

¹⁰⁵ Материалы по истории Дагестана и Чечни.... – С. 127.

заплатить»¹⁰⁶. Вдобавок обострились отношения Баху-бике с Китлилай. Подполковник Скалон сообщал, что Китлилай, «весьма благоразумная женщина, во вражде с Баху, имеет влияние на управление народом, чему служит доказательство то, что она получает половину доходов ханства»¹⁰⁷.

Кавказское командование решается воспользоваться этой распрей. Генерал И.Ф. Паскевич в своем письме на имя министра иностранных дел графу К.В. Нессельроде говорил о том, что «неприменно надлежит поддерживать Сурхай-хана и тем, увеличив его власть, уменьшить требования хунзахского хана и его матери»¹⁰⁸. В то же время И.Ф. Паскевич считает уместным «изыскать средства, кои склонили бы Паху к примирению Сурхай-ханом или удалили ее от дел»¹⁰⁹. Понимая, что российское командование на Кавказе затягивает решение поднятых аварским домом вопросов, ханша Баху-бике решила обратиться непосредственно в Санкт-Петербург. Для этого в декабре 1829 г. она отправила в столицу Российской империи депутацию, состоящую из представителей хунзахской знати. Основной целью дипломатической миссии было возвращение наследственного имени Абу-Султан-Нуцал-хану и принятие Аварского ханства в российское подданство.

В прошении Абу-Султан-Нуцал-хана Николаю I говорилось о возвращении ему владения, доставшегося ему в наследство «от покойного родителя, состоящее из 3-х деревень с половиною, из гор и пашни»¹¹⁰. Кроме того, хан просил «принять уверение в верном подданстве Российской империи, в беспрекословном повиновении и в совершенной преданности»¹¹¹. Пробыв в Петербурге несколько месяцев, депутаты с щедрыми подарками вернулись в Хунзах с милостивой ответной грамотой.

Министр иностранных дел России граф К.В. Нессельроде в своем докладе императору Николаю I отмечал, что необходимо действовать в

---

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. – С. 134.

¹⁰⁸ ДГСВК... – С. 61.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Материалы по истории Дагестана... – С. 133.

¹¹¹ Там же.

отношении аварского ханства с целью «усмирения ханши Баху, матери присягнувшего Нуцал-хана аварского, откладывая на время решительные действия в отношении их требований, а семейство хана ласкать, поддерживать вражду ханши Баху с ее мачехой»¹¹².

Командование уделяло ханству серьезное внимание и всячески старалось наладить с ним отношения, поскольку, как предполагал генерал Эмануэль в рапорте генералу Паскевичу, «важность приобретения сего ханства состоит наиболее в том, что оно, как сопредельное Грузинским провинциям, будет препятствовать Дагестанцам и Джарцам производить в оных хищничества и со временем послужит к укрощению и к приведению их в покорность»¹¹³.

Российское правительство, учитывая важность политического контакта с ханским домом, вместо территориального пополнения, о котором просила аварская сторона, преподнесла ценные подарки членам ханского дома: ханша Гихили получила бриллиантовый перстень с бразильским топазом стоимостью в 1200 руб., Баху-бике – бриллиантовый перстень с гранатом стоимостью в 800 руб., Нуцал-хан – часы за 400 руб. и калейдоскоп. Сверх этого хану было дано обещание о присвоении ему звания генераль-майора и назначении пансиона¹¹⁴. После некоторых колебаний ханский дом вынужден был согласиться на предложенную сделку.

Подобные действия российского правительства были характерны в отношении не только аварских ханов, но и всех других феодальных владетелей Дагестана. Приведем пример отношения генерала А.П. Ермолова к шамхалу Тарковскому. «За себя и детей своих, – писал Мехти-шамхалу «проконсул Кавказа», – можешь быть спокойным. Теперь власть шамхала более будет уважаема, и соседи уразумеют, что значит могущественное покровительство Великого Государя»¹¹⁵. О том, как шамхал использовал силу царских штыков, красноречиво говорит откровенное признание

---

¹¹² Там же. – С. 134.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. – С. 521.

¹¹⁵ АКАК. Т. 6. Ч. 2. – С. 98.

генерала Клюки фон Клюгенау, который писал, что шамхал, «поддерживаемый русскими, не боится вражды народной, продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том ответа»¹¹⁶.

Итак, подобный союз с Россией имел большое значение для защиты Аварского ханства от нападений. Тем не менее, у аварского дома, не в полной мере довольного развитием отношений с империей, сохранялось недоверие к ней. Ханша мало верила, что российское командование окажет военную помощь против Гази-Мухаммада. Желая приобрести большие гарантии своей безопасности, Баху-Бике вступила в переговоры с Ираном и Турцией, направив к правительствам этих стран своего посланника¹¹⁷. Никакого результата эти переговоры, однако, не принесли.

Сразу же после окончания русско-турецкой войны (1829 г.) Николай I писал фельдмаршалу И.Ф. Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных. Дело сие не требует немедленного приближения, но решительного и зрелого исполнения... Я для сего предоставляю вам временно все войска, под команду вашей ныне находящиеся, с тем, чтоб удар был столь же решителен, как и внезапен»¹¹⁸. Паскевич получил от императора конкретное указание – составить подробный план военного покорения горцев и окончательного установления над ними российского политико-административного управления.

Таким было положение Аварского ханства со всеми его внешнеполитическими и внутренними проблемами к 1830 г., когда имам Гази-Мухаммад предпринял поход на Хунзах. Подробности этого нашествия и результаты противостояния ханского дома будут изложены в следующей главе.

---

¹¹⁶ ЦГИА РГ. Ф. 1083. Оп. 6. Л. 11.

¹¹⁷ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. X. – Тифлис, 1886. – С. 124.

¹¹⁸ ДГСВК... – С. 58.

Выводы по первой главе

1. С включением Дагестана в состав Российской империи объективно создавались благоприятные условия к развитию экономики и культуры народов. Царское самодержавие, формируя себе социальную опору, оказывало всяческую поддержку местным феодальным владельцам, в частности аварским ханам, которые регулярно получали денежное пособие, ценные подарки, ордена и чины, а также земельные угодья. В первой трети XIX в. ханский дом был важен для царизма в силу слабости российских позиций на Кавказе, необходимости экономии средств на содержание администрации, нехватки русских чиновников.

2. Политика заигрывания с местными владельцами в Дагестане, оставление их прав неприкосновенными не являлось милостью со стороны царских властей, а подсказывалась обоюдной выгодой для сторон – самодержавию она облегчала задачу завоевания Дагестана, для ханов же было выгодно входить в соглашение с Россией на условиях сохранения своих прав. Феодалы получали возможность «поступать в своих отношениях к поселянам, не стесняясь никакими условиями».

3. Процесс вхождения под российский протекторат проходил непросто, что было характерно как для русской администрации, так и для Аварского ханства. Последнее постепенно вовлекалось в систему российского управления. Иногда политика официального Санкт-Петербурга вызывала недовольство и недоверие у аварского ханского дома, в связи с чем ханы, исходя из конкретной обстановки и своих интересов, вынуждены были ориентироваться на Турцию или Иран.

4. К исходу первой трети XIX в. политическое положение аварского ханского дома было непрочным. После смерти Султан-Ахмед-хана владение стало приходить в упадок. Причиной послужило большей частью бедственное положение экономики. Многие сельские общества, ранее находившиеся под управлением нуцалов, стали отказываться платить подати

«своим» владельцам, а некоторые открыто склонялись на сторону набиравшего популярность имама Гази-Мухаммада. Обстановка несколько изменилась после победы России в войне с Ираном (1826–1828) и с Турцией (1828).

5. Антинародная политика царизма, опиравшаяся на местных феодалов, и, в частности, на аварских ханов, явилась основной причиной народно-освободительной борьбы горцев под религиозным знаменем.

ГЛАВА II. РОЛЬ И МЕСТО ГАМЗАТ-БЕКА В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА

§1. Семейное воспитание, образование, дагестанские традиции в формировании личности Гамзат-бека

Одним из важнейших источников, касающихся жизнеописания Гамзат-бека, является работа Маклача – сына чохского жителя Гази. Маклач был другом Гамзат-бека с детства, все 12 лет они вместе учились в Чохе у местного известного богослова Махада. Совместная учеба сдружила их, впоследствии Маклач примкнул к Гамзат-беку в борьбе, более того стал его казначеем, сопровождал имама повсюду, вплоть до его трагического конца.

Год рождения Гамзат-бека, который приводит в своем повествовании его биограф Маклач, – 1789-й. Это и есть официальная дата, которой придерживаются все авторы¹¹⁹. Родился он в ауле Гоцатль, расположенном на территории Аварского ханства, и являлся чанка, т.е. происходил из знатного бекского рода по линии отца, мать же была простого происхождения.

«Названный Гамзат-бек происходил из рода «Нуцаби» (т. е. из княжеского, дворянского рода), был известен как хороший ученый-арабист»¹²⁰. Такую характеристику дают будущему имаму сын и внук легендарного шамлевского наиба Хаджи-Мурата в своих воспоминаниях. Отец его Алискендер-бек уважаемый в обществе «за храбрость и распорядительность»¹²¹ являлся тем преуспевающим военачальником, который, осуществляя походы, пользовался популярностью в Аварии. Алескендер-бек часто выказывал личную храбрость и отвагу во время нашествий горцев на Кахетию¹²², зафиксированную в народных преданиях.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

¹²⁰ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате / запись Гамзата Ясулова; предисловие А.А. Тахо-Годи; пер. с авар. Кацарилова // Дагестанский сборник. – Махачкала, 1927. Т. 3. – С. 8.

¹²¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 1.

¹²² Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: Исторический очерк Кавказской войны в Чечне и Дагестане... – С. 66.

Но не только военными успехами был известен отец будущего имама. В народе его называли Старшим Алисканди, он верно служил аварскому ханскому дому, являясь визирем Умма-хана Аварского, который ценил его за ум и находчивость. В летописи Хайдарбека Геничутлинского Алескендер-бек предстает перед нами как «человек, во всех отношениях совершенный», который «был, кстати, для Умма-хана мощной связующей опорой»¹²³. Он послушно служил хану, который, «в свою очередь, любил Алескендер-бека более, чем зеницу ока, более, чем драгоценную жемчужину»¹²⁴. Популярность и высокое положение военачальника Алескендер-бека приблизили его ко двору последующего после смерти Умма-хана аварского хана Султан-Ахмет-хана. «Султан-Ахмет-хан в наиболее важных делах обращался за советами к умному и влиятельному в народе Алескендер-беку»¹²⁵. Достаточно привести документ из Актов Кавказской археографической комиссии, очень важный для характеристики Алескендер-бека, который почему-то выпал из поля зрения исследователей. Документ озаглавлен «Письмо лезгинского владельца Алисканди (Алескендер-бека. – Авт.) князю Цицианову», который в 1802 г. был назначен инспектором пехоты на Кавказ, астраханским военным губернатором и главнокомандующим в только что присоединенной Грузии¹²⁶. В письме Алескендер-бек хлопочет о налаживании торговых отношений некоторых горских обществ с русскими, а желание российского командования взять у него сына или брата в качестве аманата говорит о значительном авторитете Алескендер-бека¹²⁷. Во время правления Умма-хана Алескендер-бек провел большую работу по урегулированию отношений с персидским шахом, который угрожал Дагестану. «За это хан подарил ему одиннадцать сел из своего владения»¹²⁸.

---

¹²³ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические... – С. 54.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803 по 1806 г. – СПб, 1866. – С. 76.

¹²⁷ Письмо лезгинского владельца Алисканди кн. Цицианову // АКАК. Т. II. – С. 755.

¹²⁸ Дадаев М. Имам Хамзат-бек. <http://www.islamdag.ru/istoriya/2481>

Сведений о матери Гамзат-бека не сохранилось, поэтому ограничимся только информацией об отце.

Гамзат-бек имел хорошие условия для учебы. По некоторым сведениям, первоначальным его обучением занимался известный в то время ученый-богослов Дибир-кади¹²⁹, бывший секретарем у Умма-хана Великого. Умение читать Коран считалось обязательным для каждого мусульманина независимо от пола и социального происхождения. Обучение чтению Корана могло проводиться индивидуально и в семье под руководством грамотных родителей и родных или в составе группы у какого-либо образованного человека в доме. Подобный вид занятий неофициально назывался «коранической школой». Урок в такой школе проходил так: сначала учитель читал сам, потом предлагал читать лучшему ученику, затем остальные должны были за ним повторять и таким образом до окончательного усвоения. Окончившие кораническую школу и желавшие продолжить образование отправлялись на учебу в мектеб. После коранической школы отец отправляет 12-летнего Гамзата в аул Чох на учебу к известному в то время преподавателю и алиму Махаду. Местом проживания Гамзат-бека на время обучения был определен дом чохского жителя Гази, по нашему предположению, кунака Алискендер-бека.

Рассказывают, что при виде «одетого в украшенную черкеску, носящего дорогую папаху» маленького сына бека муалим (преподаватель) чохского медресе сказал: «Я не совсем верю, что разодетый так ребенок будет изучать ильму (науку)». Услышав эти слова, Гамзат-бек не обиделся на слова учителя, а вышел и, сняв с себя одежду, бросил ее в хлев учителя, вернулся и сел среди учеников, стараясь ничем уже внешне не отличаться от них¹³⁰.

Данное обращение учитель, скорее всего, озвучил согласно словам знаменитого богослова и основоположника одной из четырех школ-мазхабов имама Шафии, который сказал: «Если бы не было бедных, исламская наука

---

¹²⁹ Хайбуллаев С. Поэтическая летопись Кавказской войны. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. – С. 87.

¹³⁰ Дадаев М. Имам Хамзат-бек. <http://www.islamdag.ru/istoriya/2481>

исчезла бы». К тому же был сделан намек на то, что, как правило, богатые люди редко серьезно изучали науки. Здесь мы видим отсутствие у Гамзат-бека высокомерия и превосходства перед другими учениками.

Система образования и воспитания в Дагестане с мусульманским характером, адаптировалась со сложившимися народными обычаями в каждом селении. Мектеб являлся начальной школой, здесь дети учились чтению, письму и счету. Основная задача заключалась в изучении арабского языка, его грамматики. Определенного срока обучения не было, он мог продолжаться 2–3 года и более. Будущий имам рано овладел арабским языком, обнаружил глубокое знание Корана. Он был веселым, жизнерадостным и не всегда дисциплинированным молодым человеком. Биограф отмечает, что Гамзат-бек не раз брался за оружие и пулями из винтовки попадал в изображение полумесяца, красовавшегося на мечети, за что «был наказываем своим учителем»¹³¹. Факт, свидетельствующий о непростом задиристом характере и своеволии молодого человека. Как основная часть конфессиональной системы образования мектеб получил в Дагестане широкое развитие. Обучение было бесплатное, всеобщее, и обязательное. Здесь не существовало социального отбора, вместе учились дети богатых и бедных. Родители в обязательном порядке обучали детей основам религии, учили читать Коран с исполнением религиозных обрядов.

В Чохе, согласно свидетельству биографа, Гамзат-бек находился до 24 лет. Это дает нам основание полагать, что после окончания мектеба юноша продолжил обучение, перейдя в медресе – школу повышенного типа, считающуюся высшей ступенью системы мусульманского конфессионального образования. Медресе функционировали в основном при мечетях крупных селений.

В медресе обычно училась небольшая, наиболее способная часть тех, кто успешно окончил мектеб, часто дети состоятельных родителей, которые могли нести расходы, связанные с обучением своих детей в другом ауле.

---

¹³¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 1 об.

Гамзат-бек не был исключением. Срок обучения в медресе был продолжительным, составлял 10 и более лет. Содержание изучаемых предметов, их объем зависели от личности преподавателя, его эрудиции. В медресе изучались арабский язык, логика, риторика, а также математика, астрономия, философия. Принципы и особенности обучения в мусульманских учебных заведениях достаточно подробно описаны в трудах Гаджимурада Амирова¹³², А.Г. Передельского¹³³, Туземца¹³⁴ и исследованиях более поздних авторов, таких, как Г.Ш. Каймаразов¹³⁵, С.М. Мамедов¹³⁶ и др. Несмотря на то, что вышеназванные авторы принадлежат к разным временным периодам, их работы дают вполне ясное представление о мусульманском обучении, поскольку оно в принципе не менялось с годами и являлось практически одинаковым для всего подрастающего поколения. После смерти учителя Махада 24-летний Гамзат-бек возвращается на родину в с. Гоцатль. К этому времени его родителей уже не было в живых¹³⁷. 4 последующих года он продолжает свое образование у хунзахского кадия Нурмухаммада, поселившись в ханском доме.

«В то время Аварией правил малолетний сын покойного султана Ахмет-хана, Абу-Нуцал-хан, под регентством матери своей Баху-бике»¹³⁸, – пишет Маклач. Здесь необходимо сделать существенную поправку. Если Гамзат-бек вернулся в Хунзах в 24 года, то это случилось в 1813 г., а в это время ханством управлял Султан-Ахмед-хан, «пользовавшийся покровительством России и получавший назначенное ему жалованье»¹³⁹. Факт, свидетельствующий о том, что даже к таким авторитетным источникам, как воспоминания современников надо относиться критически.

---

¹³² Амиров Г. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. – Тифлис, 1873. Вып. 7.

¹³³ Передельский А.Г. Аварский округ Дагестанской области // Кавказ. – Тифлис, 1904. – № 6, 7.

¹³⁴ Туземец. Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. – 1900. – № 1.

¹³⁵ Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М.: Восточная литература, 2001.

¹³⁶ Мамедов С.М. Становление и развитие светского образования в дореволюционном Дагестане: автореф. дис. ... канд. пед. н. – Махачкала, 1998.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 1 об.

¹³⁸ Гамзат-бек – второй имам... – С. 1.

¹³⁹ Записка об Аварском ханстве // АКАК. Т. 7. – С. 523.

Султан-Ахмед-хан Аварский умер в 1826 г.¹⁴⁰, оставив после себя малолетних сыновей. Но так как он еще при жизни был объявлен изменником, генерал А.П. Ермолов утвердил ханом Аварии не Абу-Нуцал-хана сына Султан-Ахмед-хана, а Сурхай-хана, сына Гебека. Впоследствии кавказское командование было вынуждено разделить Аварию на две части, одну из которых передало в управление Сурхай-хану; другой, значительно большей частью управлял малолетний Абу-Нуцал-хан. Последний, будучи молодым человеком, полностью полагался на свою мать Баху-бике, управлявшую ханством. Она приютила Гамзат-бека, прибывшего в ханский дом¹⁴¹. Но это было после 1826 года. Итак, окончив учебу в 1817 г., Гамзат-бек вернулся домой в Гочатль, где вскоре женился на своей двоюродной сестре Патуч, дочери бека Имам-Али¹⁴². Существуют, однако, данные, свидетельствующие о том, что Гамзат-бек учился некоторое время и у знаменитого алима Саида Араканского. В одном из своих писем алим упоминает Гамзат-бека как своего ученика¹⁴³.

Современник так характеризовал Гамзат-бека: он был «...весьма умен от природы, ученье развило ум его. Ростом он был высок, строен, лицо имел приятное и даже красивое. Главными чертами его характера были чрезвычайное терпение в достижении чего-либо, решительность и веселость...»¹⁴⁴. Однако тихая семейная жизнь и занятия по хозяйству не могли надолго привязать его к домашнему очагу, это было не для него. «Его ум не находил много пищи в беседе с 16-летней женой, он жаждал другой деятельности. Исчерпав, по его понятиям, всю науку, которую только преподают в горах, он хотел изведать и жизнь, и все разнообразие ее наслаждения. Гамзат-бек стал искать развлечения в частых и шумных пирушках...»¹⁴⁵. В перерывах между кутежами он думал о той славе военачальника, которой достиг его отец, и подобный образ жизни длился

---

¹⁴⁰ ЦГИА РГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 42.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 2.

¹⁴³ ДГСВК... – С. 130.

¹⁴⁴ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 году. – СПб, 1848. – С. 3.

¹⁴⁵ Гамзат-бек – второй имам... – С. 2

довольно длительное время. Его тесть Имам-Али старался отвести его от подобного времяпрепровождения, но все увещания и просьбы были тщетны. Этот период в жизни Аварского ханства характеризуется попытками ханши Баху-бике укрепить положение владения, заручившись поддержкой Российского командования. Но политическая ориентация на Россию и присяга предлагались в обмен на возвращение аварскому дому земель, ранее принадлежавших хану, а затем при А.П. Ермолове отданных шамхалу Тарковскому. Кроме того, ханшей ставился вопрос о лишении Сурхай-хана права на владение частью территории Аварского ханства. На фоне подобных политических трений жизнь Гамзат-бека проходила тихо и безмятежно под крышей аварского дома, где он пользовался абсолютным доверием и был своим человеком. Баху-бике «обходилась с ним как с ближайшим родственником и постоянно была к нему весьма ласкова»¹⁴⁶.

Летом 1829 г. ханша поручила Гамзат-беку серьезное задание. Этому предшествовали следующие события в Дагестане. Престарелый шамхал Тарковский Мехти, отправляясь в Санкт-Петербург по своим наследственным делам, оставил вместо себя управлять владением своего старшего сына Сулейман-пашу. К этому времени в шамхальстве и за его пределами произошли крупные волнения. Вражда шамхала с ханом Мехтулинским, борьба за наследство в шамхальстве между старшим сыном шамхала Сулейман-пашой и младшим, честолюбивым и предприимчивым Абу-Муслимом, управлявшим отделившимися селениями и потворствующим их неповиновению, создали взрывоопасную ситуацию. Ею постарались воспользоваться внешние силы, в частности первый имам Дагестана Гази-Мухаммад, к тому времени набиравший популярность среди жителей шамхальства. Он «вошел в тесные отношения с Абу-Муслимом, одним из наследников шамхала, боровшихся за престол против своего старшего брата Сулеймана-паши»¹⁴⁷. Преследуя разные политические цели, Абу-Муслим и

---

¹⁴⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 году... – С. 3.

¹⁴⁷ Алиев К. Шахалы Тарковские. – Махачкала, 2006. – С. 164.

Гази-Мухаммад подняли население против своего соперника Сулеймана-паши. Их действия получили поддержку Ахмед-хана Мехтулинского. Видя военно-политический успех Абу-Муслима и Гази-Мухаммада, к ним присоединилась ханша Баху-бике, направившая в шамхальство небольшой вооруженный отряд под командованием Гамзат-бека. И, несмотря на то, что Абу-Муслиму на этот раз не удалось утвердиться на шамхальском престоле (причиной явилось вмешательство российского командования), он все-таки через некоторое время стал шамхалом. Тем не менее, действия ханши Баху-бике в поддержку Абу-Муслима были стратегически верны, и впоследствии она выдала за него свою старшую дочь Султанат, тем самым укрепив родственные связи с могущественными Тарковскими шамхалами. Таким образом, Гамзат-бек в данном случае оказался востребованным ханским домом, проявил себя достойно, подтвердив доверие со стороны ханши.

В конце 1820-х годов в Дагестане становилось все больше сторонников нового учения под названием мюридизм, активным проповедником которого являлся шейх Мухаммад Ярагский, и вскоре уже стали звучать открытые призывы к священной войне, воплотить в жизнь которые должен был избранный в 1828 г. имамом Гази-Мухаммад (в русских источниках – Кази-Мулла. – *Авт.*) из аула Гимры. Он начал свою деятельность с настойчивых призывов к населению отказаться от адатов и повседневно утверждать нормы шариата.

«Как свидетельствует история, в годы народных испытаний, появляется человек, который умеет почувствовать настроение, выяснить обстоятельства, уловить общее желание народа, найти выход и возглавить движение. Такая личность появилась в Дагестане... Это был тот случай, который каждый инстинктивно искал. Мюридизм объединил враждующих и не враждующих. Он вдохнул в них нравственную силу и благословил на борьбу с неверными во имя Аллаха, во имя Пророка – во имя народности и религии!.. Новый учитель был Кази-Мулла»¹⁴⁸. Именно появление на политической арене

---

¹⁴⁸ Алферьев П. Кази-Мулла и мюридизм в истории покорения Дагестана. – Казань, 1909. – С. 2.

имама Гази-Мухаммада и его активные действия повлияли на будущую жизнь Гамзат-бека и в корне ее изменили. Его праздное времяпрепровождение неожиданно закончилось благодаря настойчивому увещанию Имама-Али, приходившемуся Гамзат-беку дядей и тестем. «Ты приходишь от беков, – говорил Имам-Али своему зятю, – отец твой был храбрый человек и делал много добра нашему народу, а ты не только не хочешь последовать его примеру, но и предался еще развратной жизни. Время опомниться! Вот пример для тебя – простой горец Кази-мулла, а посмотри, чем он занимается. А ты знатней его родом, для чего же ты учишься?»¹⁴⁹. Гамзат-бек внял наставлениям дяди. Полный честолюбивых надежд, он отправился к Гази-Мухаммаду, который принял его с воодушевлением. По сведениям дореволюционных авторов, встреча между имамом и Гамзат-беком произошла в Гимрах не позднее 1830 г. После продолжительного совещания, состоявшегося между ними, Гамзат-бек охотно принял предложение Гази-Мухаммада о распространении шариата и «с тех пор сделался ревностным сподвижником и помощником имама»¹⁵⁰. Впоследствии Гамзат-бек всегда пользовался неограниченным доверием у Гази-Мухаммада, заслужив его отчаянной смелостью и преданностью религии. Достаточно отметить, что имам завещал передать общественную казну Гамзат-беку, возможно, в нем видя преемника.

Таковы данные о детстве и молодых годах Гамзат-бека. Они скупы, но по ним можно получить некоторое представление о его жизненном фундаменте, подготовленном семейным воспитанием, учебой, а также эпохой, в которой начинал свою деятельность будущий имам Дагестана.

§2. Общественно-политическая и военная активность Гамзат-бека в начале 30-х гг. XIX в.

---

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 3 об.

¹⁵⁰ Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля: исторический очерк Кавказской войны в Чечне и Дагестане ... – С. 66.

Любовь и уважение к визирю Алескендер-беку распространилась и на его семью. Гамзат-бек был своим человеком в ханском доме, воспитывался там некоторое время, получил хорошее образование. Но результаты близости к ханскому двору и придворное воспитание совершенно неожиданно отразились на последующей жизни Гамзат-бека. Совет дяди и тестя Имам-Али стали отправной точкой к новой деятельности молодого человека. Идеология ислама привела Гамзат-бека к убеждению, что он живет не по правилам – нельзя наслаждаться достатком, когда вокруг есть бедные и нуждающиеся. После смерти отца он раздал бóльшую часть своего имущества. На сельском кладбище он разбил стелу на могиле отца, т.к. по богатству узоров она отличалась от установленных на других могилах. Он пришел к идее социальной справедливости и из правящей элиты перешел в разряд рядовых, хотя за ним по праву сохранился титул бека, второго после ханов сословия горской общественной иерархии. Эти и другие его поступки объясняются посещением имама Гази-Мухаммада, проводившего активную проповедническую деятельность. В числе ближайших его соратников были: «знатный и родовитый храбрец, но при всем этом человек на редкость рассудительный и проницательный, блистательный Хамзат Гоцатлинский, сын Искандер-бека»¹⁵¹.

Другой источник свидетельствует, что Гамзат-бек «был его товарищем во всех его выступлениях...»¹⁵².

Крайне популистским считаем мнение исследователя М.М. Блиева о замыслах и надеждах Гамзат-бека: «Идея о газавате во имя шариата, а самое главное – перспектива крупных набегов с богатой военной добычей и возможность овладеть политической властью настолько захватили Гамзат-бека, что он, не терзаясь нравственными соображениями, с энтузиазмом поддержал Кази-муллу в намерении уничтожить ханский дом и установить собственный режим»¹⁵³. Автор, представляющий движение горцев Дагестана

---

¹⁵¹ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 61.

¹⁵² Алакадари Г.-Э. Асари Дагестан. – Махачкала, 1994. – С. 129.

¹⁵³ Блиев М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 251.

и Чечни не иначе как «набеговым производством», очень поверхностно и предвзято оценил действия Гамзат-бека, перешедшего к имаму Гази-Мухаммаду. К сожалению, авторы, подобные М.М. Блиеву, в действиях восставших горцев видели в основном «перспективы крупных набегов с богатой военной добычей» и закрывали глаза на основу их борьбы – стремление к социальной справедливости, самостоятельность проживания и пр. Не затронута М.М. Блиевым и идеологическая концепция движения горцев (ислам с его ярко выраженной политической позицией).

В конце 1828 г. на состоявшемся совете в селении Вини-Яраг последовало решение к началу газавата. «Мулла Магомет, пригласив к себе представителей многих «вольных» обществ Дагестана – алимов, старшин, кадиев, всенародно объявил о том, что знамя газавата понесет его любимый ученик Гази-Мухаммад, который был провозглашен имамом»¹⁵⁴. Воззвание имама к народам Дагестана произвело впечатление на жителей гор: «...Оседлайте лошадей ваших на пути Божиим, и тем страшайте врагов Божьих и ваших, кои суть беззаконники»¹⁵⁵. Мы не будем подробно рассматривать социальные, экономические и общественно-политические причины возникновения мюридизма, поскольку это не входит в задачу нашей работы. Этой проблеме посвящено немало исследований дореволюционного¹⁵⁶, советского¹⁵⁷ и постсоветского¹⁵⁸ периодов. С большинством из них мы подробно ознакомились и проанализировали в процессе работы над диссертацией. Таким образом, собрание в мечети, возведение шейхом Мухаммадом аль-Яраги в имамы Гази-Мухаммада и последующие действия последнего призывали к практическому газавату –

---

¹⁵⁴ Потто. Кавказская война... Т. 5. – С. 27.

¹⁵⁵ Волконский Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. – Тифлис, 1886. Т. X. .... – С. 146.

¹⁵⁶ Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника Кавказа, 1863; Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. Избранные произведения. – Баку: Элм, 1985 и др.

¹⁵⁷ Смирнов Н.А. Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе. – М.: Знание, 1952; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М.: Изд. АН СССР, 1963 и др.

¹⁵⁸ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2003; Мухажиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2006 и др.

«началась политическая эпоха движения»¹⁵⁹. Духовный эгалитаризм, выражавшийся в сочетании проповедей равенства верующих перед Всевышним с призывами к социальному равенству и справедливости, способствовал социально-политической активности населения.

К концу 1829 г. на народных собраниях во многих сельских обществах, начали провозглашаться такие призывы:

- «1. Избегать и освобождаться от зависимости царского правительства.
2. Прекратить всякое общение с русскими и подвластными России.
3. За любое убийство виновного наказывать не штрафом, как ранее, а лишением жизни, за воровство и подобные поступки виновных телесно наказывать, а виновного выдавать на суд того села, где его местожительство.
4. За прелюбодеяние виновных наказывать лишением жизни, такой же участи подвергать и учинившего насилие к женщине или мужчине.
5. Запретить спиртные напитки.
6. Женщины должны показываться посторонним мужчинам, не иначе как с закрытым лицом»¹⁶⁰.

Таким образом, конец 1829 г. стал переломным в истории религиозного учения, которое охватило многие сельские общества. В летописи аль-Кархи по этому поводу говорилось: «В 1244 г. хиджры (1829 г.) Аллаху угодно было восстановить шариат, чтобы показать разницу между добром и злом и увенчать правоверных мусульман славою на полях битвы, а неверных поразить мученической кончиной»¹⁶¹.

Победоносное окончание войны 1828–1829 гг. с Османской Портой значительно упрочило позиции Российской империи на Кавказе. 2 сентября 1829 г. между двумя сторонами был подписан Адрианопольский мир, в результате чего к России перешли большая часть восточного побережья Черного моря (включая города Анапа, Суджук-Кале, Сухуми) и дельта Дуная. Османская империя признавала российское верховенство над Грузией

¹⁵⁹ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 184.

¹⁶⁰ Доного Х.М. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад... – С. 30.

¹⁶¹ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах / пер. Т. Айтберова. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 19.

и частью территории Армении. В связи с этим в Петербурге рассматривался вопрос о завершении установления своего господства на Кавказе и окончательным покорении горских народов.

21 сентября 1829 г. военный министр империи А.И. Чернышев писал командующему Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевичу: «Его Величество полагает воспользоваться соединением войск вверенного Вам корпуса после настоящей благополучно оконченной войны с Портою, решительным ударом положить конец грабежам и разбоям горцев и принудить их к постоянному повиновению. На сей конец согласно с мыслями Вашими Государь Император полагал бы произвести одновременный поиск против всех горских народов, завладеть всеми важнейшими пунктами их земель, а в особенности низменностями оных, и таким образом лишив средств к пропитанию, заставить их покориться»¹⁶². Таков был общий план, исполнению которого, однако, помешал своим появлением Кази-Мулла.

26 февраля 1830 г. царские войска вступили в Закаталы – центр Джаро-Белоканской области. И.Ф. Паскевич объявил занятую территорию составной частью российских владений на Кавказе. В это же время была «заложена крепость Новые Закаталы, призванная стать одним из главных форпостов лезгинской кордонной линии»¹⁶³. В дальнейшем здесь произойдут важные события, в которых Гамзат-бек будет задействован непосредственным образом.

Серьезнейшие события происходили в Аварии. «Успешное развитие движения возможно только при полной поддержке его Аварией либо после покорения оной»¹⁶⁴, – так предполагал имам, рассуждая о дальнейших действиях. Собрание, поддержав его, единогласно решило вести войну против неверных – газават, аварский ханский дом обязан непременно примкнуть к общему делу, а имам волен употребить к этому все способы. Овладеть Аварией было необходимо, в связи с чем Гази-Мухаммад отмечал:

---

¹⁶² РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 276. Л. 2.

¹⁶³ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев.... – С. 231.

¹⁶⁴ Доного Х.М. Сверкающий газават... – С. 35.

1) население ханства состоит в основном из жителей «вольных» обществ, которые расположены на территории Аварии, и, завоевав его, имам получит хороший военный потенциал, предоставлявший ему возможность к объединению всех этих обществ и на их основе построить крепкий военно-политический союз;

2) на данный момент аварский ханский дом ослаблен, не имея достаточной поддержки в лице «вольных» обществ.

Главнокомандующий И.Ф. Паскевич, рассматривая действия имама как выступление против феодальной верхушки, в письме к военному министру А.И. Чернышеву от 27 марта 1830 г. писал: имам Гази-Мухаммад, «видя, что духовенство с давнего времени утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами... предпринял произвести переворот в пользу духовенства восстановлением шариата»¹⁶⁵.

И.Ф. Паскевич попытался опереться на феодальную аристократию Дагестана. В своих прокламациях к дагестанским жителям он говорит о возмутителях, которые «под видом шариата пытаются покорить под свою необузданную власть ваши вольные общества, истребив древние поколения ханов и народных правителей ...», обещая: «Ханы, князья, султаны, уздени, муллы, беки, старшины и прочие знатные степени останутся при достоинствах и своих уделах»¹⁶⁶. При этом, И.Ф. Паскевич указывал дагестанской феодальной верхушке, и в первую очередь ханам аварским, на общность ее интересов с интересами российской власти в подавлении восстания.

Гази-Мухаммад, чувствуя тревогу горцев в связи с растущим влиянием царского правительства, понимал, что если он не покорит Хунзах, то дальнейших успехов в его деле можно не ожидать. Причины, побудившие Аварию уклоняться от традиционной политики оружия, завещанной ей Умма-ханом Великим, «не раз заставлявшим трепетать Грузию»¹⁶⁷, мы

---

¹⁶⁵ Рапорт И.Ф. Паскевича А.И. Чернышеву от 27.03.1830 г. № 174 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6241. Л. 14.

¹⁶⁶ Прокламации И.Ф. Паскевича от 17.05.1830 г. № 174 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6241. Л. 30.

¹⁶⁷ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 27.

описали в предыдущей главе. Приняв решение о походе в дагестанские аулы для утверждения в них шариата, Гази-Мухаммад собрал отряды и выступил в Унцукуль. В дальнейшем, пополняя свои отряды в селениях, через которые он проходил в течение недели (Игали, Бетль, Иштибури, Цатаних, Инхо-Ингишури, Анди, Мехельта, Муни, Тлох, Харахи), он добрался до Хунзахского плато. Практически все села, кроме Цатаниха и Иштибури, приняли сторону имама без сопротивления, многие горцы вступили в его войско. Имам отправил в Аварское ханство группу проповедников, дабы привлечь представителей общин к своему движению, пытаясь укрепить среди них шариат. Этот ход достиг успеха: «Аварцы без особого труда начали склоняться на его сторону – согласились принять шариат и вообще отвечали ему заявлениями о своей готовности помочь доброму делу»¹⁶⁸. Подобный энтузиазм аварцев привел в немалое замешательство ханский дом в Хунзахе. Однако имам более всего желал мирного достижения союза с Баху-бике, когда отправил в Хунзах парламентаря с тем, чтобы тот, будучи знакомым с властной ханшей, «смягчил ее сердце и привил любовь к Корану»¹⁶⁹. В личном письме к ханше имам предлагал переговоры по двум вопросам: о восстановлении мусульманской религии в Аварском ханстве, о предоставлении в распоряжение имама ханского ополчения во главе с сыном ханши Умма-ханом «для приведения к послушанию непокоряющихся начертаниям шариата»¹⁷⁰. Не согласившись с таким предложением, считая, что предоставление имаму ополчения, тем более во главе с сыном ханши, являлось не чем иным, как полным разоружением ханского дома и превращением молодого хана в заложника, ханша, в свою очередь, предлагала имаму посетить Хунзах для личного свидания и «разъяснения шариата», но, зная характер Баху-бике, имам не без основания опасался, что, нанеся ей визит, он может «оставить в ее владениях свою голову»¹⁷¹. Вместе с тем Гази-Мухаммад пытался воздействовать и на Абу-Султан-Нуцал-хана,

---

¹⁶⁸ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом ... – С. 123.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. – С. 124.

предложив ему в письме следующее: «Так как ты в Дагестане главный хан и утешитель, то изъявил бы свое согласие на волю Аллаха и действовал бы вместе с мусульманами»¹⁷². На это обращение юный хан ответил так: «Хотя я нахожусь при своей вере и повинен воле Аллаха, но на предложение никак не могу согласиться совокупно с аварским народом и прочими моими подвластными и удалиться от высокого покровительства и подданства Великого Государя Императора»¹⁷³. Попытки провести переговоры ни к чему не привели, и имам начал готовиться к вооруженному нападению на Аварское ханство. Он прибыл к предместьям Хунзаха с почти восьмидесятысячным войском, Переговоры с ханшей не дали результата, она отказалась принять шариат и прекратить дружбу с Россией. 24 февраля 1830 г. имам пошел на штурм ханской столицы. Большая часть отряда, где находились сам Гази-Мухаммад и Гамзат-бек, двигалась со стороны Ахальчи, гумбетовцы под предводительством Шамиля направились в обход, через городское кладбище. Отдельным группам мюридов под командованием Шамиля и Гамзат-бека удалось прорвать защиту, вступить в Хунзах и укрепиться в некоторых саклях. Однако впоследствии хунзахцам удалось отстоять Хунзах. «После того как авангард войска имама уже ворвался в дома, расположенные на краю города Хунзаха, его последователи, чья религиозность, как оказалось, была слабой, вдруг остановились, а затем обратились в бегство»¹⁷⁴. К тому же окруженный Шамиль едва не погиб, и только благодаря заступничеству Дарбиш Нур-Мухаммада из аула Инхо будущий имам Дагестана и Чечни был отпущен. Среди оказавшихся в окружении «был Гамзат-бек, однако ему удалось бежать»¹⁷⁵.

В письме генералу С.С. Стрекалову Абу-Нуцал-хан описывает свою победу над имамом, который «с войском своим пришел против меня, дрался со мною... до трех часов; но мы, разбив их, убили многих из них ратников и отняли у них много знамен и оружия, от чего они принуждены были

---

¹⁷² Там же. – С. 38.

¹⁷³ Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом ... – С. 39.

¹⁷⁴ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 62.

¹⁷⁵ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 47.

воротиться назад в свое отечество»¹⁷⁶. Причины поражения Гази-Мухаммада, на наш взгляд, не в отсутствии военного искусства, а в состоянии идеологии ополчения имама. Многие горцы при сближении с противником переходили на сторону хунзахцев, поход на Хунзах показал, что Гази-Мухаммаду удалось вовлечь население в движение, но он не сумел достичь реальных результатов. Имам не смог подготовить ополчение к военным действиям во имя «высокой идеи», которая требовала самопожертвования. Были и другие причины неудачи имама под Хукнзахом. Призыв к шариату и газавату практически «не сработал» против дома ханов, который не явился тем «образом врага» для общинников в их борьбе. Поход имама обозначил и социальную расслоенность среди участников событий: были остры разногласия между родовой знатью и рядовыми общинниками, но они носили приглушенный характер. Император Николай в ознаменование верности, проявленной дагестанцами-хунзахцами, и в память о победе «пожаловал всему аварскому народу белое Георгиевское знамя»¹⁷⁷. Кроме того, российское командование покрыло все расходы ханши Аварии Баху-бике, Умма-хан был произведен в прапорщики, а Абу-Султан-Нуцал-хан награжден золотой медалью.

Хитрый и проницательный Аслан-хан Газикумухский, ненавидящий Баху-бике, тем не менее, поздравил с победой ее сына Абу-Султан-Нуцал-хана в письме, где назвал его подданных «железными хунзахцами»¹⁷⁸. Аслан-хан – тонкий политик, он умел выжидать. Через четыре года аварские ханы будут ликвидированы, в чем была немалая заслуга газикумухского владельца. Поход в Аварию был преждевременным в связи с политической ситуацией в Дагестане. Имам Гази-Мухаммад потерпел не только военное поражение, но и морально-идеологическое. Это отметил И.Ф. Паскевич, заявив следующее: «Волнение, произведенное койсубулинским кадием Кази-Магома, окончилось благоприятным для нас образом и, как кажется, без произведения

---

¹⁷⁶ РГИА РГ. Ф. 1105. Оп. 1. Д. 510. Л. 2.

¹⁷⁷ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 47.

¹⁷⁸ ДГСВК... – С. 67.

на умы народа того сильного влияния, какового от подобных происшествий всегда ожидать можно»¹⁷⁹. Поэтому главным итогом похода на Хунзах имама Гази-Мухаммада был его проигрыш в идеологическом пространстве. Тем не менее, российское командование опасалось расширения движения горцев. В связи с этим оно попыталось захватить имама Гази-Мухаммада, привлечь его на свою сторону путем переговоров и задаривания, готовило военные экспедиции с целью подавления очередной вылазки отрядов имама и т. д. Все вышперечисленное не принесло успеха.

Весной 1830 г. на Кавказе сложилась напряженная обстановка, когда с одной стороны российское командование, не до конца осознавшее всю опасность предстоявших военных операций, спешило осуществить план покорения горцев¹⁸⁰, с другой стороны Гази-Мухаммад, оправившись после поражения при Хунзахе, стремился поднять горцев на борьбу. После хунзахских событий Гамзат-бек по примеру имама распустил своих ополченцев. М.М. Блиев безосновательно утверждает, что хунзахское поражение «разрушило союз между Гамзат-беком и Кази-муллой... Разочаровавшись в Кази-мулле как в военачальнике, он (Гамзат-бек. – *Авт.*) не последовал за ним в Гимры, а вернулся к себе в Гоцатль»¹⁸¹. Скорее всего, необходимо было сделать передышку в действиях и осмыслить происшедшее. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что даже это поражение не только не подорвало авторитет имама, а наоборот – способствовало притоку новых сил, поскольку Гази-Мухаммад обладал необычайной организаторской энергией, ораторским даром, завораживавшим слушателей. Дореволюционный исследователь Н.И.Покровский писал: «Неудача хунзахского похода не могла повлиять на направление действий имама ...объединить все слои горского крестьянства можно было, лишь выступая против царизма. Вот почему сразу же вслед за хунзахским поражением имам начинает деятельно готовиться к выступлению против

---

¹⁷⁹ Материалы по истории Дагестана и Чечни... – С. 210.

¹⁸⁰ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 224.

¹⁸¹ Там же. – С. 251.

царских войск, расположенных в Приморском Дагестане и Чечне»¹⁸². Необходимо отметить, что деятельность восставших горцев произвела на горское население сильное впечатление. Ряд обществ вышли из повиновения и готовы были примкнуть к отрядам имама Гази-Мухаммада. Дореволюционный историк Кавказской войны Н.Н.Волконский подчеркивал: «Аварцы без особого труда начали склоняться на его сторону...»¹⁸³. Феодалы применяли все меры, чтобы предотвратить всеобщее выступление. В мае 1830 г. осведомитель Гусейн-хан, испытанный в верности к правительству и уважаемый горцами, доносил, что «аварцы назначали в самом Хунзахе сборище, к которому и ханша Паху принадлежит тайно... на котором положено было дать койсубойлинцам (дагестанцам.- Авт.) помощь против русских»¹⁸⁴. На вопрос, «каким образом аварцы, будучи благодетельствованы русским правительством, пославши в С.-Петербург депутацию и давши в залог верности своей аманатов, решаются восстать противу русских»,¹⁸⁵ некоторые жители отвечали, что «аварцы покорились России с тем, чтобы войска русские никогда не входили ни в Аварию, ни к койсубойлинцам; но как оные готовы ныне вступить в деревни последних, то они находят себя обязанными вспомоществовать им, не дорожа, ни посланными в С.-Петербург от народа депутатами, ни данными аманатами... если русские войска покорят койсубойлинцев оружием, то не оставят оттуда обратиться в Аварию и, построивши в оном крепость, стеснят аварцев»¹⁸⁶.

Сведения о происходящих событиях в Аварском ханстве были тревожными для российского командования. «Аварцы, койсубойлинцы, андийцы, гумбетовцы и акушинцы условились между собою под присягою стараться общими силами отразить войска наши»¹⁸⁷, – докладывали главнокомандующему лазутчики. После Хунзаха некоторое время Гамзат-бек бездействовал, затем имам поручил ему «волновать общества, лежавшие на

¹⁸² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 287.

¹⁸³ Волконский Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом... – С. 12.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 82.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 145.

юг и юго-запад от Аварии»¹⁸⁸. Имя Гамзат-бека было уже настолько известно, что вскоре к нему прибыли посланцы из Джаро-Белокан и обратились с предложением о вооруженном выступлении против российских войск¹⁸⁹ и «призвали к себе войска из Дагестана под начальством Гамзат-бека»¹⁹⁰. Джар представлял собой огромную сельскую общину, являвшуюся на протяжении XVIII – начала XIX вв. центром независимой Джаро-Белоканской республики¹⁹¹. Подчинив ее себе, российское командование на Кавказе 1 марта 1830 г. заложило вблизи селения Джар крепость Новые Закаталы, учредило Джаро-Белоканскую область, начальником которой был назначен генерал-майор Бекович-Черкасский. «Но одной этой крепости оказалось недостаточно, и впоследствии, как в Джаро-Белоканской области, так и в Кахетии (историческая провинция Грузии. – Авт.), частью у подошвы гор, а частью на уступах хребта, устроен был целый ряд укреплений, башен и постов, которые и составили так называемую Лезгинскую линию»¹⁹².

Неподалеку от Джара на другом берегу реки находилось крупное селение Тала, поэтому «нередко названную республику в XVIII – начале XIX вв. восточная письменная традиция именovala «Джар-Тала»¹⁹³. Появление крепости и дальнейшая колонизация региона вынудили местных жителей обратиться за помощью к Гамзат-беку как авторитетному деятелю и верному сподвижнику имама Гази-Мухаммада. Инициатива пригласить Гамзат-бека в качестве предводителя ополчения принадлежала Ших-Шабану, руководителю мятежа алазанских горцев¹⁹⁴, который был одним из самых рьяных последователей имама, пользовался среди своих земляков уважением как ученый человек, был красноречивым проповедником¹⁹⁵. До этого в июле

---

¹⁸⁸ Окольничий Н.А. Перечень последних военных событий в Дагестане. 1843 г. // Военный сборник. – СПб, 1859. – С. 365.

¹⁸⁹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 4.

¹⁹⁰ ДГСВК... – С. 81.

¹⁹¹ Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – С. 554.

¹⁹² Романовский Д. Кавказ и Кавказская война... – С. 72.

¹⁹³ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. Примечание. – С. 120.

¹⁹⁴ Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля ... – С. 66.

¹⁹⁵ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 155.

1830 г. «святой» Ших-Шабан¹⁹⁶ совершил неудачное нападение на Закаталы¹⁹⁷, когда во главе большого отряда решил взять приступом редут и изгнать русских из Джаро-Белоканской области. По свидетельству современника, комендант редута, майор Бучкиев приготовился принять незваных гостей. Батальон пехотного князя Варшавского, графа Паскевича Эриванского полка стал под ружье на стенах редута и спокойно ожидал приближения неприятеля. «Майор Бучкиев, не открывая огня, дозволил осаждающим подойти на ружейный выстрел к редуту... грянули орудия и батальный огонь»¹⁹⁸. Горцам пришлось отступить, и осенью Ших-Шабан решил повторить попытку. Гамзат-бек не спешил давать согласие, полагая, что должен «иметь» по этому вопросу «совет с Кази-муллой»¹⁹⁹. Последний отказался лично возглавить этот поход ввиду занятости, но в свою очередь предложил Гамзату возглавить ополчение джаро-белоканцев.

Н.И. Покровский приводит свое видение причины отказа Гази-Мухаммада. «Когда Гамзат-бек, – пишет он, – предложил имаму организовать поход на крепость Новые Закаталы, имам, отказавшись от предложения, предложил построить крепость Агач-Калу, т. е. стать твердой ногой в Тарковском владении, и притом на пути, связывавшем его с Аварией»²⁰⁰. Имам принимал во внимание внутреннее положение в шамхальстве – в 1820-х гг. брожения среди местных жителей продолжались. Любопытно отметить, что Гамзат-бек, отец которого всегда возвращался из Кахетии с большой добычей, тяготеет к такому же феодальному набегу, относясь сдержанно к проектам укрепления в шамхальстве. Уже одно это говорит о разнице взглядов первого имама и будущего его преемника²⁰¹.

При всем уважении к автору, соглашаясь с его мнением по поводу желаний Гамзат-бека приступить к «феодальному набегу», все же отметим,

---

¹⁹⁶ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 106.

¹⁹⁷ ДГСВК. – С. 86.

¹⁹⁸ Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – С. 557.

¹⁹⁹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 4.

²⁰⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 288.

²⁰¹ Там же.

что без разрешения имама Гази-Мухаммада поход Гамзат-бека в Джаро-Белоканы не состоялся бы. Более того, имам надеялся, что господствовавшие на юге антироссийские настроения облегчат Гамзат-беку развертывание движения, «сделают возможным направить борьбу в русло идеологических установок – утверждение шариата и газават против России»²⁰². К тому же, Гамзат-бек уже тогда привлекал пристальное внимание российского командования, стремящегося снизить его популярность и влияние среди горцев. Заметное влияние на Гамзат-бека, по мнению командования, мог оказать аварский ханский дом, к которому в свое время гоцатлинец был приближен. Барон Розен уверял Абу-Султан-Нуцал-хана, что примет все меры «к обузданию мятежника», а в случае непослушания «достойным образом» его накажет. Однако молодой хан, оправдывая свое бессилие перед мятежным подданным, вынужден был в дипломатической форме возразить Розену. «Хотя мы можем наказать Гамзат-бека, если он окажет нам сопротивление, – писал хан барону Розену, – но наш народ может изменить мнение свое и будет в обиде, ибо Гамзат-бек считается духовным эфендием, и для наказания его мы должны поступиться мусульманским законом. ...Мы можем только препятствовать подвластным нашим, желающим присоединиться к нему, как и поныне сделаны от нас препятствия и воспрещения на следование к Кази-мулле и Гамзат-беку»²⁰³.

Розен отвечал хану в назидательном тоне: «Вы пишете, что не можете наказать Гамзат-бека, назвавшегося духовным эфендием, не оскорбив тем закона, Вами исповедуемого, и всех мусульман. Он принял на себя титул, совершенно ему несвойственный, ибо всякий знает, что, сделавшись клятвopреступником, он, из худо понятных им личных своих выгод, пристал к возмутителю Кази-мулле и наносит более вреда мусульманам, чем нашему правительству, разоряя одних и ведя других на неминуемую гибель. Ужели почитать человека, подобного Гамзат-беку, какое бы он звание ни носил,

---

²⁰² Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 235.

²⁰³ Волконский Н.Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. – С. 323.

достойным хотя бы малейшего уважения? Обратитесь, высокопочтенный хан, к Вашему закону, который строго запрещает разбой и обиды и который велит каждому человеку наказывать разбойника для общего спокойствия... Поэтому я удивляюсь, что Вы, вопреки правилам Вашей религии и долга подданства Вашего русскому Государю, отзываетесь о Гамзат-беке как о человеке, которого религия Вам запрещает наказывать»²⁰⁴. В ханском доме почувствовали жесткие нотки в письме Розена, потому что вскоре Абу-Султан-Нуцал-хан (не без помощи матери) в своем следующем послании барону старается объяснить: «...Известно, что когда отец его (Гамзат-бека. – *Авт.*), Алискендер Бек, управлял упомянутой деревней (Гоцатлем. – *Авт.*) и предпринимал поход в Грузию, то дед мой Умма-хан старался по возможности препятствовать ему и его приверженцам в их предприятии, но и тогда не мог усмирить их, также и мой отец, по вступлении своем в покровительство России, старался обуздать их, и я, препятствуя Гамзат-беку, стараюсь ему везде вредить, не допускаю аварцев присоединяться к нему и лишаю его, как птицу, крыльев в той надежде, что таковая служба будет принята российским правительством, почему я препятствовал упомянутым желаниям не приставать к Кази-мулле, и когда он пошел против меня за приверженность мою к русским, то я и аварцы имели с ним сражение, оказанная мною служба вовеки не происходила бы от тех, кои владеют моей землей, также я много оказал услуг, но российские начальники не принимают оных, а службу других лиц предпочитают больше»²⁰⁵.

И вновь хан пишет барону Розену: «Предложение же Вашего высокопревосходительства о поимке и наказании Гамзат-бека, весьма для меня затруднительно, ибо он, будучи моим родственником и духовным лицом и имея со мной соседство, живет самовольно в своей деревне между своими подвластными, а если пожелаю убить или захватить его, то горцы будут мною недовольны, и произойдет возмущение»²⁰⁶. Из переписки

---

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Волконский Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. – С. 323.

²⁰⁶ Там же.

становится известным, что Абу-Султан-Нуцал-хан упрекает барона Розена в том, что обещанные ему генеральский чин и содержание в 5 тыс. руб.²⁰⁷ не дошли до него. По данным русской разведки, Абу-Султан-Нуцал-хан не обладал большим умом²⁰⁸, а в данной переписке видны еще и корыстные цели молодого хана. Таким образом, в Аварии Гамзат-бек находился на особом положении – он был и независимым владельцем, и неприкосновенной духовной особой. Находясь между двумя противниками, хан пытался заигрывать и с тем, и с другим.

Учитывая юный возраст Нуцал-хана, хитрый Розен пытается общаться с ним как с высокопоставленным лицом, хотя и с некоторым нажимом. Но с матерью хана Баху-бике Розен откровенен: «Что касается до Гамзат-бека, весьма мне странно, что наказание его полагаете противным закону магометанскому, ибо для точного исполнения оного нужно стараться об истреблении сего возмутителя спокойствия мусульман. Я уверен, что Вы, вникнув в предписание закона, перемените Ваше мнение о нем, и будете стараться истребить его для общей пользы»²⁰⁹. Розен не упускает возможности физического уничтожения Гамзат-бека силами ханского двора. Для этого он старается воздействовать на мать с сыном посредством цитат религиозного содержания. «Напрасно мать и сын клялись, что не в состоянии этого исполнить, хотя оно совершенно согласно с их собственными выгодами»²¹⁰. Желаемых результатов он в этой дипломатии не достиг. Лазутчики же донесли, что Гамзат-бек намеревается ринуться в Джаро-Белоканскую область и оттуда направиться в Кахетию.

Осенью 1830 г., желая собрать отряды добровольцев в поход, Гамзат-бек обратился с воззванием к андалалцам, хидатлинцам, карахцам и тлесерухцам (этнические разновидности горцев Дагестана. – Авт.). Горцы этих обществ, «словно на призыв муллы в мечеть для молитв Аллаху, собирались

---

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Материалы по истории Чечни и Дагестана... – С. 126.

²⁰⁹ Материалы по истории Чечни и Дагестана... – С. 126.

²¹⁰ Два имана, или Истребление дома Аварского (Историческое повествование о Кавказе) // Русский архив. – 1915. – № 2. – С. 367.

большими толпами в сел. Новый Гоцатль...»²¹¹. Гамзат-бек, получивший личное задание от имама, был полон энергии и решимости продолжать войну. Впервые он принял начальство над всеми партиями и «увидел себя повелителем огромного скопища»²¹². Отметим и то, что будущий второй имам Дагестана Гамзат-бек заключил договор с горцами из Южного Дагестана на следующих условиях: аваро-лезгинское население отдавало во владение Гамзат-бека жителей «Ингили и Енесели, живших на плоскости Алазанской»²¹³, а Гамзат-бек брал на себя обязательство «защитить аваро-лезгин от засилья России». Договор скреплялся выдачей Гамзат-беку аманатов. Несмотря на то, что войско Гамзат-бека было сравнительно немногочисленным, он надеялся пополнить его ополчением за счет местного населения, т. к. в Южном Дагестане он находил всеобщую поддержку. Об этом недвусмысленно заметил генерал С.С. Стрекалов. «Мы, – писал он, – должны каждую потребность свою смывать кровью, ибо рассыпанные лезгины по местам стараются препятствовать нашим действиям и на всяком шагу с отчаянным ожесточением встречаются с русскими»²¹⁴. Тот же С.С. Стрекалов подчеркивал, что «в нынешних обстоятельствах нет почти ни одного лезгина, который бы оставался нам преданным...»²¹⁵.

13 сентября 1830 г. Гамзат-бек вступил в аул Мукрах, где к нему должны были присоединиться дополнительные силы для движения в Джары²¹⁶. В этом походе морально его поддерживал шейх Мухаммад Ярагский, лезгин по национальности, ортодоксальный мусульманин, который, находясь в Курахе (территория, где издавна проживали лезгины. – Авт.), призывал всех приходящих к нему к восстанию против русских²¹⁷. Главным требованием населения к российскому командованию было:

---

²¹¹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 4.

²¹² Там же.

²¹³ ДГСВК. – С. 81.

²¹⁴ ДГСВК. – С. 81.

²¹⁵ Там же. – С. 82.

²¹⁶ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 135.

²¹⁷ Там же.

«оставить Закаталы и удалиться за Алазань»²¹⁸. Выше подчеркивалось, что по некоторым вопросам истории Кавказской войны до сих пор идут ожесточенные дискуссии между историками-кавказоведами. В этой связи необходимо сказать о некоторых противоречиях и ошибочных, на мой взгляд, суждениях и выводах известного историка-кавказоведа, профессора М.М.Блиева. Так, например, спорным является его заявление о том, что у Гамзат-бека, возглавившего поход, «были и свои расчеты... согласно договору, он в случае успеха становился владельцем сел и имел перспективу социального возвышения»²¹⁹. Если мы говорим о человеке, получившем серьезное мусульманское образование, примкнувшем к борьбе за социальное равенство среди малочисленных коренных горских народов Дагестана, вступившим на путь непримиримой борьбы с могущественной империей, то расчет на социальное возвышение, на мой взгляд, должен напрочь отсутствовать в его характере и мировоззрении. В данном случае намек профессора М.М. Блиева на сословное происхождение Гамзат-бека следует считать достаточно поверхностным подходом к характеристике его личности.

Разрастающееся восстание вызвало озабоченность у российского командования на Кавказе. Генерал С.С. Стрекалов, пытаясь использовать настроенность грузинского населения против горцев Дагестана, в целом Северного Кавказа, совершавших набеги в Восточную Грузию через Джаро-Белоканы, обратился к ним с прокламацией «дабы они ополчились противу своих угнетателей и, по крайней мере, защищали свои дома от мятежников»²²⁰.

К 17 сентября 1830 г. отряды Гамзат-бека прибыли к реке Рогноор-чай в 40 км от Белоканы, а передовые части заняли гору Ахки-Молдах. Главный штаб Отдельного Кавказского корпуса получил от управляющего Лезгино-Джарской областью генерал-майор Сергеева донесение, о том, что «Гамзат-

---

²¹⁸ ДГСВК... – С. 82.

²¹⁹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 233.

²²⁰ ДГСВК... – С. 86.

бек, собрав в горах до 2 тыс. чел., перешел около 20 сентября в Джармутский округ, а в исходе того же месяца скопище сие, умножившись еще боле, приблизилось на 10 верст к сел. Катехам, ожидая благоприятного случая для нападения на войска наши и стараясь между тем произвести всеобщее возмущение в Лезгино-Джарской области»²²¹. В то же время Сигнахский окружной начальник в рапорте С.С. Стрекалову сообщал, что «Гамзат-бек Александр-оглы с дагестанскими скопищами, имеющимися у него более 4 тысяч человек, приближался к селению Катехам, что беспрестанно прибывают к нему из Дагестана войска, что намерение его вторгнуться в наши пределы и действовать против нас вместе с жителями управляемых ими провинций, готовыми по всем обстоятельствам к нему присоединиться и между тем произвести всеобщее возмущение...»²²².

28 сентября 1830 г. Гамзат-бек расположившись у аула Катехи, не торопился продвигаться дальше, поскольку ему нужны были гарантии от местных обществ и уверенность, что они все восстанут против русских и только после этого он со своими отрядами предполагал спуститься на плоскость. А 8 октября Гамзат-бек занял позицию у Старых Закатал и отсюда начал активно действовать. В первых столкновениях с русскими отрядами удача была на его стороне, «и он беспрестанно тревожил их нападениями»²²³.

Помимо этого Гамзат-бек вел и активную агитационную работу, рассылая письма в различные дагестанские общества с приглашением их к восстанию против русских. Среди его адресатов был и государственный деятель Ирана Аббас-Мирза²²⁴, факт, свидетельствующий о далеко идущих планах Гамзат-бека, как духовного и военного руководителя коренных народов Дагестана, в целом Северного Кавказа.

Первоначально С.С. Стрекалов намеревался преградить горцам все дороги в алазанские места, построив для этого укрепления по пути от крепости Закаталы до аулов Белаканы и Талы. Однако решительные действия

²²¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6237. Л. 163.

²²² ЦГИА РГ. Ф. 1105. Д. 159. Л. 19.

²²³ Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан... – С. 5.

²²⁴ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 181.

горцев 13 октября показали, что так просто русские благоустроиться в этих местах не смогут. Атаки одна за другой «с бешенством», по выражению генерала Сергеева, постоянно держали гарнизон в готовности и не давали ему расслабиться. В этой связи в высшей степени интересным представляется запись в журнале командира Отдельного Кавказского корпуса, которая четко передает характер ожесточенного боя 13 октября 1830 г.: «...Лезгины, открыв перестрелку, вслед за тем в числе 800 человек, имея в руках кроме сабель кинжалы, привязанные на древки, кинулись с неимоверным ожесточением сквозь Стрекалову цепь к оружию. Удачные картечные выстрелы не могли остановить решительных горцев. Они несколько раз повторяли нападение, и, наконец, вступили в рукопашный бой с резервом, прикрывавшим оружие. Подкрепление, высланное в сие время из крепости, ...рассеяло неприятеля по лесам с значительной потерей, но и у нас при сем случае убито нижних чинов 14 и ранено 49...»²²⁵. К этому следует добавить, что в течение нескольких дней горцы атаковали русские пикеты и строительные отряды. Положение становилось довольно серьезным для российского командования и требовалось личное присутствие Тифлисского губернатора генерал-адъютанта С.С. Стрекалова. «...Между жителями наших провинций произошли неприязненные впечатления, и уже возникли некоторые серьезные проблемы и недоразумения, для пресечения действия коих я вынужденным нахожу отправиться туда на несколько дней из Тифлиса...»²²⁶, – докладывал генерал С.С. Стрекалов военному Министру Российской империи А.И. Чернышеву. Прибыв на место с подкреплением, генерал С.С. Стрекалов выразил удовлетворение строившейся военной крепостью, представлявшей важным стратегическим пунктом. Крепостные стены были сложены из камня на извести и были довольно внушительной толщины, а оборона ее состояла из 14 орудий. Следует обратить внимание и на то, что по русским документам в «Джарской крепости» во время

---

²²⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6237. Л. 163.

²²⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 15.

пребывания Гамзат-бека в Джаро-Белоканской области было до 8 тыс. человек царских войск²²⁷. Таким образом, российское военное командование на Кавказе прилагало серьезные усилия для укрепления своих позиций.

С.С. Стрекалов в своем рапорте командующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-фельдмаршалу И.Ф.Паскевичу от 15 октября 1830 г. сообщал о всеобщем возмущении местных жителей прибытием в край Гамзат-бека. «Жители селений Чар, Закалат, Катех, Мацех и частью Тал, – писал С.С. Стрекалов, – совершенно отложились от нас, и не только не исполняют наших требований, но и с оружием в руках поклялись защищать свою свободу. Будучи встревожены дерзкими и неблагонамеренными людьми, они призвали к себе войска из Дагестана под начальством Гамзат-бека, выдали верности своей аманатов и в награду за таковое вспомоществование обещали отдать в его владение покорных нам народов Ингили и Енесели, живущих на плоскости Алазанской, кои как ни привязаны к нам, но, боясь наказаний их, как своих господ, остаются нейтральными. А потому все работы здешние остановились, и мы должны каждую потребность свою омывать кровью, ибо рассыпанные лезгины по местам стараются препятствовать всем нашим действиям и на всяком шагу с отчаянным ожесточением встречаются с русскими»²²⁸.

Российским командованием на Кавказе были предприняты серьезные меры по ликвидации нападения горцев Дагестана на крепость, через которую шли две главные дороги: одна через селение, а другая выходила на кахетскую дорогу. Последняя была наиболее важной, поскольку горцы через нее могли получать продовольствие из селения. Поэтому С.С. Стрекалов предлагал оставить часть войск в крепости, а с остальным войском идти вперед, чтобы показать, что они якобы «намерены следовать по первой дороге, главными силами двинуться по второй и, заняв крепкую позицию укрепиться; а между тем принять меры для очищения окружающего

---

²²⁷ Там же.

²²⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Ч. II. Л. 19.

местоположения на картечный выстрел от леса и потом на следующий день подвинуть другой эшелон по дороге первой таким же образом»²²⁹.

При этом генерал С.С. Стрекалов обращает внимание командующего на то, что в крае нет ни одного горца, «который бы оставался нам преданным»²³⁰, а посему он «издал прокламацию к народам Ингило, Енисулии, дабы они ополчились против своих угнетателей и, по крайней мере, защищали свои дома от мятежников, основываясь на предположении... что всякий поднявший оружие должен быть судим военным судом и сослан в Сибирь и, следовательно, лишается права на свое достояние»²³¹. Обращаю внимание и на то, что С.С. Стрекалов прибегает к решительным действиям, намереваясь уничтожить Старые Закаталы, находящиеся в трех километрах от крепости и являющиеся, по его словам, «разбойничьим гнездом». Более того, считая, что «при нынешних обстоятельствах не должно более щадить лезгин», главнокомандующий И.Ф. Паскевич предписал: «Все дома, находящиеся в селениях Джарах, Белоканах, Катехах, Талах и Мацехах, жители коих подняли против нас оружие и которые по усмотрению не нужны будут для войск наших, срыть до основания. А скот и все имущество тех лиц отдать на разграбление ингилям, ениселям и грузинской милиции, каковую собрать немедленно и занять ею все лезгинские селения»²³².

15 октября 1830 г. к Старым Закаталам двинулась колонна русских войск под общим командованием С.С. Стрекалова, которую тут же атаковали три тысячи горцев Дагестана и основательно потрепали противника, нанеся большой урон и обратив в бегство батальон Эриванского полка. Брошенные на помощь две роты также были опрокинуты, бегство было настолько стремительным, что генерал Сергеев, оставшийся на батарее с сорока саперами, был брошен на произвол судьбы. В ходе отчаянной атаки горцев в несколько минут была перебита прислуга, и генерал, раненный в ногу, с оставшимися в живых 18 солдатами, вынужденный оставить батарею,

---

²²⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Ч. II. Л. 19.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² ДГСВК... – С. 85.

бросился догонять убегающее войско. Вдогонку горцы стреляли из трофейных пушек, за которые потом генерал С.С.Стрекалов, пытаясь выкупить их, предлагал захватчикам 1000 рублей.

В главе «О битве Хамзата в Джар-Тала» летописец Мухаммад Тахир аль-Карахи пишет, что «Хамзат и джарцы дали ожесточенное сражение. Было убито множество русских. Горцы обратили их в бегство по направлению к крепости, и те, убегая, даже оставили позади себя пушку»²³³. Однако в дальнейшем прибывшее подкрепление противника заставило Гамзат-бека прекратить наступление. 23 октября и в последующие дни прибыли две роты Грузинского гренадерского полка, а вслед за ними еще две с артиллерийским парком, батальон Донского полка, 1107 милиционеров, два батальона 42-го Егерского полка и пр.²³⁴. В месте, где сходились дороги от всех окрестных селений, генерал С.С. Стрекаловым было возведено крепкое укрепление, вооруженное и занятое гарнизоном. Горцы Дагестана поняли, что это укрепление предвещает им верный голод, поскольку они уже давно кормились посменно, т.к. с прибытием в русский лагерь значительного числа кавалерии они «уже не могли открыто добывать хлеб на равнине, а довольствовались тем, что приносили одиночные люди для небольшого числа своих товарищей»²³⁵. Необходимо обратить внимание еще на один фактор, заставивший свернуть военные действия горцев – это природа. «Глубокий снег мешал дальнейшим его действиям и не только затруднял, при малейшем препятствии со стороны русских, но сделал невозможным возвращение в Нагорный Дагестан партий Гамзат-бека, которым надлежало переходить Кавказский хребет»²³⁶. Таким образом, Гамзат-бек понял, «что горцы не могут выжить неверных (русских. – Авт.) из крепости»²³⁷. Интересным представляется и мнение авторитетного историка Кавказской

---

²³³ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 26.

²³⁴ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 164.

²³⁵ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 181.

²³⁶ Гамзат-бек – второй имам... – С. 4.

²³⁷ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1.... – С. 26

войны академика В.А. Потто, который высказывается по этому поводу следующим образом: «И Ших-Шабан, и Гамзат-бек поняли теперь, что близится час, когда нужно будет или пасть на развалинах закатальской башни, или бежать в горы с разбитой славой. Эти ли причины, или другие не известные никому соображения понудили их вступить в переговоры...»²³⁸.

Последующие действия Гамзат-бека после перелома событий в пользу российских войск оцениваются авторами по-разному. Например, военный историк Н.Л. Волконский, описывая сложившуюся ситуацию после того, как Гамзат-бек и Ших-Шабан поняли, что проиграли позиционную войну, подчеркивает: «Так как при этом, отступление их с пустыми руками являлось также неудобным, милосердию же русского правительства нет меры, то и решили они избрать наиболее благую часть и последовательно предложили себя нам в подарок»²³⁹. Первым на переговоры явился Ших-Шабан, объявив о своей покорности, более того, обещавший распустить свое ополчение, что и сделал, после чего явился в русский лагерь. Затем в русский лагерь прибыл Гамзат-бек со своим братом Мурад-беком, они также обещали распустить свои отряды, включавшие, по их словам, до 3 тысяч воинов. Оба брата были любезно приняты генералом С.С. Стрекаловым и препровождены в лагерь.

13 ноября 1830 г. к ним присоединился горец Абдула Аджиев, житель Согратля, который принес весть о том, что отряды оставят селение Старые Закаталы, только если Гамзат-бек вернется к ним. В то же время до С.С. Стрекалов дошли слухи, «будто трехтысячное скопище, объявленное Гамзат-беком, есть не более как миф, потому что партии разбрелись уже», а прибытие Гамзат-бека к русским «есть уловка и обман с целью выманить ...подарки»²⁴⁰. Помимо всего этого С.С. Стрекалов решил, что «Гамзат-бек, получив эти подарки и испросив позволение отправиться к своему войску,

---

²³⁸ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 181.

²³⁹ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Тифлис, 1888. Т. XII. – С. 177.

²⁴⁰ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – Тифлис, 1888. Т. XII. – С. 177.

убежит в Дагестан, и там будет разглашать, что русские его подкупили»²⁴¹. Подозрения эти для генерала показались убедительными, и чтобы не упустить Гамзат-бека, он его и Ших-Шабана арестовал, объявил их военнопленными и отправил в Тифлис. Объяснение современника А. Неверовского звучит так: «В этих обстоятельствах он (Гамзат-бек. – Авт.) вздумал лично вступить в переговоры с начальником бывшего тогда отряда в Джаро-Белоканском округе, генерал-лейтенантом С.С.Стрекаловым, обещая распустить мюридов, если наше правительство назначит ему пожизненный пенсион. Возмутительные действия Гамзат-бека заслуживали строгого наказания, предложенное же им условие могло только удивить; а потому генерал-лейтенант С.С.Стрекалов ограничился собственно его арестом и отправлением в Тифлис. Там он был взят под присмотр, как дерзкий бунтовщик»²⁴². Следует подчеркнуть, что все эти события, связанные с Кавказской войной, имеют различные трактовки и объяснения, иногда прямо противоположные. В этой связи отмечу, что современный исследователь Кавказской войны, профессор МГИМО В.В. Дегоев действия Гамзат-бека трактует по-своему. Он пишет: «Гамзат-бек вел себя двусмысленно по отношению к России: неожиданно он вступил в переговоры с русскими властями на Кавказе, вероятно, вдохновляясь многочисленными примерами хорошо оплачиваемого «верноподданства» дагестанской знати»²⁴³. Несколько по-другому описывает современник событий летописец Мухаммад Тахир аль-Карахи, который объясняет сложившуюся в Джаро-Белоканах ситуацию следующим образом: «Когда Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) увидел, что горцы не могут выжить неверных (русских.-Авт.) из крепости, то захотел получить охранную грамоту для Джарского вилайята (области. – Авт.). Вместе с Ших-Шабаном Богнадинским он пошел в крепость, но там их арестовали и отправили в Тифлис. Там они оба пробыли некоторое время. Затем их освободили в связи с перемирием, но в залог

---

²⁴¹ Там же.

²⁴² Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 5.

²⁴³ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 65.

Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) отдал двух сыновей [их обоих]»²⁴⁴. Таким образом, перед нами четыре версии объяснения поступка Гамзат-бека в джаро-белоканских событиях. При этом первые три заметно отличаются от последней. Если авторы первых двух являются представителями имперской стороны и поэтому в их объяснениях Гамзат-бек описывается как «возмутитель», не чуждый всевозможных подарков, то позиция московского исследователя Кавказской войны, профессора В.В.Дегоева, известного своим «оригинальным представлением» в своих трудах народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни, не очень отличается от первых двух. По нашему мнению, все три автора недооценивают мировоззрение и личность Гамзат-бека, человека вполне состоятельного, порвавшего с мирским благополучием и вставшего на путь народно-освободительной войны горцев Дагестана. И вполне вероятно, что его действия по отношению к российскому командованию на Кавказе, есть не что иное, как политическая игра со многими противоречиями, недоговоренностями и неожиданными компромиссами. Поэтому мы склонны придерживаться версии Мухаммад Тахира аль-Карахи. К тому же известный профессор В.В. Дегоев в своих рассуждениях допускает некоторые вольности и даже ошибки в описываемой ситуации, заявляя, что Гамзат-бек с братом прибыли на переговоры в Тифлис²⁴⁵, хотя явились они в русский лагерь под Закалатами, где были арестованы и только после этого были отправлены С.С. Стрекаловым в Тифлис. Последний по этому поводу послал письмо генералу И.Ф. Паскевичу, находящемуся там же в Тифлисе, следующего содержания: «Гамзат-бек есть сын Алисканта (Али-Эскендер-бека. – Авт.), бывшего первым любимцем Омар-хана Аварского, и известен по прежним своим разбоям. Действия его в пользу Кази-муллы (первый имам Дагестана. - Авт.) против Хунзаха, а также участие в мятеже горцев, есть два дела, по которым

---

²⁴⁴ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 26.

²⁴⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 66.

он, по всей справедливости, может быть отдан под суд»²⁴⁶. В этой связи необходимо, по моему убеждению, высказать некоторые соображения по поводу одного документа, хранящегося в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН²⁴⁷, который был опубликован в сборнике документов²⁴⁸. Это «Воззвание Гази-Магомеда и Гамзат-бека к горцам Дагестана», которое составители сборника датируют январем 1831 г. В документе, в частности, говорится: «От уповающего на Всевышнего Аллаха Гази Мухаммада и от жертвовавшего себя борьбе за божье дело Гамзат-бека к обществам мусульман и единобожников, младшим и старшим четырех сторон, салам вам... О дорогие братья! Почему вы не обращаете внимания на слова Аллаха: «Вам письменно завещано сражение, но оно вам отвратительно?» Почему вы ставите правителями кяфиров (неверных. – Авт.), минуя верующих?»

...О братья! Вступайте на борьбу, борьба нам обязательна. Не обращайтесь внимания на примирившихся с неверными. Не надо слушать их ложные советы. Не поздно еще, выяснится наше и их положение. На этом свете захватом их имущества и пленением их, а на том свете – загоном их в ад. Гамзат-бек и Дагестан пришли в движение. Уповайте на Аллаха, на все Его воля. Наши сабли, а шеи неверных. Всевышний, помоги пособникам религии! Унижай унизителей религии и помогай нам в победе над неверными!»²⁴⁹

В изложенном содержании текста возвания дата, указанная составителями, ошибочна, т. к. в январе 1831 г. Гамзат-бек уже находился под арестом и содержался в Метехском (Тифлиском. – Авт.) замке в заключении. Освобожден он был оттуда не ранее мая 1831 г. Предполагаем, что Гази-Мухаммад составил это воззвание под двумя именами, для сокрытия ареста Гамзат-бека и в стратегическом плане, однако в конце возвания горцам указывается: «Будьте вместе с Гамзат-беком и людьми из

²⁴⁶ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом ... – С. 180.

²⁴⁷ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 1659. Л. 40.

²⁴⁸ ДГСВК... – С. 87

²⁴⁹ ДГСВК... – С. 87.

Голода в надежном месте до моего пребывания с войсками со стороны Дербента, количество которых, кроме бога, никто не будет в состоянии исчислить...»²⁵⁰. По этой фразе можно сделать вывод, что Гамзат-бек находится еще на свободе и в действии. Документ очень важен, но по времени он, скорее всего, относится к ноябрю 1830 г., т. е. когда джаро-белоканские события еще не закончились, или к декабрю того же года, поскольку воззвание было составлено Гази-Мухаммадом, когда он еще не знал об аресте Гамзат-бека.

Тем временем российское командование получило тревожные сведения из Персии. Известный историк Кавказской войны академик В.А.Потто писал: «Вопрос о близкой междоусобице между двумя персидскими принцами – Аббас-Мирзой и Гассан-Мирзой – тревожно волновал мусульманские провинции на российской территории, все еще тяготевшие к Персии, поэтому персидские дела в ту пору представляли для российского командования большой интерес, т.к. они косвенным образом оказывали влияние и на сопротивление аджарцев»²⁵¹. Понимая, что ханы мусульманских провинций «всегда готовы были явиться возмутителями против нашего правительства», что «могло бы неблагоприятно повлиять и на наши дела в Джаро-Белоканской области»²⁵², генерал С.С.Стрекалов признал необходимость быстрее навести порядок и уничтожить Старые Закаталы. В ночь на 14 ноября 1830 г. русские войска тремя колоннами пошли на штурм в Старые Закаталы²⁵³. Лишившись своих руководителей, восставшие горцы потерпели поражение. В итоге в руки командования царских войск перешли тогда три пушки, захваченные горцами 15 октября 1830 г. Тот же академик В.А. Потто по этому поводу подчеркивал: «Джары и Закаталы на глазах народа были сравнены с землей, прекрасные сады их пали под топорами солдат, а

---

²⁵⁰ ДГСВК... – С. 87.

²⁵¹ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 179.

²⁵² Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 178.

²⁵³ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев... – С. 223.

шелковичные и тутовые деревья пошли на выжигание угля»²⁵⁴. Прилегающие населенные пункты были подвергнуты разгрому, а часть их жителей было решено переселить в урочище Даначи. Ознакомившись с потерями данного «мероприятия» (убито 6 офицеров и ранено 10, нижних чинов убито 243 и ранено 139, контужено 2), граф И.Ф. Паскевич приказал «срыть до основания все дома жителей, которые подняли против русских оружие», скот и имущество отдать на разграбление мирным горцам, «восставших горцев, их жен и детей взять в плен и отправлять в Тифлис арестованными». Причем «главнейших виновников возмущения» граф приказывает «предать военному суду и по окончании оногo в 24 часа расстрелять для примера до 25 человек»²⁵⁵.

Горцам Дагестана, не участвовавшим в военных действиях против русских войск, граф И.Ф. Паскевич «воспрещал носить оружие, кроме одного кинжала, и чтобы отличить затем мятежников от других», объявил, «что позволяется носить оружие не иначе, как только по печатным билетам на русском диалекте, без коих встречающихся с оружием брать под стражу и отправлять в Сибирь»²⁵⁶. Большой интерес, на мой взгляд, представляет запись в журнале главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, где сказано: «Скопища дагестанцев и мятежников, оставив крепкую позицию в сел. Закаталы, рассеялись в горы. Селения Гогами, Джары и Закаталы, бывшие гнездом ненависти к России и основным оплотом необузданности лезгин, до основания истреблены вместе с их древними садами, которые составляли богатство жителей. Многие из самых дерзких соумышленников находятся уже в руках наших и преданы суду, для поимки прочих принимаются также меры...»²⁵⁷. Для нашего исследования представляет большой интерес и мнение известного русского генерала И.Ф.Паскевича. Так, в своем ответе генералу С.С. Стрекалову о причинах восстания горцев,

---

²⁵⁴ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. – СПб, 1887. Т. 2. Вып. 1–4. – С. 243.

²⁵⁵ РГВИА. Ф. ВУА. 6239. Ч. II. Л. 30.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6237. Л. 175.

которое, по его мнению, произошло «не иначе как от дурного управления народами или худой дисциплины в войсках, там расположенных»²⁵⁸, командующий русскими войсками на Кавказе предлагал свое дальнейшее решение проблемы. Генерал пишет: «Когда построены укрепления в Новых Закачалах, означенное селение, удаленное от нашей крепости только на 3 версты, не есть уже более тот важный и опасный оплот, на который лезгины полагали некогда всю свою надежду... Напротив, гораздо лучше было бы по оставлении 1500 человек в Новых Закачалах с остальными занять селения Кахетии или Белооканы, через что у неприятеля отнимутся средства к продовольствию, и он неминуемо принужден будет раскаяться; отсюда равномерно можно действовать во фланг к Старым Закачалам»²⁵⁹. Другой знаток Кавказской войны А.Неверовский подчеркивал: «Наконец джарские лезгины были разбиты, покорены и лишились навсегда своей политической независимости и гражданского устройства, а земли их образовали Джаро-Белооканский округ»²⁶⁰. Здесь необходимо, по моему убеждению, внести поправку, поскольку вначале это объединение называлось Джаро-Белооканской областью, а впоследствии Джаро-Белооканским округом, который 5 апреля 1860 г. «Положением об управлении Дагестанской областью и Закачальским округом» был преобразован в Закачальский округ во главе с окружным начальником, временно подчиненным начальнику Верхнего Дагестана.

После подавления восстания горцев Дагестана были арестованы несколько известных предводителей горцев, в частности Кутур-Сулейман-оглы, Ибрагим Загер-оглы, братья Абдулла и Сафар Аджиевы²⁶¹. Двое последних были отправлены в Тифлис к находившимся там Гамзат-беку, его брату Мурад-беку и Ших-Шабану. Узники располагались в Метехском (Тифлиском) замке, бывшей цитадели и резиденции грузинских князей. В начале XIX в. замок был переоборудован под тюрьму, она располагалась на

---

²⁵⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6239. Ч. II. Л. 29.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 5.

²⁶¹ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 189.

окраине Тифлиса, на берегу реки Куры. Заключение горцы имели неплохое обхождение. Они пользовались относительной свободой, имели денежное содержание, а также разрешение на переписку с родственниками, правда, через цензуру. Например, в одном из писем Гамзат-бек и его брат писали родным: «Мы находимся в Тифлисе, здоровы и благополучны. Между русскими и нами последовал мир, а потому вы не печальтесь и не думайте о нас, ибо с помощью Божьей, мы скоро к вам прибудем, а именно в течение месяца...»²⁶². И.Ф. Паскевич вначале хотел выслать арестованных горцев в Казань, но затем оставил, справедливо полагая, что здесь на Кавказе, одаренные подарками и выпущенные на свободу, они будут более полезны для влияния на горцев по водворению спокойствия в крае. С просьбой об освобождении узников обратился и Аслан-хан Газикумухский, который писал генералу Сергееву, что «Гамзат-бек человек бедный и не имеющий никакого состояния... Гамзат-бек и Ших-Шаабан в Дагестане не из тех людей, которые бы могли своим влиянием собрать войско и предводительствовать против какого-либо войска... они бедные люди и не могут иметь в Дагестане большого голоса...»²⁶³. Понимая, что Ших-Шаабан имеет авторитет среди горцев, несмотря на недавнее поражение, генерал Сергеев приказал вернуть ему имущество и оружие, освободить из тюрьмы и поселить в отдельной квартире в Тифлисе с отпуском по одному рублю суточных. Вскоре Ших-Шаабан был отпущен на свободу (вместо него прибыл его брат в качестве аманата) на следующих условиях: «Он обязан всеми средствами поддерживать расположение горцев Анкратльского общества к русскому командованию и не допускать его к сближению с враждебными обществами»²⁶⁴. За это Шабану назначили ежегодную пенсию в двести рублей серебром.

8 марта Гамзат-бек и Мурад-бек также были освобождены из Метехского замка и поселены в Тифлисе под строгим военным надзором. В

---

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же. – С. 216.

²⁶⁴ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 165.

мае этого же года Мурад-бека окончательно освободили и отправили с подарками к его деверю Чопан-беку, а с Гамзат-бека сняли надзор, улучшили материальное положение, но он по-прежнему оставался в Тифлисе, дожидаясь очередного похода генерала Панкратьева в горы для его сопровождения. Тем не менее, вскоре Гамзат-бек был освобожден от ареста, а потом, получив по распоряжению И.Ф. Паскевича «совершенную свободу», выехал из Тифлиса²⁶⁵. Оставив вместо себя аманатом у русских своего племянника Койхосрова (Кихусро)²⁶⁶, Гамзат-бек вернулся в родной Гоцатль, «засел, после этого у себя дома и изучал науку»²⁶⁷. Верный своему слову, данному русским, он более не предпринимал никаких военных действий. По сведениям аль-Карахи, аманатом Гамзат-бека, оставленным в Тифлисе, был его сын²⁶⁸. Однако мы не имеем данных о том, что у Гамзат-бека был сын, и поэтому склонны считать, что аманатом все-таки был один из его племянников. Единственное упоминание о сыне Гамзат-бека мы находим в переписке князя Д.Чавчавадзе с главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генералом Н.А. Реадом в сентябре 1854 г. по случаю вызволения из плена княгинь В. Орбелиани и А.Чавчавадзе, захваченных в 1854 г. старшим сыном имама Шамиля Мухамедом-шефи. В одном из своих писем князь Д.Чавчавадзе перечисляет аманатов, которых Шамиль желал обменять на княгинь, среди которых упоминается и «сын Гамзат-бека Шах-Ислам»²⁶⁹. О возрасте упомянутого сына в письме не говорится. Неизвестна и его дальнейшая судьба. Во всяком случае, Шах-Ислам не имел никакого отношения к событиям 1830 г. и был рожден, скорее всего, в промежутке с 1830 по 1834 г., т.е. еще до смерти Гамзат-бека.

Итак, узнав о смерти племянника, отданного вместо него в заложники русским, Гамзат-бек был не связан договором с противником и мог

---

²⁶⁵ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 120.

²⁶⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 6.

²⁶⁷ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 26.

²⁶⁸ Там же. – С. 120.

²⁶⁹ Вердеревский Е.А. Кавказские пленницы или плен у Шамиля. 1857. Приложение 1. – С. 470.

действовать на свое усмотрение, а поэтому «в тот же день он направился к Гази-Мухаммаду...»²⁷⁰. Таким образом, как явствует из летописи хрониста Исхака аль-Урми, Гамзат-бек и Ших-Шабан «были посланы Гази-Мухаммадом в Чар (Джар. – Авт.), были взяты там в плен кяфирами (неверными. – Авт.) и переправлены в Тифлис. Затем оба были освобождены под именем перемирия, и сказано им обоим, что оба освобождены...»²⁷¹. Следует подчеркнуть, что некоторые проблемы Кавказской войны, ее важнейшие аспекты и подробности до сих пор нуждаются в существенной доработке и конкретизации. В этом плане меньше всего повезло Гамзат-беку, в биографии которого в силу различных причин до сих пор остаются своеобразные белые пятна. В его биографии также как и в военно-политической деятельности остаются противоречивые факты, свидетельства очевидцев, поверхностные и однобокие рассуждения и выводы. В этой связи необходимо обратить внимание на московского профессора-кавказоведа В.В. Дегоева, который пишет: «Не исключено, что в лице Гамзат-бека российское командование приобрело бы очередного влиятельного ставленника, если бы оно не совершило грубейшую ошибку»²⁷². Не надо забывать, что до перехода Гамзат-бека к первому имаму Дагестана Гази-Мухаммаду у него было практически все - знатное происхождение, материальный достаток, воспитание в ханском доме, достаточно высокое положение в дагестанском обществе, чтобы стать «влиятельным ставленником российских властей на Кавказе». Однако перелом, происшедший в нем, перечеркнул все прошедшие годы, и он выбрал для себя другой путь, от которого впоследствии не отступал никогда. Таково мнение автора настоящей диссертации. А что касается профессора В.В. Дегоева, то он продолжает дальше давать оценки Гамзат-беку. Он пишет: «Прибывшего на переговоры в Тифлис Гамзат-бека арестовали. Заключение, правда, длилось недолго, и с пленником обходились учтиво. Однако произошло непоправимое: самолюбие горца

²⁷⁰ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 120.

²⁷¹ Исхак аль-Урми. Сведения об ученых / Рук. фонд Института востоковедения РАН. Д. 4360. Л. 138.

²⁷² Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 66.

было глубоко уязвлено, а его доверие к России навсегда подорвано. Кроме того, попытка Санкт-Петербурга исправить оплошность оказалась другой крупной ошибкой. Из российской столицы пришел приказ о немедленном освобождении Гамзат-бека с дорогими подарками и обещанием ежегодной пенсии в тысячу рублей. Но запоздалый ход уже ничего не мог дать, кроме морального козыря для Гамзат-бека. Очувтившись на свободе, он широким презрительным жестом вернул то, что при других обстоятельствах охотно бы принял, и поспешил вновь присоединиться к Кази-мулле. О продолжении переговоров не могло быть и речи»²⁷³. Здесь налицо некоторые фактические ошибки, допущенные известным московским автором. Выше упоминалось о том, что в Тифлис Гамзат-бека доставили уже арестованного. Там к пленнику действительно относились сносно, можно говорить и о «лихорадочной попытке Петербурга загладить оплошность», поскольку в столице Российской империи поступили вопреки решению известного генерала И.Ф. Паскевича, который хотел отправить Гамзат-бека в казанскую ссылку. Однако никаких подношений и обещаний «ежегодной пенсии в тысячу рублей» не было, так же, как не было и «широкого презрительного жеста» Гамзат-бека, вернувшего подарки властям. В своих описаниях профессор В.В. Дегоев ссылается на некоторых зарубежных авторов²⁷⁴, которые, по нашему мнению, не являются авторитетными в освещении данных вопросов и не могут знать о поступках Гамзат-бека. Соглашаясь с доводами иностранных авторов и приводя их в своем труде, профессор В.В. Дегоев, на наш взгляд, принимает ошибочную версию. Он пишет: «В результате ореол гордого героя созданный Гамзат-беку, отказавшегося от царских милостей ради большой цели, поднял его авторитет, привлекая новых сторонников, в том числе и тех, кто ранее не испытывал вражды к России»²⁷⁵. В этом случае можно лишь частично соглашаться с профессором. А в целом, как

---

²⁷³ Там же. – С. 66; Koch K. Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und im Kaukasus. – Weimar, 1847. – S. 387.

²⁷⁴ Koch K. Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und im Kaukasus. – Weimar, 1847. – S. 387; Der Kaukasus. – Berlin, 1882; Mozer L. The Caucasus and Its People, with a brief history of their wars and a sketch of the achievements of the renowned chief Schamyl. – L., 1856. – P. 139–140.

²⁷⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 66.

показывают авторитетные источники, в том числе уникальные архивные документы периода Кавказской войны, авторитет Гамзат-бека был достаточно высок среди горского населения Дагестана. Именно поэтому оценки Гамзат-бека, которые содержатся в работах профессора В.В.Дегоева во многом представляются ошибочными, тенденциозными и спорными.

Ших-Шабана после вызволения из плена и возвращения в горы Дагестана настойчиво проводил в жизнь местного населения указания русского командования на Кавказе, что вызвало недовольство у имама Гази-Мухаммада, который отправляет воззвание в джарские общества, где призывает укреплять шариат и намекает на измену: «Виновные узнают, когда я немедленно прибуду к ним»²⁷⁶. Для наказания Ших-Шабана имам направляет Гамзат-бека. Вместе со своим родственником Чопан-беком он блестяще исполнил возложенную на него миссию: явившись в родной аул Шабана Гиндиб, он «без снисхождения учинил полный разгром в его доме, конфисковав все имущество, в том числе и часть русского, которую Шабан не успел унести, спасая свою собственную голову»²⁷⁷. Таким образом, проверенные исторические факты свидетельствуют о том, что Гамзат-бек был одним из самых ортодоксальных руководителей народно-освободительной борьбы горцев Дагестана на начальном ее этапе. Джаро-Белоканский поход был первым самостоятельным мероприятием Гамзат-бека, где он был безусловным лидером, «энергичным предводителем»²⁷⁸ и организатором крупномасштабных действий. Это явилось серьезным испытанием для него. В то же время поход горцев Дагестана не принес ожидаемого успеха. Тем не менее, он доставил массу хлопот и неприятностей российскому командованию на Кавказе, лично командующему Отдельным Кавказским корпусом генералу И.Ф. Паскевичу и, наконец, вызвал большое недовольство официального Петербурга.

---

²⁷⁶ Волконский Н.Л. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом... – С. 183.

²⁷⁷ Там же. – С. 211.

²⁷⁸ Потто В.А. Кавказская война... Т. 5. – С. 170.

§3. Гамзат-бек как идейный вдохновитель мюридистского движения в Дагестане

Действия русских войск на Джаро-Белоканской земле закончились успехом, но «из Дагестана приходят такие тревожные слухи, которые заставляют, наконец, внимательно взглянуться в тамошние события и увидеть в них нечто посерьезнее обыкновенного мусульманского бунта»²⁷⁹. Российское командование прилагает усилия для предотвращения разгоравшегося восстания в Чечне, после чего генерал И.Ф. Паскевич в январе 1831 г. направляет начальника левого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова в Северный Дагестан. В дальнейшем военно-политические действия на территории Дагестана разворачивались следующим образом: в 1831 г. произошла осада сторонниками первого имама Дагестана крепости у Тарки (2-я половина мая), затем началась осада крепости Внезапная (середина июня), потом произошло восстание в Южном Дагестане (середина июня), и, наконец, царские войска организовали осаду города Дербент (2-я половина августа). Во всех этих мероприятиях Гамзат-бек не принимал участия. 13 сентября 1831 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса был назначен генерал от инфантерии, барон Г.В. Розен, который активно стал предпринимать военные действия для «умиротворения края». Однако 1 ноября 1831 г. имам Гази-Мухаммад во главе тысячного отряда захватил город Кизляр. По свидетельству летописца аль-Карахи, имам «захватил его, взял... огромные богатства и многих пленил»²⁸⁰. Возвратившись после этого в Северный Дагестан, Гази-Мухаммад 22 ноября расположился лагерем в урочище Чумкескент на территории владений шамхала Тарковского (плоскостной Дагестан) и «занялся укреплением своих позиций и восстановлением влияния в окрестных селениях»²⁸¹. Именно в это время к нему присоединился Гамзат-бек, освобожденный из тифлиского

²⁷⁹ Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. – СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 108.

²⁸⁰ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1... – С. 29

²⁸¹ Кавказская война: народно-освободительная борьба... – С. 239.

плена, бывший не у дел в течение некоторого времени, пока не скончался его племянник, выданный им аманатом российскому командованию. Поскольку теперь Гамзат-бек не был связан договором и был свободен в своих действиях, он тут же вступил в борьбу, примкнув к первому имаму Дагестана Гази-Мухаммаду. Известный советский историк-кавказовед, профессор Н.И. Покровский приводит свои доводы о некоторой размолвке Гази-Мухаммада и Гамзат-бека. Он пишет: «В этот момент обнаружилось опять какие-то расхождения между имамом и одним из его помощников – Гамзат-беком. Последний, вернувшись из неудачного похода к крепости Новые Закаталы, явился в Агач-кала с какими-то широкими планами»²⁸². При этом автор ссылается на П.Г. Пржецлавского²⁸³, поясняя, что планы эти, поддержанные Аслан-ханом Газикумухским, заключались в попытке овладеть аварским ханским престолом, о чем, якобы мечтал Гамзат-бек (суть этих планов заключалась в личных интересах Аслан-хана). Далее, ссылаясь на Мухаммада Тахира аль-Карахи, Н.И. Покровский объясняет ситуацию следующим образом. Имам Дагестана «одобрил планы Гамзат-бека, советовал до времени отложить их исполнение и затем, указывая на скорое прибытие... русского отряда, просил Гамзат-бека соединиться с ним и общими силами дать решительный отпор русским, но на предложение это Гамзат-бек не дал положительного ответа»²⁸⁴. К этому объяснению прибавляется и высказывание П.Г. Пржецлавского: «Кази-мулла не желал, чтобы Гамзат-бек... действовал самостоятельно, между тем как последний жаждал личной славы»²⁸⁵. Высказывание взято из перевода-переработки сочинения Мухаммада Тахира аль-Карахи «Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах». Советский историк-кавказовед Н.И. Покровский делает заключение: «В конце концов, Гамзат-бек, несмотря на разногласия, остался в Агач-кале»²⁸⁶. Следует пояснить описанную выше

---

²⁸² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 290.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 290.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же.

ситуацию, представленную Н.И. Покровским, который использовал труды аль-Карахи и Пржецлавского. Если, по свидетельству аль-Карахи, Гамзат-бек не дал положительного ответа на предложение имама Гази-Мухаммада общими силами дать решительный отпор русским, то это не значит, что между ними непременно появились разногласия. Что касается цитирования Пржецлавского, бывшего пристава при Шамиле в Калуге, то мы считаем абсолютно недопустимым приводить его труды, касающиеся борьбы имамов, в качестве использованной литературы, поскольку этот автор проявил себя как человек, склонный к авантюрам, а его попытки перевода-переработки сочинения Мухаммада Тахира аль-Карахи есть искаженная версия летописца Кавказской войны. О его попытках издания рукописи аль-Карахи, а также сведений, порочащих Шамиля и его семью, написано в некоторых достоверных публикациях²⁸⁷.

Итак, пытаясь покончить с действиями первого имама Дагестана Гази-Мухаммада, российское командование на Кавказе предприняло шаги к уничтожению нового укрепления, известного под названием Агач-кала, которое «состояло из высокого тройного сруба с бойницами, заваленного землею и окруженного с южной стороны рвом до 50-ти сажень глубиной»²⁸⁸.

По сведениям Маклача, обороной укрепления руководил Гамзат-бек, который «укрепил лагерь с юго-западной стороны, которая была слабее других»²⁸⁹. Действиями по овладению укрепления Чумкескент руководил командир 42-го Егерского полка полковник Миклашевский, который, оставив «вагенбург в сел. Казанище, под прикрытием двух рот Куринского полка с двумя орудиями выступил 1 декабря для нападения на Кази-Муллу, который в Чумкескенте умножил партию свою до 1000 чел. ...»²⁹⁰. Миклашевский, оставив роту Куринского полка на единственной дороге, ведущей к укреплению, остальное войско повел в обход. Русский писатель

---

²⁸⁷ Захарьин И.Н. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце // Русская старина. – 1901. – № 8. – Т. VII. – С. 367–389; Пржецлавский П.Г. Шамиль в Калуге. Записки полковника П.Г. Пржецлавского // Русская старина. – 1877. – № 10. – С. 255–276.

²⁸⁸ Рапорт ген.-адъют. Панкратьева барону Розену, от 4 декабря 1831 г. № 1207 // АКАК. – Т. 8. – С. 549.

²⁸⁹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 8.

²⁹⁰ Рапорт ген.-адъют. Панкратьева барону Розену, от 4 декабря 1831 г. № 1207 // АКАК. – Т. 8. – С. 549.

А. Бестужев-Марлинский, находившийся в составе атакующих, так описал это событие в своих «Письмах из Дагестана»: «...Скрытые за непроницаемой оградой, горцы били на выбор; солдаты наши, несмотря на это, бесстрашно кинулись вперед; но когда град пуль срезал целые ряды храбрейших, когда несколько офицеров легли на окровавленный снег, натиск превратился в перестрелку жестокую, убийственную...»²⁹¹. Несмотря на героическую защиту укрепления, участь его была предрешена, поскольку силы были неравными и защитники не могли противостоять вновь прибывающим силам российских войск.

Летописец аль-Карахи свидетельствует об участии в этой защите Гамзат-бека: «Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.), Шамиль и часть тех, кто были в крепости вместе с ними, дали сильное сражение. Они убили много неверных, которые уж окружили крепость со всех сторон, но никак не могли заскочить внутрь...»²⁹². К вечеру участь укрепления была практически предрешена. А. Бестужев-Марлинский подчеркивал: «Ожесточенные солдаты руками срывали сруб, лезли наверх, ломали кровлю и вломились, наконец, в укрепление, падали друг на друга; друзья и недруги – все смешалось...»²⁹³. С наступлением темноты после команды «отбой» войска отошли на свои позиции. Защитники укрепления, использовав благоприятную ситуацию, вышли из него, и ушли в горы. 2 декабря солдаты приступили к разрушению укрепления, покинутого его защитниками. В своем рапорте генерал Панкратьев отмечал, что «более 150 тел неприятельских и 70 лошадей остались убитыми на месте сражения... По уверению жителей, Кази-Мулла должен быть или убит или ранен, ибо видима была кровь в той пещере, в которой он скрывался... и занимался чтением Корана»²⁹⁴. О нахождении имама Гази-Мухаммада в укреплении во время военных действий существуют два противоположных мнения. Некоторые российские

²⁹¹ Бестужев-Марлинский А. Письма из Дагестана // Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – С. 52.

²⁹² Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 30.

²⁹³ Бестужев-Марлинский А. Письма из Дагестана... – С. 53.

²⁹⁴ Рапорт ген.-адъют. Панкратьева барону Розену, от 4 декабря 1831 г. № 1207 // АКАК. – Т. 8. – С. 550.

источники свидетельствуют, что он находился там, и факт присутствия его лошади в уборе, захваченной в качестве трофея, говорит в пользу этой версии. Другие утверждают, что именно «во время отсутствия Кази-Муллы Чумкескент был атакован отрядом полковника Миклашевского»²⁹⁵. Летописец аль-Карахи также утверждает, что «Гази-Мухаммада там тогда не было; в нем находились: Шамиль, Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) и Саид Игалинский»²⁹⁶. Возможно, до атаки русскими войсками или в самом начале осады укрепления первый имам Дагестана находился в нем, а затем по каким-то причинам покинул. Это утверждал и Маклач, который писал: «Однажды утром Кази-мулла был чрезвычайно не в духе, видно было, что он сильно тосковал. Призвав к себе Гамзат-бека, он объявил ему, что видел ночью чудный сон, который хочет разгадать по книге, находящейся в Гимрах, для чего отправляется сам туда и поручает Гамзат-беку на время своего отсутствия начальство над войсками»²⁹⁷. После того, как участь укрепления была практически решена, «Гамзат-бек, – отмечает А.А.Неверовский, – едва успевший спастись бегством, ушел в Новый Гоцатль, где и оставался в бездействии до сентября месяца 1832 года...»²⁹⁸. На мой взгляд, А.А.Неверовский ошибается, когда говорит «о бездействии Гамзат-бека». Будущий второй имам Дагестана вовсе не бездействовал до сентября 1832 г. Летом этого года он предпринял второй свой поход в Джаро-Белоаканы, закончившийся неудачно. Перечисляя трофеи, взятые с поля боя, Панкратьев говорит о том, что «с бою взяты два почетных знамени Кази-Муллы и одно Гамзат-бека и досталась богатая добыча вещами, деньгами и множеством лошадей»²⁹⁹. Упомянутое знамя Гамзат-бека впоследствии экспонировалось в Тифлисском музее «Храм Славы», а в 1920 г. оно было передано в Махачкалу в основанный здесь краеведческий музей, где хранится и поныне. Знамя представляет собой полотнище зеленого

---

²⁹⁵ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 10.

²⁹⁶ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. 1. – С. 29.

²⁹⁷ Гамзат-бек – второй имам... – С. 8.

²⁹⁸ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 10.

²⁹⁹ Рапорт ген.-адъют. Панкратьева барону Розену, от 4 декабря 1831 г. № 1207 // АКАК. – Т. 8. – С. 550.

цвета с тремя остроконечным концами, на нем есть надпись: «Раз приступил ты к войне, не бывать робости с твоей стороны, будь терпелив к ужасам войны, нет смерти, кроме как по истечении срока. Аллах! Дай победу тому, кто содействовал вере, оставь без помощи того, кто изменил вере...»³⁰⁰. Необходимо подчеркнуть, что взятие укрепления Агач-кала стоило русским войскам больших потерь; среди погибших был и сам Миклашевский³⁰¹. К этому следует добавить, что в этом сражении непосредственно участвовал Гамзат-бек, который вместе со своими сподвижниками до последнего отражал атаки неприятеля и вынужден был затем покинуть укрепление.

По русским источникам становится известно, что в конце декабря первый имам Дагестана Гази-Мухаммад и Гамзат-бек прибыли в Гимры, однако местный старшина Дауд Мухаммад, верный обязательствам, данным им русскому генералу Панкратьеву, пытался не допустить их в аул³⁰². Между тем другой русский генерал Каханов получил сведения от лазутчиков, что «будто бы Гамзат-бек намеревается перейти Тавлинскую гору, отделявшую койсубойлинские земли от шамхальских владений, и сделать нападение на мирные деревни»³⁰³. В связи с этим он предписал Ахмет-хану Мехтулинскому и шамхалу Тарковскому выставить из жителей караулы в сел. Параул и Эрпели, через которые мюриды должны были из Гимры «проходить в случае, если бы они решились на означенное предприятие»³⁰⁴.

В середине июля произошла встреча Гамзата-бека с Аслан-ханом Газикумухским, сыгравшая значительную роль в дальнейших крупных военно-политических событиях в Дагестане. Одним из ходатаев по освобождению Гамзат-бека из тифлисского плена был газикумухский хан, и это не было случайностью. История и содержание этой встречи таковы: Аслан-хан вскоре после смерти аварского хана Султан-Ахмед-хана хотел засватать за своего сына Мухаммада-Мирзу его дочь Султанат и получил

---

³⁰⁰ Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. – Махачкала, 1997. – С. 25.

³⁰¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6259. Л. 151.

³⁰² ДГСВК... – С. 105.

³⁰³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 49.

³⁰⁴ Там же.

согласие ее матери ханши Баху-бике. После этого сватовства аварская ханша получила подобное предложение и от шамхала Тарковского Абу-Муслима. По этому вопросу исторический источник свидетельствует: «Сравнивая двух женихов, аварская ханша отдала преимущество шамхалу (кумыку по национальности. – Авт.), имея в виду его богатство и соседство владений, и, несмотря на данное уже слово Аслан-хану, выдала Султанату в замужество шамхалу Тарковскому»³⁰⁵. Разумеется, Аслан-хан оказался в уязвимом положении неудачного жениха. Затаив после этого обиду на аварский ханский дом, Аслан-хан в последующем пытался найти выход для своей мести, и орудием его, по мнению хана, мог стать Гамзат-бек. Русский исследователь Кавказской войны А.А.Неверовский подчеркивал: «Он видел в этом предприимчивом человеке (Гамзат-беке. - Авт.) своего мстителя»³⁰⁶. В таком утверждении А.А.Неверовского просматривается логика далеких событий. Вызволив его из плена, Аслан-хан пригласил Гамзат-бека к себе во владение, и между ними произошел разговор. Будучи хорошим знатоком горской души, хан пытался задеть честолюбие Гамзат-бека, при этом подсказывая ему выход из создавшегося положения. «Знаешь ли, от чего разрушились все планы Кази-муллы и твои при штурме вашем Хунзаха и отчего все твои предположения будут рассыпаться, как известковый камень, слетевший с вершины утеса? Тебя чернит перед народом ханша Баху-бике. Слова этой злой женщины то же, что алкоран для правоверных, и покуда будет жизнь в этом змеином теле, ты много употребишь трудов и времени, чтобы восстановить свою славу в горах»³⁰⁷. Доводы Аслан-хана показались Гамзат-беку убедительными и еще более упрочили его честолюбивые замыслы³⁰⁸. Следует подчеркнуть, что честолюбивых планов и замыслов у будущего второго имама Дагестана было более, чем достаточно. Тем не менее, влияние Аслан-хана на Гамзат-бека представляется несколько преувеличенным, что свойственно английскому автору Лесли Блэнч. Она

³⁰⁵ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 6

³⁰⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 7.

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 6 об.

³⁰⁸ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 7.

писала, что ему удалось превратить Гамзат-бека в орудие своей мести, отчего произошли «ужасные последствия»³⁰⁹, которые должны были изменить весь ход Кавказской войны. На самом деле сказанное Аслан-ханом Гамзат-бек воспринял с пониманием. Однако сначала он объявил о своем мщении за поражение и плен у русских во время событий в Джаро-Белоканах, и собирался предпринять туда еще раз поход. Аслан-хан безуспешно пытался отговорить его от этого и в заключении сказал: «Хорошо же, действуй, как знаешь, но в войну с русскими меня не вмешивай: я присягнул русским, я генерал русский, получаю большое жалованье, которого могу лишиться вместе с моим ханством и почестями».³¹⁰ Обращаю внимание на то, что по данным русской разведки между Аслан-ханом и Гамзат-беком состоялась еще одна встреча. Так, в рапорте генерал-майора Каханова генерал-адъютанту Розену от 22 июля 1832 г. говорится о том, что Аслан-хан «с двумя или тремястами человек сам ездил к Гамзат-беку для каких-то переговоров и ...поговорив с ним весьма короткое время, возвратился обратно в сел. Кумух»³¹¹. Прибыв в родной аул Гоцатль, Гамзат-бек огласил воззвание на предстоящий поход в Джаро-Белоканы, «и толпы горцев... слетелись к нему по первому его призыву»³¹². Желая нанести решающий удар Закатальской крепости, Гамзат-бек медленно продвигался к намеченной цели, усиливая и пополняя свои отряды местными жителями. Однако многочисленность отряда замедляла его шествие, а противник, пользуясь временем, собирал в Тифлисе главные силы для отражения неприятеля. Информация о продвижении будущего второго имама Дагестана к намеченной цели стекалась к главноуправляющему барону, генералу Г.Розену. Так, Абу-Нуцал-хан в своем письме от 17 июля 1832 г. сообщал: «...Имею честь донести, что возмутитель Кази-Мулла (первый имам Дагестана. – Авт.) не отправился на сторону Джара, а находится ныне в своем доме, но Гамзат-бек эфенди отправился в то место, которое состоит

---

³⁰⁹ Blanch L. The Sabres of Paradise... – P. 114.

³¹⁰ Гамзат-бек – второй имам... – С. 6.

³¹¹ ДГСВК... – С. 110.

³¹² Гамзат-бек – второй имам... – С. 6.

оттуда далеко, а к Джарской области близко; я никому из моих подвластных не позволил идти с Гамзат-беком в поход...»³¹³.

Из рапорта генерала Каханова от 22 июля 1832 г. Розену стало известно, что жителями Рутульского магала был собран для Гамзат-бека провиант, и «сверх того еще произведен был ...с них сбор баранов и рогатой скотины следующим порядком: каждые два дома отдавали по одному барану, каждые три двора по одному быку или корове и каждые же два дома по одной мере, называемой така, отдавали ему перемолотой пшеницы; и как известно в сем обществе, что довольно значительный сбор мошенников сих под начальством Гамзат-бека ныне находится расположенным в горах, называемых Рутульским эйлагом, каковые горы граничат с Нухинскою и Кубинскою провинциями, а потому и неизвестно, куда он намерен ворваться, в Нуху или Кубу, ибо дороги от сих гор как туда, так и в Кубинскую провинцию весьма хорошие для конных и пеших»³¹⁴. Барон Г.Розен в свою очередь докладывал военному министру Российской империи А.И. Чернышеву о том, что «Гамзат-бек отправился с 400 чел. в Джурмутское общество, дабы оное возмутить против нас и потом сделать вторжение в Джарскую область...»³¹⁵. Со значительным войском Гамзат-бек перевалил Кавказский хребет. Он был с восторгом встречен джарским населением, спешившим к нему присоединиться. «Однако, – как сообщает А.А.Неверовский, – Гамзат-бек не воспользовался своим положением, но, любуясь собранными им силами и выжидая прибытия новых партий, откладывая со дня на день нападение на крепость»³¹⁶. А между тем от чрезвычайной жары среди населения начали развиваться горячка и лихорадка, а также другие непонятные для горцев болезни. Прибывающее пополнение замещало выбывших из-за болезней, не увеличивая число сообщников. Это обстоятельство заставляло его медлить с действиями, т.к. он преимущественно рассчитывал на многочисленность отрядов в

---

³¹³ ДГСВК... – С. 109.

³¹⁴ Там же. – С. 110.

³¹⁵ Отношение барона Розена графу Чернышеву от 15 июля 1832 г. № 13 // АКАК. – Т. 8. – С. 553.

³¹⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 9.

предстоящем мероприятии. Медлительность и нерешительность Гамзат-бека в то же время дали возможность российскому командованию мобилизовать силы и направить их навстречу горцам. Источник сообщает, что «слух об этом остановил Гамзат-бека еще на несколько дней, до получения верных сведений»³¹⁷, а эпидемия в его отрядах уменьшила численность сподвижников, так что вскоре больше половины джарских лезгин принуждены были оставить ряды для ухода за больными³¹⁸.

26 июля отряд, состоявший из одного дивизиона Нижегородского драгунского полка, 800 человек регулярной пехоты I Грузинского пехотного полка и 500 человек милиции³¹⁹, выступил из Царских Колодцев и расположился на Алазани у Мугалинской переправы, получив сведения, что Гамзат-бек со своим отрядом и примкнувшими к нему жителями Джарской области до 3 тысяч человек находился в сел. Али-Абате. «Получаемые в то же время донесения от начальников мусульманских провинций о неблагонамеренности жителей требовали других мер осторожностей»³²⁰, и барон Розен с войсками, собранными на Муганлинской переправе, двинулся к с. Алиабат, где атаковал Гамзат-бека и вынудил отступить его в Мухахское ущелье. В своем письме к военному министру барон Г.Розен отмечал, что «часть скопища Гамзата хотела остановить конный авангард нашего отряда, но несколькими выстрелами из орудий была рассеяна и скрылась в ближайших лесах»³²¹. Тем не менее, до крупномасштабных военных действий дело не дошло. По этому поводу А.А. Неверовский отмечал: «Уход джарцев оказало отрицательное влияние на пришедших к ним горцев, и Гамзат-бек, увидев спад нравственных сил среди своих приверженцев и возрастающую смертность, решил предпринимать движение обратно в горы»³²². Итак, поход в Джаро-Белоканы закончился почти безрезультатно для Гамзат-бека. Более того, неудача в походе на крепость Новые Закаталы

³¹⁷ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 7.

³¹⁸ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 9.

³¹⁹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 211.

³²⁰ Шамиль – ставленник султанской Турции... – С. 35.

³²¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 211.

³²² Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 9.

заставила его навсегда отказаться от повторения подобного предприятия, а народ перестал восхвалять подвиги Гамзат-бека³²³.

По официальным сведениям российского командования, «генерал-лейтенант барон Розен... благоразумными мерами в столь короткое время прекратил возмущение... в мусульманских провинциях»³²⁴. Следует подчеркнуть, что в источниках при описании похода горцев Дагестана во главе с Гамзат-беком в Джаро-Белоканы присутствуют, на мой взгляд, некоторые расхождения в датах. Это обязывает предложить более точную хронологию событий, в которых непосредственно участвовал Гамзат-бек.

Первый Джаро-Белоканский поход состоялся в сентябре-ноябре 1830 г., после чего Гамзат-бек был арестован российским командованием и содержался в заключении в Тифлисе, откуда был освобожден не ранее мая 1831 г. и в последующем не принимал никаких военных и политических действий вследствие выдачи им аманатом племянника российскому командованию. После смерти аманата Гамзат-бек пытается возобновить свою деятельность. В это время он встретился с Аслан-ханом Газикумухским, и между ними произошел обстоятельный и деловой разговор (описанный нами ранее).

В конце ноября 1831 г. Гамзат-бек прибыл к первому имаму Дагестана Гази-Мухаммаду в урочище Чумкесент и передал ему свои соображения по поводу овладения Хунзахом, навеянные после разговора с Аслан-ханом, но имам советует ему пока отложить исполнение этого плана. Гамзат-бек принимает участие в обороне укрепления Агач-кала, которое сдается русским 2 декабря 1831 г.

Второй Джаро-Белоканский поход Гамзат-бека состоялся в июле-августе 1832 г. По свидетельству генерал-майора Каханова, до этого похода Аслан-хан Газикумухский еще раз встречался с Гамзат-беком³²⁵. Возможно, хан повторно посоветовал ему не иметь столкновений с русскими войсками. Тем

---

³²³ Там же.

³²⁴ Шамиль – ставленник султанской Турции... – С. 36.

³²⁵ ДГСВК... – С. 110.

не менее, поход состоялся, и кончился он ничем. В первой половине августа 1832 г. царские отряды во главе с генералом Г. Розеном двинулись в Чечню, продвигаясь с запада на восток, покоряя и выжигая чеченские аулы, которые подозревались российским командованием на Кавказе в симпатиях к народно-освободительной борьбе. Усилия Гази-Мухаммада противостоять русским отрядам не принесли успеха, и 23 августа 1832 г. он потерпел поражение под Герменчуком³²⁶. К концу сентября 1832 г. после подавления восстания в Чечне царским командованием было решено предпринять экспедицию в Дагестан. 10 октября 1832 г. отряд Г.Розена появился в Гимринском ущелье, которое имам Гази-Мухаммад сильно укрепил. Современный исследователь истории Кавказской войны, доктор исторических наук, профессор Х.М. Доного подчеркивает: «С невероятными трудностями с 11 по 17 октября солдаты спустились, наконец, в каньон, и после непродолжительного отдыха началось продвижение в сторону аула»³²⁷. Это было непросто, т.к. ущелье со всевозможными завалами и укреплениями отчаянно защищали горцы, воодушевленные своим предводителем имамом Гази-Мухаммадом.

Если следовать повествованию Гаджи-Али Чохского, то мы видим присутствие Гамзат-бека в Гимрах вместе с Гази-Мухаммадом накануне подхода туда русских войск. На послание первому имаму Дагестана с предложением о мире генерал Г.Розен стал ждать ответа. «Гази-Мухаммад, – пишет Гаджи-Али, – прочитав письма барона и генерала Г.Розена и советовавшись в продолжение 2-х дней с находившимся в то время в Гимрах Гамзат-беком, написал в ответе следующее: «Что касается до того, чтобы прекратить неприязненные действия и заключить мир, то это дело далекое. Мы только просим у Вас пропустить одну тысячу конницы в Мекку – это будет мир»³²⁸. Точными сведениями, почему Гамзат-бека не оказалось в Гимрах во время его штурма русскими войсками, мы не располагаем, т.к.

---

³²⁶ Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев... – С. 240.

³²⁷ Доного Х.М. Сверкающий газават. – С. 133.

³²⁸ Гаджи-Али Чохский. Сказание очевидца... – С. 25.

необходимых данных нет ни в архивах, ни в историографии Кавказской войны. Можно предположить, что это было связано с некоторыми стратегическими замыслами первого имама Дагестана Гази-Мухаммада. Получив такой пространственный ответ, генерал Г.Розен решил начать боевые действия.

18 октября 1832 г. царские войска, спустившись по откосам в ущелье, стали продвигаться к аулу Гимры. На подступах к селению их путь преградило сильное укрепление, которое было взято штурмом. Лишь часть защитников, оставшихся в одном из укреплений, продолжали упорное сопротивление. Среди них были первый имам Дагестана Гази-Мухаммад и будущий третий имам Дагестана и Чечни Шамиль. Этот эпизод широко известен и описан с большой долей достоверности многими авторами истории Кавказской войны. Имам Гази-Мухаммад был убит, а Шамиль, тяжело раненный, с еще одним защитником укрепления сумели спастись. В данном случае интерес представляют конкретные действия Гамзат-бека, стремящегося пробиться к осажденному имаму на выручку. Исследователь Кавказской войны А.А.Неверовский по этому поводу отмечает: «Несмотря на малочисленность подкрепления, Гамзат-бек спешил с ним на присоединение к Кази-мулле и 16 октября прибыл в селение Ирганай Койсубулинского (Аварского. – Авт.) общества. На другой день он выступил оттуда к Гимрам и остановился в двух верстах от них, на горе Наратов, с которой увидел русский отряд, штурмовавший главное укрепление...»³²⁹. Гамзат-бек расположился со своим отрядом у аула Ирганай, но он так и не вышел к месту сражения, хотя на его поддержку очень надеялся Гази-Мухаммад. Причиной того, что Гамзат-бек не пришел на выручку имаму Гази-Мухаммаду, некоторые авторы считают его трусость, нерешительность и далеко идущие личные и амбициозные планы – Гамзат-бек рассчитывал после смерти первого имама Дагестана взять власть в свои руки. Упомянутый уже неоднократно А.А.Неверовский считает, что Гамзат-бек «не осмелился

---

³²⁹ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 11.

спуститься в Гимринское ущелье и остался равнодушным зрителем в продолжение всего боя»³³⁰. В трусости и нерешительности будущего второго имама Дагестана обвиняли и некоторые другие исследователи. Так, Маклач свидетельствовал, что «Гамзат устрасился многочисленности русских и медлил спускаться в Гимры. В полночь пришел к нему из сел. Гимры эрпелинский житель по имени Атам и донес, что Кази-Мулла (первый имам Дагестана.- Авт.) убит на завале вместе с преданными ему 50-ю мюридами»³³¹. Несколько иной точки зрения придерживается известный историк-кавказовед, доктор исторических наук, профессор М.М.Блиев, который пишет, что для Гамзат-бека «смерть Кази-Муллы создавала реальную возможность присвоить высший духовный сан»³³². Здесь трудно возразить осетинскому историку-кавказоведу, который верно вычислил возможности Гамзат-бека после смерти первого имама Дагестана получить высший духовный сан. В то же время, трудно себе представить, что Гамзат-бек желал смерти Кази-Мулле. Скорее всего здесь были другие причины, до которых пока специалисты-исследователи не добрались. Более категорично высказывается доктор исторических наук, профессор МГИМО В.В.Дегоев, заявляя о «предательстве» Гамзат-бека, не пришедшего «на помощь осажденным в Гимрах»³³³. Анализ многих архивных документов, других солидных источников, а также историографии проблемы позволяют думать, что все-таки «предательство Гамзат-бека не было». Анализируя этот в высшей степени интересный вопрос Кавказской войны, известный специалист-кавказовед, московский профессор С.К. Бушуев вопрошает: «Почему Гамзат-бек задержался на горе Наратов, с которой виден был отряд русских, штурмовавший Гимры, где героически гибли мюриды под предводительством Гази-Мухаммада?»³³⁴. Ответа автор, который прекрасно

---

³³⁰ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов... – С. 11.

³³¹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 9.

³³² Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 251.

³³³ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 78.

³³⁴ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.–Л., 1939. – С. 80.

разбирался во многих вопросах Кавказской войны, не дает. Наверное у С.К.Бушуева были свои предположения, которые не были сформулированы.

О попытках Гамзат-бека пробиться к осажденному первому имаму Дагестана писал и профессор-кавказовед Н.И. Покровский, который подчеркивал: «Отряд Гамзат-бека, пытавшийся в это время действовать в тылу царских войск, был отбит»³³⁵. В принципе такое развитие событий могло иметь место, и если отряд Гамзат-бека действительно был отбит царскими войсками, то о предательстве или трусости его, разумеется, и речи не должно быть. Совершенно другую версию развития событий выдвигает наш современник доктор исторических наук, профессор Х.М.Доного, подчеркивающий, что «это было не предательство, а следствие умелой игры русской разведки, которая и раньше проводила провокационную работу, чтобы принизить авторитет имама среди народа и представить его деятельность губительной для горцев»³³⁶. Х.М.Доного, аргументируя свою версию, поясняет, что одним из методов ее работы было распространение посланий, написанных на арабском языке и сочиненных якобы Гази-Мухаммадом. «Они создавали противоречивые настроения среди горцев, которые не должны были заподозрить подлог. И здесь Гамзат, скорее всего, был введен в заблуждение искусно подделанным посланием, в связи с чем, воздержался от прихода к месту боевых действий в Гимринское ущелье»³³⁷. О таких фальшивках упоминал в свое время и профессор Ф. Боденштедт³³⁸. Все это свидетельствует о сложности и противоречивости вопроса, где очень сложно докопаться до исторической истины. Из всех версий более близкой к истине нам представляется мнение профессора Х.М.Доного. Более логичной и правдоподобной считаем, что предательство и надежда заполучить имамский статус в Дагестане в случае смерти первого имама Дагестана Гази-Мухаммада не являлось первопричиной нерешительности, а тем более

---

³³⁵ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 301.

³³⁶ Доного Х.М. Сверкающий газават... – С. 142.

³³⁷ Доного Х.М. Сверкающий газават... – С. 142.

³³⁸ Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала: Фонд Шамиля, 1996. – С. 37.

трусости Гамзат-бека. О предательстве Гази-Мухаммада, по моему убеждению, и речи не должно быть. Сила религиозных чувств, общее дело народно-освободительной борьбы, личная дружба и некоторые другие достоинства характера не позволили бы Гамзат-беку предать первого имама Дагестана.

По свидетельству Маклача, получив сведения о гибели имама Гази-Мухаммада, Гамзат-бек «стал оплакивать смерть Кази-муллы (Гази-Мухаммада. – Авт.), притворился на несколько минут объатым какою-то летаргиею, и потом, очнувшись, обратился к окружающим с следующей речью, как будто внушенною ему свыше: «Кази-мулла не умер! Он святой, он в раю, и прелестные гурии услаждают новую жизнь его. Из вас, правоверные мусульмане, может всякий быть вместе с ним, если будет следовать его примеру; он свято исполнял тарикат, первый объявил газават против русских и умер с теплою за вас молитвой, умер с оружием в руках, защищая родину – он святой!»³³⁹. Такая речь, на наш взгляд, свидетельствует о большой доле артистизма, без которой трудно было стать духовным руководителем коренных народов Дагестана. Представляется, что речь Гамзат-бека произвела немалое впечатление на окружавших его горцев, готовых продолжать дело первого имама Дагестана и после его смерти.

«Знаете ли вы, – продолжал Гамзат-бек, – что Кази-мулла и в небе не оставит нас, он будет вместе с нами действовать против русских, если не прекратим газават и будем следовать учению святого тариката. Правоверные! Мы не видим его, но он будет показываться гяурам во время сражения, на белом коне в зеленых одеждах; все горцы, погибшие с ним, окружают его в белых одеждах, на белых конях. Кази-мулла станет врываться в ряды русских, меч его будет сокрушителен, и русские, объятые ужасом, будут искать спасения в бегстве»³⁴⁰. Русский исследователь Кавказской войны А.А. Неверовский подчеркивал, что в день гибели имама - 18 октября 1832 г.

---

³³⁹ Гамзат-бек – второй имам... – С. 9.

³⁴⁰ Гамзат-бек – второй имам... – С. 10.

отряды Гамзат-бека имели короткий бой с русскими частями, атаковавшими его на горе Наратов, «однако к вечеру они принуждены были отступить в селение Ирганай, откуда и удалились в Новый Гоцатль»³⁴¹. В тот же день русские войска вошли в селение Гимры, а на следующий день жители, до этого переселившиеся в другие селения или скрывшиеся в горах, постепенно возвратились в родное село.

Выводы по второй главе

1. Идея о газавате настолько захватила Гамзат-бека, что он с энтузиазмом поддержал первого имама Дагестана Гази-Мухаммада. Прибыв в Джаро-Белоканы, Гамзат-бек располагал «идеальной» обстановкой, чтобы развернуть войну с российским командованием, а заодно и участвовать в движении мюридизма. Однако он явно тяготел к политическому эгоцентризму. Не замечая «общенародных» интересов, плохо скрывая собственные амбициозные цели, Гамзат-бек слишком открыто и прямолинейно добивался осуществления договорного положения. Подобная прямолинейность была его основной характерной чертой. Так, стоило имаму Гази-Мухаммаду предложить Гамзат-беку самостоятельно решать вопросы организации мюридистского движения на юге Дагестана, как он «с радостью принял предложение, так как роль отдельного начальника более согласовалась с его характером, чуждым зависимости».

2. Гамзат-бек поступал исключительно как военачальник, нацеленный на захват «жизненного пространства». Заранее наметив объект для экспансии, он особо не обременял себя необходимостью вести идеолого-мюридистскую работу с населением, которое он думал превратить в подвластное. Более того, Гамзат-бек не проявлял доверия к жителям Дагестана. Это не замедлило сказаться не только на военных, но и на

---

³⁴¹ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С.12.

политико-идеологических итогах действий Гамзат-бека и его большого ополчения.

3. Потерпев поражение, Гамзат-бек, в отличие от Кази-Муллы, пустившего глубокие корни в «вольных» обществах Дагестана, ничего после себя не оставил. Гибель же первого имама Дагестана Гази-Мухаммада негативно отразилась на народно-освободительной борьбе коренных народов Дагестана, поскольку, не имея авторитетного и признанного лидера, она могла прекратиться.

ГЛАВА III. ИЗБРАНИЕ ГАМЗАТ-БЕКА ВТОРЫМ ИМАМОМ И УСИЛЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ДАГЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XIX В.

§1. Попытка создания на территории Дагестана мусульманско-теократического государства-имамата

Гибель первого имама Дагестана Гази-Мухаммада, являвшегося убежденным борцом за веру, талантливым руководителем народно-освободительного движения коренных народов Дагестана, представлявшего собой «классический образец имама-газия»³⁴², явилась огромной потерей для народно-освободительной борьбы горцев. Возникла опасная ситуация, когда движение осталось без руководителя, что могло означать постепенный спад движения. Шейх Мухаммад аль-Яраги, понимая, что время сейчас работало на противника, пытался найти выход из создавшегося положения. Выход заключался в выборе и назначении преемника погибшего первого имама Дагестана. В этой связи необходимо напомнить, что ряд авторов считает, что Гамзат-бек практически самовольно объявил себя имамом. Например, профессор МГУ С.К.Бушуев, описывая сцену выборов имама, приводит слова Абдурахмана Газикумухского, что по этому поводу «раздалось несколько противоречащих голосов. В толпе старшин послышался ропот. Не давая времени слиться в один голос нерешительному шепоту между собой правоверных, Гамзат-бек дал знак рукою к молчанию и величаво и решительно сказал: «Мусульмане, вижу, что вера начала ослабевать в вас; мой долг, долг имама, велит мне навести вас на тот путь, с которого вы сокрушились. Я требую от вас повиновения, или Гамзат-бек принудит вас повиноваться силою оружия»³⁴³. Необходимо пояснить, стал ли Гамзат-бек

³⁴² Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 199.

³⁴³ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 80.

второй имамом Дагестана легитимно или же он стал духовным руководителем в результате каких-то тайных договоренностей с какими-то мифическими муллами. Вопрос этот достаточно серьезный и требует логичного ответа. Каким бы храбрым и авторитетным ни был Гамзат-бек среди дагестанского населения, он никак не мог самовольно объявить себя имамом Дагестана, поскольку жив был духовный глава движения шейх Мухаммад аль-Яраги. И только он мог официально назначить следующего, второго имама Дагестана. Возможно, самым достойным из претендентов на пост второго имама был Шамиль, поскольку он считался близким к покойному первому имаму Гази-Мухаммаду, был храбрым и уважаемым в народе. Исследователь истории Кавказской войны Ш.Ю.Пашаева подчеркивает: «Именно в этом мужественном человеке (Гамзат-беке. – Авт.) чувствует аль-Яраги наиболее возможного преемника на пост имама»³⁴⁴. Но в тот момент пока еще никто не знал, жив ли он, поскольку Шамиль вместе с первым имамом Дагестана держал оборону в укреплении на подступах к Гимры, в котором почти все защитники погибли. На самом деле тяжело раненному Шамилю удалось вырваться из окружения и с помощью одного сподвижника добраться до Унцукуля, где жил его тесть – лекарь Абдул-Азис, оказавший ему медицинскую помощь. Почти три месяца Шамиль был прикован к постели и по существу оказался не у дел. Перед шейхом встала острая проблема найти преемника Гази-Мухаммаду и назначить нового имама, и выбор пал на Гамзат-бека. Мы допускаем некоторую самостоятельность и настойчивость со стороны последнего, который, «не теряя ни одного удобного случая для приобретения власти»³⁴⁵, предвидя внутридагестанскую политическую борьбу, начал свою деятельность по присвоению духовного «сана». Возможно, он был прав в тот момент, понимая, что необходимо срочно подхватить упавшее знамя народно-освободительной борьбы в то время, когда среди коренных народов Дагестана царило уныние в связи со смертью

---

³⁴⁴ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 199.

³⁴⁵ Прушановский К.И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского // КС. – 1902. – Т. XXIII. – С. 1.

имама Гази-Мухаммада. По свидетельству Маклача, Гамзат-бек поехал для совещания в дагестанское селение Балахани, где «жил главный мюрид Кази-муллы Магомед-мулла, пользовавшийся в окрестных горах уважением за храбрость и ученость»³⁴⁶. Здесь автор ошибается, т.к. упоминаемый Маклачем мулла был не мюридом Кази-муллы, а известным шейхом Дагестана Мухаммадом аль-Яраги, проживавшим в то время в аварском ауле Балахани. Он покинул свои родные места в Южном Дагестане, спасаясь от преследования русских властей. Подобная неточность присутствует и у А.А.Неверовского³⁴⁷.

Факт проживания в Балахани шейха аль-Яраги не подлежит сомнению. По заключению исследователя М.-Н. Ибрагимова, занимавшегося историей данного аула, этот факт убедительно доказан. Инициатором переселения сюда шейха был первый имам Дагестана Гази-Мухаммад, породнившийся с шейхом, женившись на его дочери. М.-Н. Ибрагимов по этому поводу отмечает: «Имам Гази-Мухаммад по достоинству оценил общественно-политическое спокойствие, благоприятный религиозный фон, надежность сторонников своих реформ, гостеприимство жителей и выгодное географическое месторасположение селения Балахани»³⁴⁸. Скорее всего, по приглашению шейха Гамзат-бек отправился к нему, где на совещании была обсуждена его кандидатура на имамство и составлено «воззвание Гамзат-бека ко всем дагестанским муллам и почетным жителям, которых он приглашал собраться в селении Корода, андалалского (аварского. – Авт.) общества, где обещал объявить им весьма важное обстоятельство»³⁴⁹. Несколько иначе представляет ситуацию Хайдарбек Геничутлинский, поясняя, что «мулла Магомед (Ярагский) после гимринского дела отправился к Гамзат-беку в Ирганай и благословил его преемником Кази-Магомеда (первого имама Дагестана. – Авт.)»³⁵⁰. Подобную версию высказывает и

---

³⁴⁶ Гамзат-бек – второй имам... – С. 10.

³⁴⁷ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 12.

³⁴⁸ Ибрагимов М.-Н.А. Муса Балаханский. – Махачкала, 2009. – С. 53.

³⁴⁹ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 12.

³⁵⁰ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 67.

Ф. Боденштедт³⁵¹, причем подчеркивает, что посвящение нового имама производил сам шейх Мухаммад аль-Яраги.

Об избрании вторым имамом Дагестана Гамзат-бека в Гоцатле говорит Гаджи-Али Чохский³⁵². Русский исследователь истории Кавказской войны П. Кублицкий в своем исследовании указывает на «деревню Гуджак»³⁵³, где происходило избрание второго имама Дагестана. Однако такого аула в Дагестане не существует, а, скорее всего, это искаженное «Хуцали» - так звучит селение Гоцатль на аварском языке.

Более поздние авторы³⁵⁴ склонны считать местом избрания имамом Гамзат-бека аул Корода. В результате становится ясным одно: обстановка избрания имама не ясна, и сведения об этом разноречивы. Но все источники едины в том, что избирался имам каким-то особым собранием, по свидетельству аль-Карахи – это народное собрание и «совет ученых»³⁵⁵. Поскольку никаких записей решений на этом собрании не велось, о содержании выступлений можно судить только по данным, отразившимся в официальной переписке, а также по воспоминаниям некоторых участников собрания, дошедшим до нас. Например, Маклач сообщает, что некоторая часть участников собрания была недовольна избранием Гамзат-бека, но вынуждена была уступить под угрозой нового имама и его ближайшего окружения. Слова Маклача подтверждает и А.Зиссерман: «В числе мюридов были двое, более приближенные к Кази-Мулле: Шамиль и Гамзат-бек. При выборе имама партии разделились между этими двумя лицами»³⁵⁶. Но Шамиль, который лежал тяжело раненный в Унцукуле, «имел менее приверженцев и менее материальных средств; а второй, как чанка аварского ханского дома и богатый человек, был более известен и употреблял, кажется,

---

³⁵¹ Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала, 1996. – С. 37.

³⁵² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

³⁵³ Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. ... – С. 327.

³⁵⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 304; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 251 и др.

³⁵⁵ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Три имама... – С. 70.

³⁵⁶ Зиссерман А. Свидание генерала Клюки фон Клюгенау с Шамилем в 1837 г. // Кавказ. – 1861. – № 87. – С. 2.

более усилий расположить к себе толпу»³⁵⁷. В заключение А.Зиссерман отмечает, что Гамзат-бек «восторжествовал и был провозглашен имамом, а Шамиль уступил народному выбору, принял смиренную роль приближенного мюрида при новом имаме»³⁵⁸. Следует подчеркнуть, что Шамиль вовсе не стремился к власти, даже тогда, когда в 1834 г. Гамзат-бек был убит и начались выборы третьего имама Дагестана и Чечни, при которых все единодушно призывали Шамиля возглавить народно-освободительную борьбу, при этом последний два раза отказывался и лишь после третьего раза дал свое согласие. Об этом, в частности, сообщает аль-Карахи³⁵⁹. Продолжая анализировать проблему избрания второго имама Дагестана, необходимо подчеркнуть, что выборы имама состоялись легитимно и на должном уровне, несмотря на недовольство некоторых участников собрания. Кандидатуру Гамзат-бека выдвинул шейх Мухаммад аль-Яраги, и положительный, законный исход мероприятия не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют практически все местные авторы. Так, Мухаммад Тахир аль-Карахи писал: «Когда Гази-Мухаммад пал мучеником за веру, ученые, а также видные люди назначили на его место халифом Хамзата (Гамзат-бека. – Авт.)»³⁶⁰. Примерно в таком же ракурсе писал авторитетный Хайдарбек Геничутлинский, который подчеркивал: «С согласия авторитетных и влиятельных койсубулинцев (аварцев. – Авт.) – знатоков шариата, а также людей, согласных с ними по вопросу путей оказания помощи мусульманской религии, имамом стал знаменитый аристократ и храбрец Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) Гоцатлинский, сын Алискандар-бека, которому дана была присяга...»³⁶¹. А участник Кавказской войны Гаджи-Али Чохский свидетельствовал, что «по смерти Гази-Мухаммада (первого имама Дагестана. – Авт.) собрались сподвижники его, мюриды и приближенные. Ученые и другие лица избрали Гамзат-бека, сына Али-Эскендер бека

---

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... Т. 1. – С. 46.

³⁶⁰ Там же. – С. 40.

³⁶¹ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 67.

гоцатлинского имамом, это было в Гоцатле, 1251 года месяца Рамазана»³⁶². Здесь необходимо обратить внимание на ошибку автора, т.к. 1251 год по хиджре соответствует 1835/1836 гг., тогда как Гамзат-бек, был избран вторым имамом Дагестана в 1833 г., т.е. в 1248 г. х.

Так же четко приводит данные в своем труде другой участник Кавказской войны Абдурахман Газикумухский, который писал: «После того, как Гази-Мухаммад (первый имам Дагестана. – Авт.) пал мучеником за веру, народ присягнул ему на имамство. Он был из эмиров, знатного происхождения, авторитетным среди людей, храбрым, разумным, предприимчивым, прозорливым, проницательным. Он стал последователем Гази-Мухаммада и начал исполнять законы шариата в Дагестане»³⁶³. Таким образом, мы располагаем достаточно большим количеством свидетельств избрания имамом Дагестана Гамзат-бека. Более того, некоторые авторы свидетельствуют не только легитимный характер избрания имама, но и некоторые внешние черты Гамзат-бека. Так, К.И. Прушановский характеризует внешность вновь избранного имама, подчеркивая, что «Гамзат-бек был приятной наружности; черты лица были благородные; осанка величавая; почти всегда был молчалив»³⁶⁴. Итак, Гамзат-бек был провозглашен имамом Дагестана и должен был продолжить дело первого имама Кази-Муллы. Однако не все присутствовавшие на собрании были довольны избранием Гамзат-бека, но таких было меньшинство. Новоиспеченный второй имам Дагестана в момент избрания его на высокий духовный пост решил показать твердость духа, силу воли и решительность, когда произносил свои грозные слова: «Мусульмане! Вижу, что в вас начала ослабевать вера. Мой долг, долг имама, велит мне навести вас на тот путь, с которого вы совратились. Я требую от вас повиновения, или Гамзат-бек принудит вас повиноваться силою оружия»³⁶⁵. Грозный вид Гамзат-бека, сжимавшего эфес шашки, а также мюриды, окружавшие его, смутили

³⁶² Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

³⁶³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... – С. 39.

³⁶⁴ Прушановский. Выписка из путевого журнала... – С. 22.

³⁶⁵ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 13.

сомневающих на собрании. Ни один голос больше не раздался против, и имам покинул собрание. Возможно, картина некоторого недовольства отдельных присутствующих на собрании и подавление недовольных, представленная А.А.Неверовским, выглядела примерно так. По крайней мере, логика поведения Гамзат-бека и до избрания и в последующее время свидетельствует об этом. Завершая анализ сложных и в определенном смысле противоречивых выборов второго имама Дагестана, необходимо сделать следующие выводы. Назначая имамом Гамзат-бека, шейх аль-Яраги возвышает в борьбе горцев Дагестана смелого и отважного человека, который, несмотря на свою популярность, все-таки относился к бекскому сословию. Однако дальнейшая деятельность «бекского» имама несколько проясняет стратегическую цель, которую преследует народно-освободительное движение горцев Дагестана, а именно – создание крепкого союза народа, бедноты и феодалов. В этой связи представляется интересным мнение исследователя истории Кавказской войны Ш.Ю. Пашаевой, которая пишет: «Вероятнее всего, аль-Яраги вынужденно пошел на этот шаг – назначение представителя знати имамом движения, которое заявило себя поборником интересов бедноты и обещавшего народу ликвидацию всякой эксплуатации. Муршид осознавал, что при таких принципах мюридизма удержать в движении бекское сословие и использовать его в общенациональных целях будет очень сложно»³⁶⁶. Другими словами, стратегическое мышление шейха заключалось в том, чтобы дать бекскому сословию некую видимую гарантию соблюдения его интересов. Подобной гарантией мог служить имам – аристократ, являющийся в то же время более поборником народно-освободительного движения, нежели защитником бекских узкоклассовых интересов. Сей вынужденный политический компромисс, представленный шейхом в критический момент, дабы сохранить единство движения, был актуален на тот момент. Логика изложения фактов Ш.Ю.Пашаевой нам представляется достаточно

---

³⁶⁶ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 200.

правдоподобной. Она подчеркивает: «В противном случае, отход широких бекских слоев мог ослабить мюридизм и сделать его уязвимым. Учитывая опыт предыдущих антиколониальных выступлений горцев, когда раскол и отход от восстания того или другого класса обрекал движение на распад, поспешность избрания второго имама помогла избежать подобного в мюридизме»³⁶⁷. Разумеется, в этой сложной и противоречивой ситуации остаются до сих пор немало спорных вопросов и недостаточно ясных обстоятельств. Например, было ли провозглашение Гамзат-бека имамом результатом стремления бекских слоев выдвинуть из своих рядов политического лидера народно-освободительного движения, т.е. пошел ли шейх Ярагский на поводу у беков? Или же данное провозглашение есть сугубо личное повеление аль-Яраги? Поскольку после гибели первого имама Дагестана Гази-Мухаммада внутри народно-освободительного движения обнажились серьезные разногласия между знатью и узденством, избрание Гамзат-бека должно было утихомирить страсти первых и примирить вторых. Это понимал и будущий третий имам Дагестана и Чечни Шамиль, постепенно оправляясь от раны и следя за развитием событий в Дагестане. Будучи узденем и ревностным сторонником движения, он понимал всю опасность разногласий на данном этапе, а поэтому, зная, что его слово является далеко не последним среди горцев Дагестана, обращается к ним с воззванием: «...Урусы торжествуют; Гимра взята, имама нашего более нет. Для поддержания ислама нужно единодушие. Кто бы ни был предводителем мюридов – внушите народу повиноваться ему покуда; да не будут наши горцы подобны собакам... да не грызутся они из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными»³⁶⁸.

Новая цель в народно-освободительном движении после избрания имамом Гамзат-бека заключалась в объединении всего населения и привлечении группы аварских и других беков Дагестана к активному

---

³⁶⁷ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 200.

³⁶⁸ Казем-Бек М. Муридизм и Шамиль // Русское слово. – 1859. – № 12. – С. 215.

участию в народно-освободительной борьбе. Возвратившись в Гоцатль уже в роли второго имама Дагестана, Гамзат-бек, как гласят народные предания, начал свое дело с удара шашкой по памятнику на могиле своего отца, за то, что камень выделялся среди других своими размерами и богатым оформлением. Понятно, что этим поступком имам картинно желал показать суть своих будущих действий, сводящихся к достижению равенства всех горцев различных сословий. Вступив на должность имама, Гамзат-бек располагал сравнительно небольшой сферой влияния и незначительными военными силами. «Власть его, – писал Гаджи-Али, – сначала признали только Гоцатль, Ашильта, Гимры, Телетль и Могог»³⁶⁹. Военные силы также были незначительны, в основном остатки ополчения предыдущего имама и этими силами, конечно, Гамзат-бек не мог быть доволен. Поэтому первоочередной поставленной им задачей являлось расширение сферы влияния, с тем чтобы подвластное население в нужный момент было готово сформировать вооруженное ополчение. Немаловажной являлась финансовая проблема, которая вскоре была разрешена частично. Имам получил письмо от матери Гази-Мухаммада, которая поздравляла его с избранием в имамы и сообщала, что при жизни своей ее сын сделал распоряжение – в случае его смерти общественные деньги, собранные на военные действия, передать Гамзат-беку³⁷⁰. Женщина просила прислать к ней людей в аул Чирката, где она в это время проживала, для доставки казны в Гоцатль.

Гамзат-бек был рад этому известию, т.к. нуждался в средствах для ведения борьбы, но в доставлении денег встретилось затруднение. Дорога в Чирката проходила через Бетлинскую гору, на которой располагались пикеты унцукульцев (дагестанцев), бывших на стороне русских, и обойти их не было никакой возможности. Гамзат-бек пошел на хитрость, «он отправил в Чирката несколько женщин и своего казначея по имени Маклач»³⁷¹. Последний получил от матери Гази-Мухаммада золотые и серебряные

---

³⁶⁹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле ... – С. 26.

³⁷⁰ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 11.

³⁷¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 12.

изделия и 19 тыс. рублей серебром³⁷², положил их на дно кувшинов и залил виноградным вином. На Бетлинской горе унцукульцы, проверив содержимое кувшинов, пропустили транспорт, и таким образом казна была доставлена имаму Гамзату. Получив значительные средства, можно было предпринимать действия, и Гамзат-бек принялся за организационную работу, разъезжая по аулам с проповедями об укреплении шариата. Гаджи-Али, подчеркивая достоинство и характерные черты второго имама Дагестана, писал: «Он был учен и умен, в Дагестане никто не мог соперничать с ним в храбрости», он употреблял все усилия, чтобы «подчинить горцев своей власти и установить правильное управление. Однако прочие дагестанцы не признали его власти и объявили ему войну»³⁷³. К этому следует добавить, что непростую ситуацию в начальный период деятельности Гамзат-бека описывает и Абдурахман Газикумухский: «Сначала Гамзат-бек стремился мобилизовывать горцев, привлекая их на истинный путь. Во время его имамства люди разделились на две группы: одна – подчинилась и следовала ему, другая – противилась ему, враждовала и боролась против него»³⁷⁴. Из этих обстоятельств можно сделать вывод о том, что у Гамзат-бека была серьезная оппозиция внутри Дагестана. Он встречался с серьезным сопротивлением некоторых дагестанских сел, с которыми приходилось бороться, иногда даже совершая преступления.

Став имамом Дагестана, Гамзат-бек привнес в военную организацию горцев Дагестана, а также в область политических идей, связанных с ведением войны против русских, своеобразный стиль. Не являясь, как его предшественник, «политичным», он излагая основные задачи борьбы, был прямолинейным, прагматиком, который представлял основную цель как утверждение сильной власти имама. Известный российский историк-кавказовед, профессор М.М.Блиев, на мой взгляд, верно подметил, когда подчеркивает: «Что касается самой войны, войны не только с Россией, но и со всеми «неверными», то она для него служила лишь средством. Впрочем,

---

³⁷² Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля ... – С. 80.

³⁷³ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

³⁷⁴ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... – С. 39.

так же смотрел на войну и его предшественник, но в отличие от него Гамзат-бек не прибегал к тому политическому антуражу, с помощью которого прикрывалась основная задача войны – создание государственности»³⁷⁵. Новый имам Дагестана хорошо осознавал силу своего главного противника – российского командования на Кавказе, и по отношению к нему действовал осмотрительно. Призывая население горного Дагестана к газавату, Гамзат-бек вместе с тем нередко вступал в переговоры с российскими властями на Кавказе, предлагая им мирное соглашение. С началом своей политической деятельности в роли имама Дагестана он лишь на словах был за войну с русскими. На деле же старался избегать вооруженных столкновений. Кроме того, он пытался установить с российским командованием на Кавказе отношения, которые создали бы ему благоприятные условия для укрепления своего влияния и власти в Дагестане. С этой целью Гамзат-бек через гимринцев (дагестанцев) вступил в переговоры с русским генералом Гофманом и сообщил ему о своем желании покориться России и сделаться на будущее время верным слугой³⁷⁶. Во время этих переговоров имам настойчиво пытался предложить русскому командованию мирную дипломатию. Так, в одном из писем тому же генералу Гофману Гамзат-бек извещал: «Собрал все общество... и мы, посоветовавшись, изъявили согласие на примирение с вами с тем, чтобы оно не принесло вреда шариату нашему»³⁷⁷. Не менее миролюбивым являлось другое письмо Гамзат-бека, адресованное также русскому генералу Каханову: «Повинуюсь вам, и что ни прикажете, постараюсь исполнить. Должна быть пощада во всем, подобно мне, незначашему человеку. А потому прошу вас исходатайствовать мне у государя прощение за прежние происшествия. И вы также пощадите меня»³⁷⁸. Эти откровения Гамзат-бека перед русским генералом свидетельствуют о многом, в частности, о большой доли лицемерия, желании «сблизиться» с русским командованием на Кавказе, двойных стандартах, к

³⁷⁵ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа... – С. 252.

³⁷⁶ Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. ... – С. 132.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Там же. – С. 133.

которым он прибегал, в отличие от первого имама Дагестана Гази-Мухаммада.

Зная о призывах к войне с Российской империей через лазутчиков, российское командование на Кавказе, разумеется, не доверяло Гамзат-беку. Уже в начале января 1833 г. оно получило сведения об антироссийской пропаганде имама Дагестана³⁷⁹. На тот период в горном Дагестане у Гамзат-бека не было ни необходимой политической поддержки, ни реальной вооруженной силы. Лишь поэтому он избегал военных столкновений с русскими войсками. В то же время необходимо подчеркнуть, что российская военная администрация Кавказа, вопреки своим сомнениям, вела политику невмешательства и поддерживала мирные инициативы второго имама Дагестана. Известный профессор-кавказовед М.М.Блиев прав, по моему убеждению, когда пишет: «При этом она (военная администрация Российской империи на Кавказе. – Авт.) исходила из того, что Гамзат-бек, возможно, не будет так агрессивен, как его предшественник, и стремилась не провоцировать открытое антироссийское вооруженное выступление»³⁸⁰.

Имама Дагестана вполне устраивала создававшаяся ситуация, позволявшая ему заняться главной задачей – вовлечением «вольных» обществ в орбиту мюридизма. Гамзат-бек со своими сподвижниками «вначале обошел селения и города, давая наставления, проповедуя, отдавая приказы и устанавливая запреты»³⁸¹. По всей видимости, проповедческая деятельность Гамзат-бека не дала ощутимых успехов, поэтому он начинает действовать силовыми методами.

В десятых числах августа 1833 г. Гамзат-бек после нескольких дней осады взял Ирганай, где «отца и сына жители изрубили» за то, что те не хотели признать власть имама, а «все сопротивлявшиеся дома были

---

³⁷⁹ Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 26 октября 1832 г. № 306 // АКАК. – Т. VIII. – С. 567.

³⁸⁰ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа .... – С. 254.

³⁸¹ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 40.

разграблены»³⁸². Это сообщение подтверждается и летописцем аль-Карахи, свидетельствующим, что Гамзат-бек «убил тамошних мунафиков (исламский термин, которым обозначают лицемера. Мунафик внешне показывает себя набожным мусульманином, но не является верующим. – Авт.) и сам осел там. С разных сторон к Гамзат-беку группами пришли люди, и затем он вместе с Шамилем двинулся к Унцукулю»³⁸³. Оправившись от тяжелой раны в боевых действиях, в народно-освободительном движении начинает принимать участие Шамиль, который становится верным последователем своего имама, выполняя все его распоряжения, набирая войско и заботясь о продовольствии и военном снаряжении. Здесь необходимо отметить важный момент, касающийся взаимоотношений Гамзат-бека с койсубулинцами (дагестанцами). Против дагестанского селения Унцукуль был сформирован значительный отряд воинственных горцев. Не доезжая до селения, вперед продвинулись пятнадцать мюридов во главе с Шамилем, которых встретили готовые к бою унцукульцы. Однако, вместо того, чтобы биться с мюридами, унцукульцы попросили Шамиля не мешать им сражаться с Гамзат-беком, на что получили отказ. Непродолжительные переговоры закончились уплатой аулом контрибуции оружием, и Шамиль вернулся к Гамзат-беку, когда тот был еще далек от цели своего похода³⁸⁴. Сказанное в общих чертах подтверждает летописец аль-Карахи: «Гамзат остановился вдали от Унцукуля. Шамиль же со своими сподвижниками ворвался в молельню унцукульцев, расположенную у селения. Шамиля унцукульцы вызвали в селение, объясняя, что они выполняют то, что им будет приказано. Кебед-Хаджияв передал ему с крыши молельни сообщение, что с их стороны в этом есть хитрость. Поэтому Шамиль не давал ответа до тех пор, пока унцукульцы не передали залог Гамзат-беку, который он требовал. Наконец, унцукульцы вынуждены были подчиниться, но только после того, как мюриды не вступили чуть было с ним в бой. С них был взят залог стоимостью в

³⁸² Выписка из журнала, веденного рядовым б. 43 Егерского полка Станиславом Брановским во время нахождения его в бегах у горцев // РГВИА (Санкт-Петербург). Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834–1835 гг. Л. 14.

³⁸³ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 40.

³⁸⁴ Руновский А.И. Шамиль // Кавказский календарь за 1861 г. – Тифлис, 1860. – С. 26.

шестьдесят туманов»³⁸⁵. Несмотря на некоторую нестыковку и противоречия в вышеприведенных свидетельствах, видно, что Гамзат-бек предпочел послать в Унцукуль именно Шамиля, койсубулинца (дагестанца-аварца), считая в данном случае его вмешательство более эффективным. Это был верный шаг дагестанского имама. Унцукульцы заявили, что согласны иметь дело только с Шамилем, последний склонен им верить. Советский историк-кавказовед, профессор Н.И. Покровский подчеркивал: «Унцукульский случай указывает на непопулярность «бекского» имама в узденской среде «вольных» аулов. И нужно думать, что немалую роль в этой непопулярности сыграла близость Гамзат-бека к ханам...»³⁸⁶. Шамиль, понимавший, что в основе народно-освободительного движения лежит ненависть горцев к феодальной эксплуатации, усилившейся после прихода в Дагестан царских войск, как койсубулинец (дагестанец-аварец), лучше Гамзат-бека понимал характер этого движения. Но влияние будущего третьего имама Дагестана и Чечни в окружении Гамзат-бека, которое «терпело» Шамиля лишь благодаря его большому авторитету среди верхушки узденей Дагестана, было ограничено в то время. Шамиль был бессилён исправить те ошибки и недочеты, на которые он, по словам А.И. Руновского³⁸⁷, указывал второму имаму Дагестана. Говоря о ближайшем окружении Гамзат-бека, нужно отметить присутствие в нем беглых русских солдат. О наличии некоего личного русского отряда у имама повествуют многие авторы, но все они, как правило, цитируют К. Прушановского, чей труд можно назвать первоисточником в освещении этого вопроса. К. Прушановский пишет, что Гамзат-бек «набирал мюридов, дал при себе убежище русским беглым солдатам, из коих составил роту своих телохранителей; обмундировал и вооружил их подобно нашей пехоте. Эта рота постоянно содержала караул при его доме, а в поле – при его стоянке, которым доверял он более, нежели мусульманам, кроме того, принял к себе одного из беглых разжалованных

---

³⁸⁵ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шаек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 40.

³⁸⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 314.

³⁸⁷ Дневник полковника А.И. Руновского // АКАК. – 1904. – Т. XII. – С. 1499.

офицеров»³⁸⁸, сумевшего снискать его расположение и доверенность до того, что он был во многом первым советником главы мюридов. В данном случае вызывает некоторое сомнение количество беглых солдат (из которых, как пишет К. Прушановский, была организована рота) в начальный этап Кавказской войны именно в Дагестане. Ведь обращение горцев Дагестана и Чечни с русскими дезертирами в 1830-х годах было далеко не дружественным. Например, в рапорте начальника левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского генерал-лейтенанту Граббе о мерах предотвращения дезертирства нижних чинов от 9 января 1842 г. говорилось, что раньше, до прихода к власти Шамиля, «дурное обращение чеченцев с нашими военными дезертирами удерживало многих неблагонадежных солдат и в особенности поляков от побегов...»³⁸⁹. Анализ документов и фактов начального периода Кавказской войны убеждает в том, что в 1842 г. Ольшевский был озабочен проблемой дезертирства нижних чинов, которые бежали уже к Шамилю, спасаясь от палочной дисциплины в николаевской армии или по каким-то другим причинам, поскольку последний «постановил давать свободу всем военным дезертирам»³⁹⁰. «Но если теперь, – пишет Ольшевский, – они узнают, что Шамиль дает свободу дезертирам, то я боюсь, что побеги увеличатся»³⁹¹. Вопрос многих русских перебежчиков в начальный этап народно-освободительной борьбы горцев недостаточно выяснен, и требует, по моему убеждению, более глубокого анализа с привлечением новых архивных данных. А здесь необходимо отметить, что, по словам самого К.Прушановского, данные о беглых русских солдатах в окружении Гамзат-бека почерпнуты им из записок некоего поляка Станислава Брановского, служившего в Российской Императорской армии, который, как выясняется, бежал в горы Дагестана в июле 1833 г., пробравшись затем к Гамзат-беку в Гоцатль. «Все записки его, – пишет

---

³⁸⁸ Прушановский К.И. Выписка из путевого журнала Генерального штаба капитана Прушановского с 1823 по 1843 год // КС. Т. XXIII. – Тифлис, 1902. – С. 22.

³⁸⁹ ЦГИА РГ. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 33. Л. 1.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же.

Прушановский, – веденные им во время нахождения при Гамзат-беке, хранятся в архиве командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории»³⁹². Заметим и то, что упоминаемые «Выписки из журнала Станислава Брановского», находившиеся в 1930-х гг. в Ленинградском центральном военно-историческом архиве, использовал в своих исследованиях профессор-кавказовед Н.И. Покровский. Вернее, не сами «Выписки...», а их перевод с польского языка. Местонахождение самого журнала неизвестно. С.Брановский упоминает о «какой-то почетной гвардии из дезертиров, якобы окружавшей второго имама»³⁹³. Данное свидетельство заслуживает внимания, поскольку тот же Ольшевский писал, «что в экспедиции за Кубанью в 1834 г. чрезвычайно много бежало поляков...»³⁹⁴. При этом факт наличия русских солдат в окружении Гамзат-бека косвенно может подтвердить и то, что впоследствии имам Шамиль также сформировал военное подразделение, составленное из русских беглецов. Еще в 50-х годах XIX в. Варнер писал о «специальном батальоне, составленном из русских и польских дезертиров; это, несомненно, обломок почетной гвардии, сформированной Гамзат-беком»³⁹⁵. Согласимся с Н.И. Покровским по поводу того, что «армия Гамзат-бека не имела, по-видимому, устойчивой военной организации»³⁹⁶, но считаем, что наличие некоторой группы перебежчиков из русской армии в среде горцев Дагестана и Чечни, и, в частности, в окружении имама Гамзат-бека, подтверждается фактами. Доказательством этому могут служить записки современника Станислава Брановского.

В конце августа 1833 г. с отрядом в 300 бойцов Гамзат-бек «бросился на Андалал (где жили дагестанцы-аварцы. - Авт.), убив в сражении 140 человек, подчинил это общество своей власти»³⁹⁷. Некоторые современники считали, что подобный серьезный военный успех был достигнут благодаря «богатой казне», доставшейся от Гази-Мухаммада. По свидетельству Маклача,

³⁹² Прушановский К.И. Выписка из путевого журнала... – С. 22.

³⁹³ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 308.

³⁹⁴ ЦГИА РГ. Ф. 1083. Оп. 6. Д. 33. Л. 1.

³⁹⁵ Warner. Shamil, le prophete du Caucase. – P., 1854. – 105 p.

³⁹⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 308.

³⁹⁷ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

получив эту сумму, Гамзат-бек «имел средства начать войну. С помощью денег он набрал новых сподвижников. На его возвания собирались последователи и вскоре он стал повелителем большоо войска»³⁹⁸. Данный факт заслуживает внимания, но необходимо отметить и возвышенный настрой в деятельности Гамзат-бека, благодаря авторитету которого дела его начинали идти по восходящей.

С 21 по 25 августа 1833 г. под селением Аракани, где проживали дагестанцы-аварцы, происходят бои с шамхалом Тарковским, Ахмет-ханом Мехтулинским и Аслан-кади Акушинским, собравшим до 3000 человек³⁹⁹. 23 августа к Гамзат-беку прибыл с подкреплением Шамиль из Гимры, и после этого в противостоянии наступил перелом. Ханы, потерпев поражение, отступили, и Гамзат-бек «овладел прилегающей частью Дагестана»⁴⁰⁰, а к имаму «прибыли с покорностью даже представители из Гергебиля»⁴⁰¹.

В отношении к военному министру Российской империи 14 сентября 1833 г. барона Г.Розена говорится о том, что «по занятии сел. Аракан Гамзат-бек успел склонить на свою сторону многих горских жителей, которые, приняв проповедуемый им шариат, обещали под присягою помогать ему в его предприятиях»⁴⁰². События у дагестанского селения Аракани знаменательны еще и тем, что по приказу Гамзат-бека здесь был уничтожен дом знаменного ученого Саида, у которого в свое время обучался сам имам. Впоследствии известный дагестанский поэт и алим Гаджи-Юсуф Аксайский, комментируя этот поступок Гамзат-бека, назвал его в своем стихотворении «презренным грабителем драгоценной науки»⁴⁰³. Саид Араканский, как известно, был в оппозиции к действиям как первого имама Дагестана, так и Гамзат-бека. Находящийся в это время вне своего родного аула и узнавший о бедствиях, нанесенных его имуществу Гамзат-беком, Саид пишет письмо с жалобой Аслан-хану Газикумухскому в надежде на заступничество: «...Мой

³⁹⁸ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 13.

³⁹⁹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 13.

⁴⁰⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 309.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 199.

⁴⁰³ Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан... – С. 131.

ученик Гамзат разрушил мой дом, не оставив камня на камне, захватил всю библиотеку из 700 томов... Он уничтожил все мои посеы и сады только на том основании, что он укрепляет шариат. Этим и другими поступками он отошел от мусульманского шариата. Он обманывает простых людей, приписывая мусульманам отшельничество, являясь сам таковым. Поскольку ты являешься душой в моем теле, я написал тебе объяснение, изложив мои нужды и обстоятельства, в которых я пребываю. Надеюсь, что ты смилостивишься и не оставишь меня в таком положении»⁴⁰⁴. Никаких действий Аслан-хана, внимательно следившего за разворачивавшимися событиями в селении Аракани, не последовало, поскольку он ничего сделать не мог. К тому же, по свидетельству барона Г. Розена, Аслан-хан казикумухский «изъявляет опасение, что аварцы намерены сделать на него нападение, и в таком случае не вполне надеется на своих подвластных, на коих учение, проповедуемое Гамзат-беком, тоже начинает иметь некоторое влияние»⁴⁰⁵. Несмотря на то, что Гамзат-бек избегал конфликтов с российским командованием на Кавказе, последнее было встревожено брожением горцев в Нагорном Дагестане, видя в этом источник военного конфликта. Например, генерал А.А. Вельяминов извещал начальство, «что салатавцы (аварцы.-Авт) отказываются от требования начальства, так как Гамзату для произведения... удачных набегов на левый фланг Кавказской линии нужно содействие салатавцев»⁴⁰⁶, через земли которых должны были следовать его отряды. В связи с возникшей ситуацией А.А. Вельяминов предлагал «привести салатавцев к надежной покорности наказанием в собственных их землях»⁴⁰⁷. Поэтому командование русскими войсками были усилены войска на левом фланге Кавказской линии двумя батальонами из Грузии, а генералу А.А. Вельяминову было предложено «сделать движение в земли салатавцев»⁴⁰⁸.

---

⁴⁰⁴ ДГСВК. – С. 130.

⁴⁰⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 199.

⁴⁰⁶ ДГСВК... – С. 129.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 200.

8–9 сентября Гамзат-бек, продвигаясь вдоль берега Андийского Койсу, направляет свой удар на важный в стратегическом отношении аул Гергебиль, где проживали в основном дагестанцы-аварцы. И здесь его противниками были шамхал Тарковский, Ахмет-хан Мехтулинский и Кади Акушинский. Известный историк-кавказовед, профессор Н.И.Покровский свидетельствовал: «Примыкание Акуши к ханам интересно как показатель существовавшего уже в эту эпоху союза между феодалами Приморского Дагестана и зажиточной узденьской верхушкой Даргинского союза»⁴⁰⁹. Союзники были разбиты, Гергебиль был взят Гамзат-беком, но дальнейшего продвижения на плоскость не состоялось, ввиду того, что у имама не было достаточных сил для последующей широкомасштабной военной операции. После некоторой передышки в Гоцатле Гамзат-бек выступил против аварских аулов Ках и Хариколо, однако жители, получившие подкрепление из Хунзаха, «защищались весьма упорно и разбили неприятеля»⁴¹⁰. По свидетельству Маклача, «жители этих деревень защищались весьма упорно... и убили двух его (Гамзат-бека. – Авт.) племянников»⁴¹¹. Во всех перечисленных событиях Гамзат-бек принимал самое непосредственное участие и в одном из них чуть не погиб. Вскоре после сражения при Хариколо, как говорится в труде А. Неверовского, по какой-то причине «бежал от Гамзат-бека один из его нукеров (прислужник), скрывшийся в Голотле»⁴¹². Пустившись в погоню с отрядом в 40 человек и прибыв к Голотлю, имам потребовал выдачи беглеца, но получил отказ, «наконец, засвистали пули, и Гамзат-бек должен был возвратиться без всякого успеха и с простреленною шеею»⁴¹³. Залечивая рану, Гамзат-бек, тем не менее, не оставлял мыслей о претворении своих замыслов жизнь. Он понимал, что «лестное название имама дагестанского должно упрочить оружием, что оружием только и можно приобрести в горах славу и власть», и по выздоровлении «снова созвал койсубулинцев, андийцев,

---

⁴⁰⁹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 309.

⁴¹⁰ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 14.

⁴¹¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 13.

⁴¹² Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 14.

⁴¹³ Там же.

гумбетовцев и карахцев (все они дагестанцы-аварцы.- Авт.), и толпы их, послушные собственному желанию военных тревог, стеклись к Гамзат-беку...»⁴¹⁴. Следующие действия сторонников Гамзат-бека описываются аль-Карахи: «Когда мюриды подошли к ущелью кородинцев (дагестанцев. – Авт.), те закрыли его узкую часть и сказали: «Мы сделаем то, что нам приказывают. Но мы не хотим, чтобы вы входили в наше селение». И Гамзат-бек не разрешил мюридам идти против них»⁴¹⁵. Данный факт говорит о том, что политика второго имама Дагестана сочетала в себе как военную, так и дипломатическую стороны. О поступке в отношении кородинцев свидетельствует и Маклач⁴¹⁶. Мухаммад Тахир аль-Карахи подчеркивал, что «потом мюриды пошли к селению гоготлинцев со стороны Голотля и сразились с ними и куядинцами. В Гоготле мюриды заночевали, а затем двинулись к телетлинцам. Телетлинский старшина Чупан вместе с остальными старшинами был отправлен в гимринскую тюрьму, под арест. К Гамзат-беку пришли затем карахцы вместе со своими вассалами – куллабцо-бацадинцами, а также келебцы (все они коренные жители Дагестана. – Авт.)»⁴¹⁷. Прибыв на территорию Андалалского общества, где жили в основном дагестанцы-аварцы, Гамзат-бек написал к нему воззвание и потребовал «принятия тариката и в знак покорности – аманатов»⁴¹⁸. Однако анадалалцы решили оказать сопротивление и возвели укрепления. Разгневанный и оскорбленный Гамзат-бек «напал на сборище андалалцев, выбил их из завалов и гнал до селения Ругуджа»⁴¹⁹. Большие неприятности и проблемы ожидали Гамзат-бека и в селении Ругуджа, которое оказало ему упорное сопротивление. Мухаммад Тахир аль-Карахи подчеркивал: «Когда Гамзат остановился в Гоготле с полками мюридов, на вершине ругуджинской горы собрались толпы андалалцев. Они закрыли имеющиеся там проходы с целью сражаться и защищаться. Гамзат двинулся против андалалцев и нанес им сильнейшее

⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 13.

⁴¹⁵ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... – С. 41.

⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 14.

⁴¹⁷ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... – С. 41.

⁴¹⁸ Гамзат-бек – второй имам... – С. 14.

⁴¹⁹ Там же.

поражение. При этом было убито много ругуджинцев и других. Гамзат остановился затем в селении ругуджинцев, глава которых Султанав Ругуджинский сидел в своем замке и не выходил оттуда в страхе за свою голову. Шамиль, однако, хитростью обеспечил его выход наружу. Затем он напав на Султанава, арестовал его и отправил в гимринскую тюрьму. Мюриды взяли то, что было в доме Султанава, а также взяли заложников от ругуджинцев, согратлинцев и других. После этого Гамзат пошел в область гидатлинцев, взял у них заложников, отправил Шамиля в Карах для взятия там заложников, а сам пошел в область багвалальцев (дагестанцев. – Авт.)»⁴²⁰. Здесь особо стоит отметить действия в селении Гергебиль. Началом им послужило то, что 24 октября 1833 г. Ахмед-хан Мехтулинский в наказание жителей этого селения за «принятие к себе Гамзат-бека, отбил у них до 800 баранов, которые обещал возратить им, если они дадут клятвенное обещание не принимать к себе более сего бунтовщика»⁴²¹. Узнав о случившемся, Гамзат-бек немедленно прибыл в Гергебиль с отрядом из 40 человек и, войдя в мечеть, призвал к себе местных старшин, которых по прибытии обезоружил и «потребовал выкуп за оружие с каждого по 30 руб. сер.»⁴²². На возражение одного из старшин по имени Мамет Кази о том, что гергебильцы не подвластны Гамзат-беку и платить ему не намерены, последний приказал столкнуть старшину в реку. Архивный источник свидетельствует: «Оскорбленные таковым поступком жители Гергебиля пришли в ярость и, окружив мечеть, заперли Гамзата. Видя себя в крайней опасности, он успел разными обещаниями выпросить себе свободу, после чего, собрав из деревень Аракана, Белокана, Кудухли и Гимры партию до 600 человек, захватил у жителей гергебильских рогатый скот и до 300 лошадей и расположился между двух рукавов речки Койсу у каменного моста, защищаемого семью завалами»⁴²³. На следующий день по приглашению гергебильских жителей к ним на помощь прибыли Ахмед-хан Мехтулинский с 600 и Абу-Муслим

⁴²⁰ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... – С. 41.

⁴²¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 240.

⁴²² Там же.

⁴²³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 240..

Тарковский с 400 всадниками и, соединившись с 400 гергебильцами, выбили Гамзат-бека с завалов. Во время перестрелки на помощь гергебильцам прибыли еще Мухаммад кадий Акушинский с 100 и Аслан кадий Цудахарский с 200 всадниками. Но до полной развязки дело не дошло, т.к. кадию Акушинскому удалось помирить с Гамзат-беком жителей Гергебиля, после чего имам Дагестана, потеряв в бою 11 человек и своего племянника, отправился к себе в Гоцатль. Несмотря на отдельные неудачи, сфера влияния имама Гамзата постепенно расширялась, «власть его признали Гидатль, Каралал, Тлинсир, Тиндалал, Бакалал, Тилан, Киндала и Андалал»⁴²⁴, а к концу 1833 г. «Койсубулу, Гумбет, Андия и др. «союзы» сельских общин, расположенные по Аварскому и Андийскому Койсу, ...перешли на сторону имама Гамзата»⁴²⁵. Следует особо подчеркнуть, что в каждом дагестанском обществе, в каждом ауле Гамзат-бек выступал с проповедями и делал все возможное для укрепления шариата и искоренения вредных адатов, велел строго наказывать за преступления. Например, жителям аула Гоцо, обратившимся к нему за советом юридического характера, он пишет: «...Вам следует заключить в тюрьму сына Халифы на пять дней, и необходим надзиратель, а его оплата – (один) аббас в день от заключенных. Что касается обвиняемого в воровстве, то нужно разводить огонь на его груди до тех пор, пока он не признается или не умрет»⁴²⁶. Такие письма и советы мог давать фанатично настроенный человек, для которого существовала только конечная цель. Все остальное, по моему убеждению, не играло особой роли – чувство справедливости, моральное сострадание и т.д. В письме кадию Чаранову Гамзат-бек предписывает носить всем мужчинам чалму на папахе, а женщинам закрывать лицо от взглядов посторонних мужчин: «...Ты должен наказывать того, кто не обвязывает вокруг шапки полотнища (тканью), длина которого семь локтей, того, кто прикрепил кинжал на середине (живота), и

---

⁴²⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

⁴²⁵ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209. Л. 9.

⁴²⁶ Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / сост., пер. с араб., введ., коммент., примеч. и указ. Омарова Х.А. – Махачкала, 2002. – С. 97.

женщин, кто не завешивает лицо...»⁴²⁷. К этому следует добавить, что Гамзат-бек продуктивно продолжил дело, начатое первым имамом Дагестана. Исследователь Кавказской войны С.Х. Мухаджиев справедливо подчёркивает, что Гамзат-бек «в зачаточной форме начал создавать некоторые элементы административной структуры государства...»⁴²⁸. Успехи Гамзат-бека были столь значительны, что на них обратило внимание русское командование на Кавказе. По свидетельству автора аналитической записки «Экспедиция против горцев Северного Кавказа в 1834 г.» поручика Генерального штаба Российской Императорской армии Кузьминского, «уже к концу 1833 г. начали носиться слухи о новых беспокойствах, возбуждаемых между горцами другом и главным помощником убитого Кази-муллы по имени Гамзат-бек. Он имел видный перевес над своим предшественником в том, что умы горцев были уже давно приготовлены к возмущению: стоило только бросить одну искру, чтобы произвести всеобщий пожар»⁴²⁹. Подчинив, таким образом, своей власти большинство дагестанских обществ, расположенных вокруг Аварии, увеличив свое войско до значительных размеров (по некоторым данным до 20 тыс. чел.⁴³⁰), Гамзат-бек стал задумываться о судьбе Аварии и Хунзаха – местопребывании аварских ханов.

§2. Отношения имама Гамзат-бека с аварскими ханами

Взаимоотношения Гамзат-бека с аварским ханским домом заслуживают отдельного разговора в связи с важнейшими событиями в регионе, которые начнут разворачиваться в 1834 г. Они привлекли внимание многих исследователей, хотя их истолкование часто было диаметрально противоположным. Уже упоминалось о близости Гамзат-бека к аварским ханам и бекским кругам Дагестана. Принятие сана имама и военно-

---

⁴²⁷ Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / сост., пер. с араб., введ., коммент., примеч. и указ. Омарова Х.А. – Махачкала, 2002. – С. 114.

⁴²⁸ Мухаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны... – С. 89.

⁴²⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 1 б. Д. 6246. Л. 7.

⁴³⁰ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 17.

политические действия по упрочению своей власти в 1833 г. не испортили отношений Гамзат-бека с ханским домом. Еще в 1830 г. ханша Баху-бике, находившаяся в неприязненных отношениях с мюридами первого имама Гази-Мухаммада, все время укрывала Гамзат-бека от преследований российского командования на Кавказе. Возможно, ханша поступала так по причине близости гоцатлинца к ханскому дому и, помня былые заслуги его отца, пыталась обезопасить Гамзат-бека. При этом, естественно, она была озабочена силой народно-освободительного движения, набиравшего силу и популярность среди горского населения Дагестана и Чечни. Советский ученый-марксист, профессор Н.И. Покровский прав, когда подчеркивает: «Однако подчеркивание ненависти ханши к койсубулинцам при хороших отношениях с Гамзатом скорее может объясняться различной тактикой ее в отношении двух групп внутри мюридизма»⁴³¹. Добавим и то, что в своем письме к военному министру Российской империи 14 сентября 1833 г. барон Г.Розен отмечал, что «аварская ханша Баху-бике с детьми своими, неблагонадежность которых уже давно приметна была, как в. с. изволили видеть из прежних моих сообщений, изъявили со своей стороны Гамзат-беку согласие действовать совместно с ними против русских и дали присягу на присоединение к шариату»⁴³². А основанием для подобного заключения послужила встреча Гамзат-бека с Абу-Нуцал-ханом, происшедшая 9 сентября 1833 г., о результатах которой российское командование на Кавказе было уведомлено. По свидетельству С. Брановского, находящегося в лагере имама Дагестана и ведущего свое повествование от имени мюридов, 9 сентября Гамзат-бек собрал отряд, чтобы «...атаковать Хонзак (Хунзах. – Авт.)... ханства Аварского»⁴³³. Абу-Султан-Нуцал-хан «по прибытии нашем, – продолжает далее автор, – намерен был с нами помириться без согласия матери, как будто для сражения войско собрано со стороны его, для переговоров выслал своих доверенных с эмчеком, на что Амзад бек (Гамзат-

⁴³¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 311.

⁴³² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6261. Л. 199.

⁴³³ Выписка из журнала, веденного... С. Брановским // РГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834–35 гг. Л. 16 об.

бек. – Авт.) охотно согласился и прибыл на назначенное место»⁴³⁴. Эмчеками, т.е. молочными братьями, молодых ханов были знаменитый впоследствии наиб Шамиля Хаджи-Мурат и его старший брат Осман, а поэтому послом к Гамзат-беку был отправлен, видимо, кто-то из них. Таким образом, из повествования С.Брановского узнаем некоторые важные детали, а именно – разногласия между матерью и сыном, т.е. ханшей Баху-бике и Абу-Султан-Нуцал-ханом. В то время как первая подчеркивает свое нежелание иметь дело с Гамзат-беком (скорее всего не желая портить отношения с российским командованием на Кавказе), сын ее непрочь повести с ним переговоры и примириться, что и состоялось во время свидания 9 сентября 1833 г. в предместье аула Тукита. В объемной книге «В горах Дагестана» М.Алиханов поведал многие интересные события периода Кавказской войны. В книге подчеркивается и роль Гамзат-бека в народно-освободительной борьбе горцев. М.Алиханов пишет: «Ошибка наша состоит в том (говорил при встрече Гамзат-бек. - Авт.), что, имея в лице русских общего врага нашей религии, мы в то же время враждуем и между собою. Этого не должно быть потому, что это на руку русским. Ислам ослабел в Дагестане. Предавшись пьянству и разврату, народ едва отличается от неверных. Наша обязанность ввести шариат и укрепить веру. С древних времен твоим предкам принадлежит власть, которая и к тебе перешла по праву, тебе легче, чем всякому другому, сохранить в чистоте веру предков и способствовать в этих видах утверждению шариата. Заботясь о том же, я желал нашей встречи единственно для того, чтобы предложить тебе принять на себя и звание «имамуль аазам» (главы правоверных), оставаясь в то же время ханом»⁴³⁵. Пытаясь воздействовать на аварского хана силой убеждения, Гамзат-бек делал в своей речи акцент на усиление и повсеместное соблюдение ортодоксальных религиозных догматов в дагестанском обществе, в чем немалую помощь ожидал от самого Абу-

---

⁴³⁴ Выписка из журнала, веденного... С. Брановским // РГВИА. Ф.527. Св.4. Д.6. 1834–35 гг. Л. 16 об.

⁴³⁵ Алиханов М. В горах Дагестана... – Махачкала, 2005. – С. 163.

Нуцал-хана. Второй имам Дагестана продолжал давать наставления: «Как мусульманин, ты обязан это сделать для народа, если не желаешь взять на себя величайшего греха – быть причиной пагубной войны между братьями. Если Аллаху угодно, чтобы лилась наша кровь, пусть она льется за веру и в борьбе с ее врагами. Только для того, чтобы дать такое направление делу, я согласился принять власть, которую никогда не искал. С этой же целью я готов и сложить с себя звание имама и, если нужно, принять клятву в том, что буду покорным исполнителем твоей воли, если, конечно, она будет направлена к объединению дагестанцев и к утверждению в них чистой веры нашего Пророка»⁴³⁶. Слова эти, видимо, подействовали на Абу-Султан-Нуцал-хана. Он согласился стать «имамуль аазамом» и, вернувшись в Хунзах, известил аварцев о соглашении с Гамзат-беком и о необходимости на будущее время строжайшего соблюдения всех постановлений шариата. Это не понравилось аварской ханше Баху-бике, «...которая приступить к сему не хотела, но как он войско имел (Гамзат-бек. – Авт.) на своей стороне, которое ханшу не слушало, то она принуждена с сыном примириться»⁴³⁷. Здесь необходимо отметить, что в описываемое время в Дагестане между приверженцами шариата и адата происходила постоянная борьба. Хань, шамхалы, беки и другие светские феодалы поддерживали адатное право. Духовенство же было за шариат. Не вдаваясь в суть дела и не ввязываясь в схоластические споры о том, какое из этих прав лучше, укажем, что и адат, и шариат – это обычное право. Парадокс состоит в том, что в этом случае произошло разделение дагестанского общества. Хань, шамхалы и беки, будучи мусульманами, обязаны были следовать установлениям шариата. Более того, как свод феодального права – шариат был для них вполне приемлем. Однако, как справедливо замечает профессор-кавказовед Н.И. Покровский, в сложнейшей общественно-политической обстановке вопрос «в конечном счете сводился не к проблеме признаний предписаний шариата

---

⁴³⁶ Алиханов М. В горах Дагестана... – Махачкала, 2005. – С. 163.

⁴³⁷ Там же. Л. 17.

вообще, а только к вопросу о пределах их действия»⁴³⁸. Светских феодалов адаты устраивали больше как нормы, поддерживающие их привилегированное положение. В целом, как утверждает авторитетный ученый, и шариат вполне устраивал их, хотя в ряде частностей оказывался менее удобен. Отмена суда по адатам наносила серьезный удар по феодалам, лишив их права по самостоятельным расправам и доходов, связанных с проведением судебных разбирательств.

Итак, 14 сентября 1833 г. в лагерь Гамзат-бека у селения Мушули вновь для переговоров приехал Абу-Султан-Нуцал-хан. При этом у него и горцев из его отряда головы были повязаны чалмами, что говорило о том, что «хан вступил в число мюридов»⁴³⁹. Через два дня туда же «...прибыл Сурхай хан», управлявший аулами Западной Аварии, резиденцией которого был аул Сиух (Восточной Аварией управлял Абу-Султан-Нуцал-хан, его резиденцией был Хунзах. – Авт.), и присягнул сопротивляться русским. Посему тотчас отдано приказание из всех деревень до пятнадцатилетнего возраста, кто только имеет оружие, собираться с намерением идти для покорения Андии, а оттуда в Грузию. Отряды приходили с разных сторон»⁴⁴⁰. Таким образом, Гамзат-бек, заключив с аварскими ханами важный союз, практически достиг своей цели. Правда, оставалась еще ханша Баху-бике, которой данный союз был не по душе, но войско было на стороне Абу-Султан-Нуцал-хана, следовательно, союз можно было считать довольно прочным. При этом в этой ситуации возникает вопрос, касающийся направления предполагаемого похода Гамзат-бека: почему он выбрал не царские укрепления и крепости, расположенные в Дагестане, в целом на Северном Кавказе, а Грузию? Ответ, по моему убеждению, сводится к повышению престижа и личного авторитета самого Гамзат-бека и его недавно состоявшегося союза с аварскими ханами. Ведь и раньше, еще при первом имаме Дагестана, Гамзат-бек настойчиво предлагал последнему «идти не в шамхальство Тарковское, не против Бурной и

---

⁴³⁸ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 21.

⁴³⁹ Там же. – С. 312.

⁴⁴⁰ Выписка из журнала, веденного... С. Брановским // ЦГВИА. Ф. 527. Св. 4. Д. 6. 1834–35 гг. Л. 17.

Дербента»⁴⁴¹, а вторгнуться в Грузию через Джаро-Белоканы, где проживали аварцы, хотя и не получил прямого его одобрения. Совершив все-таки поход, Гамзат-бек не достиг в этом успеха. Можно согласиться с мнением известного советского историка, профессора Н.И.Покровского, который пишет: «Гамзат-бек все время ориентировался на воспоминания об удачных аварских набегах на долины Иоры и Алазани. Для реальной борьбы с царским владычеством подобный набег не дал бы ничего. Не имея прочной базы в Дагестане, имам не мог вытеснить царские войска из Грузии. Но Кахетия дала бы богатую добычу, а аварские ханы и беки не могли не прельститься этим»⁴⁴². Намерения, видимо, были достаточно серьезными, поскольку барон Г.Розен узнает от лазутчиков о предполагаемом походе не из Северного Дагестана, а из Джарской области, которой непосредственно угрожало соглашение Гамзат-бека с аварскими ханами. 21 сентября 1833 г. барон Г.Розен сообщал в Санкт-Петербург: «Начальник Джарской области ген.-майор Антропов доносит, что сыновья Аварской ханши Паху-бике Нусаль-хан и Умма-хан, соединившись с Гамзад беком, стараются произвести возмущение в Нагорном Дагестане, к чему изъявляют готовность некоторые лезгинские общества»⁴⁴³. Однако поход в Грузию не состоялся, скорее всего, в силу необходимости Гамзат-бека находиться в Дагестане, в частности, действовать против аварских селений Аракани и Гергебиль, о чем упоминает непосредственный участник этих выступлений, поляк С.Брановский, где он и был ранен. Поляк пишет о прибытии Гамзат-бека к Абу-Султан-Нуцал-хану на помощь, поскольку «...хан желал идти под крепость Темир-хан Шуру против русских, но неизвестно почему Амзат бек (Гамзат-бек. – Авт.) отложил»⁴⁴⁴. Это очень важная деталь. Во-первых, хан имеет намерение действовать против русских, во-вторых, союз между ним и имамом Гамзат-беком продолжает действовать. С. Брановский не указывает, почему поход не состоялся, поскольку на этом его записи прерываются.

---

⁴⁴¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 312.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Отношение барона Розена к графу Чернышеву № 689 // АКАК. – Тифлис, 1881. Т. 8. – С. 572.

⁴⁴⁴ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 313.

Местные источники также умалчивают об этом, и только данные российского командования несколько проясняют ситуацию. 12 октября 1833 г. барон Г.В. Розен писал: «Гамзат-бек отправился в Аварию для возмущения горных обществ, окружающих оную; хотя там соединились с ним аварская ханша и сыновья ее, однако он не мог собрать довольно сильную партию для приведения в исполнение своих замыслов против Дагестана»⁴⁴⁵. Факт ссоры аварских ханов с кавказским командованием очень серьезен. Еще в августе 1833 г. российскому командованию стало известно о политическом союзе Гамзат-бека и Баху-бике, когда имам получил от ханши право свободно действовать на территории Аварского ханства. Розен доносил в Санкт-Петербург, что аварская ханша Баху-бике и ее сыновья, в войне против которых вместе с первым имамом Гази-Мухаммадом в 1830 г. участвовал Гамзат-бек, «изъявили со своей стороны Гамзат-беку согласие действовать совместно с ними против русских и дали присягу на присоединение к шариату»⁴⁴⁶. О том, что «сыновья аварской ханши Баху-бике Нусал-хан и Умма-хан, соединившись с Гамзат-беком, стараются произвести возмущение в горном Дагестане, и чему изъявляют готовность некоторые лезгинские общества»⁴⁴⁷, сообщал в сентябре 1833 г. также начальник Джарской области русский генерал-майор Антропов. Для предотвращения этого союза барон Г.Розен потребовал от аварской ханши Баху-бике прервать эти отношения. Более того, он предложил Абу-Султан-Нуцал-хану помощь в поимке имама, на что ханский дом ответил отказом, объясняя это тем, что Гамзат-бек является «поборником и защитником исламизма», и мешать ему в отправлении религиозных обрядов – значит нарушать шариат...»⁴⁴⁸. Следует подчеркнуть, что многих исследователей интересует причина размолвки дагестанских ханов и русских военных. Наиболее правдоподобный ответ, на мой взгляд, содержится в письме аварского хана командованию российских войск на Кавказе. Аварский хан подчеркивал: «Из переписки известно, что

⁴⁴⁵ Отношение № 730 // АКАК. – Т. 8. – С. 572–573.

⁴⁴⁶ Отношение № 730 // АКАК. – Т. 8. – С. 572–573.

⁴⁴⁷ АКАК. Т. VIII. – С. 572.

⁴⁴⁸ ЦГИА РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2231. Л. 183.

мне были обещаны чин генерал-майора и пять тысяч рублей серебром в год, но я получил только с трудностью по 2 тысячи рублей, а обещанья о прочем оставлены без внимания к смеху»⁴⁴⁹. Здесь явно видны корыстные и тщеславные цели Абу-Султан-Нуцал-хана. Ему не дали генеральского чина и вместо обещанных 5 тысяч руб. отпускали всего 2 тысячи. По его мнению, он обманут, и над ним смеются. Он может обойтись без военной помощи русских, если они возвратят ему прежнюю власть, и он выйдет из их зависимости, которой тяготится. Позиция аварского хана больше напоминает обычного лицемера, для которого самым главным является его собственное благополучие, удовлетворение амбициозных настроений и обычного тщеславия. Итак, приведенные факты свидетельствуют, что в 1833 г. Гамзат-бек практически не проводил антифеодальной политики, что «он находил достаточное количество точек соприкосновения с аварским ханским домом»⁴⁵⁰. Более того, в это время имам Дагестана и аварские ханы действуют заодно. Это объясняется, на мой взгляд, тем, что Гамзат-бек выражал интересы определенной части аварских беков, стремившихся использовать горское народно-освободительное движение против российского командования на Кавказе в своих интересах, но при этом «не собиравшихся вводить каких-либо реформ, которые могли бы затронуть имущественное положение или привилегии феодальной верхушки»⁴⁵¹. Однако уже в следующем 1834 г. взаимоотношения между имамом и ханами начинают меняться в худшую сторону, и виной этому является вовсе не Гамзат-бек. Российское командование, получая достаточно точные сведения об описанной близости между имамом и ханами, почувствовав угрозу объединения всех сословий Дагестана, сделало все возможное, чтобы не допустить этого. Логичным и убедительным представляется по этому вопросу точка зрения профессора Н.И.Покровского, который подчеркивает: «И верное своим принципам, оно (русское командование на Кавказе. –

---

⁴⁴⁹ Климан Ф. фон. Война на Восточном Кавказе... // КС. – 1896. – Т. 17. – С. 377.

⁴⁵⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 313.

⁴⁵¹ Там же.

Авт.) старается добиться разрыва, для борьбы с мюридами с опорой на ханов. Царские силы в Дагестане теперь достаточны для того, чтобы дать ханше Аварии почувствовать сильную руку Санкт-Петербурга. С возможностью проникнуть русским войскам внутрь Нагорного Дагестана, кавказское начальство ставит аварских ханов перед невозможностью продолжать двойную игру»⁴⁵². Перед аварской ханшей Баху-бике была поставлена проблема выбора между мюридами и русскими, между обещанной Гамзат-беком независимостью и подчинением Санкт-Петербургу, хотя вопрос о выборе стоял не так остро, как впоследствии. Аварская ханша, так же как и другие феодальные владетели Дагестана, рассчитывала играть на народно-освободительном движении горцев, дабы ослабить, если удастся, наступление русских войск и достичь самой положения правительницы Дагестана. Когда же «выясняется опасность данной игры, приходится показать свое лицо»⁴⁵³, Баху-бике отказалась от последователей имама.

В феврале 1834 г. генерал Г.В. Розен писал в столицу: «Известная ханша аварская Паху-бике, и ее сын Нусал-хан своими двуличными поступками во время экспедиции 1832 года, и впоследствии явным отречением к обузданию подвластного им Гамзат-бека вынуждают меня приостановить выдачу Нусал-хану и другим аварцам жалованья, определенного им... Сначала она, оправдываясь, роптала, но, однако, не переставала, быть в сговоре с Гамзат-беком. Впоследствии же видя, что ни ропот, ни оправдания ее не приемлются во уважение и что лишение сына ее жалованья не вознаграждается связью с возмутителями аварскими, она начала удаляться от Гамзат-бека»⁴⁵⁴. Следующий документ, датированный июлем 1834 г., разъясняет подробнее сложившуюся ситуацию: «В 1833 году Баху-бике нисколько не противилась распространению влияния Гамзат-бека, а после прекращения пенсионна, для сына ее Нусал-хана, она решается послать ко мне сына своего Умма-хана для снисхождения себе. Объясняя ему обязанности его дома к правительству, я

---

⁴⁵² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 313.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Отношение Г.В. Розена к графу А.И. Чернышеву от 23/11-1834 г. № 135 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 1.

уверил, что их заслуги не останутся без внимания. Сие имело желательные последствия: в нынешнем году Паху-бике и оба сына ее начали действовать против Гамзат-бека»⁴⁵⁵. Усиление власти нового имама и «двойная» игра ханов аварских не прошли незамеченными для командующего кавказским корпусом российской армии барона Г.Розена. Угрожая проникновением русских войск в Нагорный Дагестан, командование вынуждает аварских ханов к прекращению двойной игры. Лишение аварских ханов жалования возымело наибольший эффект. Ханше Баху-бике пришлось выбрать из двух зол меньшее, и она пошла на разрыв с Гамзатом, предприняв попытку его физического устранения. Таким образом, как только генерал Г. Розен прекратил выплату, Баху-бике стала верной защитницей интересов Правительства Российской империи. Политический союз второго имама Дагестана с ханским домом рухнул, не успев окрепнуть, хотя Гамзат-бек не раз еще пытался восстановить отношения с ханшей. Уже в феврале 1834 г. командующий генерал Г. Розен констатировал разрыв союза, хотя и с недоверием к искренней преданности ханши русскому командованию. «Несмотря на столь явную вражду Паху-бике с Гамзат-беком, – писал Розен, – я еще несколько не убежден в благонамеренности первой, ибо Гамзат-бек... ей самой тягостен и опасен»⁴⁵⁶.

Крутой поворот в политике Баху-бике, осуществленный на практике, состоялся в апреле 1834 г.: «Сначала между Паху-бике и Гамзат-беком возникли неудовольствия, а потом и явная вражда. Паху-бике тайно посягала на жизнь Гамзат-бека, который в отмщение за сие собирал партии и делал нападения на деревни, дому ее принадлежащие, и, наконец, в перестрелке при одном из таковых нападений был тяжело ранен»⁴⁵⁷. Об этом покушении С. Брановский в конце своего дневника замечает: «С ханом аварским сказалась измена, когда Аварская княгиня послала пять человек убить Амзата

---

⁴⁵⁵ Отношение Г.В. Розена к А.И. Чернышеву от 31/VII-1834 г. № 719 // АКАК. – Т. 8. – С. 582.

⁴⁵⁶ Отношение командующего Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена военному министру графу А.И. Чернышеву от 22/II-1834 г. № 135 // РГВИА. Ф.ВУА. Д. 6294. Л. 2.

⁴⁵⁷ Отношение Г.В. Розена к А.И. Чернышеву от 12/IV-1834 г. № 240 // РГВИА ВУА. Д. 6294. Л. 3 об. – 4.

(Гамзат-бека. – Авт.), то их поймали, трое прощено, а двух казнили»⁴⁵⁸. В ответ Гамзат-бек «пришел в деревню Балакиан, в течение двух дней покорил оную и взял штраф»⁴⁵⁹. Несколько по-иному, но в целом аналогично представляет историю покушения на второго имама Дагестана Максуд Алиханов. Решив избавиться от Гамзат-бека, аварская ханша отправила в Гоцатль шесть своих невольников, согласившихся взять на себя убийство имама. По свидетельству современника, Гоцатль находился к западу от Хунзаха, «имел в то время 400 дворов, населенных богатыми жителями»⁴⁶⁰. Гамзат-бек намеревался сделать Гоцатль своим основным месторасположением, из которого «мог бы свободно действовать по всем направлениям в Дагестане, а при неудачах защищаться в аварских горах и, наконец, в крепкой местности самого Гоцатля; по той причине он весьма сильно и деятельно укреплял его...»⁴⁶¹. Прибыв в Гоцатль, наемные убийцы расположились в доме двоюродного брата Гамзат-бека Муртаза-Али, «бывшего в заговоре с ханшей и дом которого лежал на повороте узкой улицы, ведущей к мечети таким образом, что некоторые бойницы угловой башни выходили в ту сторону, откуда должен был показаться имам, а другие – по направлению дальнейшего его следования после того, как он минует эту башню в расстоянии 3–4 шагов перед бойницами»⁴⁶². Приведение столь подробных деталей заговора не случайно, поскольку Максуд Алиханов, который их приводит, сам являлся выходцем из Хунзаха и, будучи грамотным и просвещенным человеком, дослужившимся до генерал-лейтенанта российской армии, видимо, хорошо знал историю взаимоотношений ханов с Гамзат-беком. «Заговорщики уже сидели в башне; хозяйка дома, взявшаяся наблюдать с кровли и известить их о приближении намеченной жертвы, также занимала свое место. В это время отвергнутый жених хозяйской дочери прибегает к Гамзат-беку, совершавшему тогда

---

⁴⁵⁸ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 316

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Прушановский К.И. Выписки из путевого журнала... – С. 23.

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Алиханов М. В горах Дагестана... – С. 165.

необходимое перед отправлением в мечеть омовение, и сообщает ему, что в доме Муртаза-Али его ожидает засада. Невозмутимый имам, говорят, даже не повернул головы в сторону вестника и, как ни в чем не бывало, продолжал свое омовение, пока не были окончены все его формальности. Тогда присутствующие при этом мюриды вызвались пойти и арестовать заговорщиков»⁴⁶³. Однако Гамзат-бек не позволил им это сделать, сославшись на предопределение Всевышнего, и отправился в мечеть на молитву, как раз мимо дома, где засели заговорщики. М.Алиханов подчеркивает: «Что происходило в это время в сердцах заговорщиков, какое малодушие охватило их, – Аллах ведает, но выстрелы не последовали»⁴⁶⁴. Вернувшись домой по другой дороге, Гамзат-бек велел привести к себе Муртаза-Али и заговорщиков и после раскаяния последних казнил их, помиловав только одного юношу. «Теперь моя совесть чиста относительно верхних, – продолжал грозный имам по окончании этой кровавой расправы, не обращаясь ни к кому в особенности, но намекая на аварскую владетельную семью, жившую в Хунзахе, который расположен значительно выше Гоцатля. – На мою попытку сохранить значение «этого дома» мне ответили подосланными убийцами. Тем лучше – они развязали мне руки»⁴⁶⁵. Таким образом, имам окончательно понял истинные взгляды ханши Бахубике по отношению к нему и был поставлен в безвыходное положение. Профессор-кавказовед Н.И.Покровский верно подметил, что «ломалась политическая линия, линия союза с ханами»⁴⁶⁶, да и сама перспектива дальнейших действий после потери Аварии оказывалась малоперспективной. Гамзат-бек понимал, что рассчитывать на успех газавата можно только после присоединения к нему Аварии⁴⁶⁷. Приходилось отступать в «вольные» общества Дагестана, а основной опорой для мюридизма считать узденей койсубулинцев. Но Гамзат-бек не оставляет попыток спасти положение

---

⁴⁶³ Алиханов М. В горах Дагестана... – С. 165..

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ Алиханов М. В горах Дагестана... – С. 166.

⁴⁶⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 316.

⁴⁶⁷ Алиханов М. В горах Дагестана... – С. 167.

народно-освободительной борьбы. Главнокомандующий барон Г.Розен озабочен происходящими событиями в Дагестане: «Вражда между аварским домом и Гамзат-беком продолжается и, по-видимому, сей последний берет верх... Подвластные аварскому хану деревни, хотя еще явно не перешли на сторону Гамзат-бека, но жители не повинуются более своему хану и решительно объявили, что они не будут действовать против Гамзат-бека; койсубулинцы и гумбетовцы почти все передались на его сторону»⁴⁶⁸.

14 июля 1834 г. Г.В.Розен писал военному министру, что вражда сил между ханшей Баху-бике и Гамзат-беком продолжается, «однако ж сей последний всячески старается примириться с аварской ханшей, в том намерении, чтобы потом с ее содействием собрать партию для вторжения в наши границы»⁴⁶⁹. Гамзат-бек предпринимает действия по сближению не только с аварским ханским домом, но с Аслан-ханом Газикумухским и акушинцами, что говорит о стратегических замыслах имама в политике. «Гамзат также делал предложение мне и акушинцам, – писал Аслан-хан, – ему содействовать, угрожая в противном случае обратиться на нас»⁴⁷⁰. И дальше: «Имея на своей стороне дагестанцев, он требует от ханов с десяти человек их подвластных по одному, также припасов всякого рода и денег»⁴⁷¹.

К лету 1834 г. почти все аварские аулы, за исключением Хунзаха, признали власть второго имама Дагестана Гамзат-бека. Ханский дом не может не реагировать на растущую популярность имама, и с ведома ханши Баху-бике «кадиями, алимами, знатными и простыми людьми Хунзаха»⁴⁷² составляется письмо к жителям обществ Шита, Богулал, Калалал, Хиндалал, принявшим сторону имама. «...Когда мы услышали о вашем приезде для примирения Нуцал-хана с Гамзатом, мы обрадовались. Но когда мы присмотрелись за вашим поведением, мы убедились, что вы поступаете несправедливо. Вы не остановились на нейтральной территории. Не

---

⁴⁶⁸ ДГСВК... – С. 132.

⁴⁶⁹ Отношение Г.В. Розена А.И. Чернышеву от 14 июня 1834 г. № 459 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 8–8 об.

⁴⁷⁰ Перевод письма Аслан-хана генерал-майору В.Д. Вольховскому от 10.VII-1834 г. // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 27.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² ДГСВК... – С. 133.

препятствовали ограблению жителей сел. Танус и Баада, кроме одного кадия Таймаз-хана, да будет Бог им доволен, как и мы были довольны...»⁴⁷³.

После предъявления данных упреков в адрес прибывших, авторы письма заявляют: «...Если бы у нас издавна не существовали властители, и Нуцал Хан вознамерился бы стать правителем над нами, ни один из нас не согласился бы на это, не говоря уже о признании правителем человека из гоцатлинских беков. Но так как мы нашли, что оно у нас существует, то нам пришлось подчиниться ему... И согласно требованиям мы должны ему помогать в сборе податей. Мы очень удивлены тем, что вы способствовали претендующему на имамство и признали его владыкой над собой и своим имуществом, содействовали также в назначении кадиев, хотя мудростью Аллаха вы созданы свободными, и ваша религия не связана с ним, и ваши ученые скрыли от вас то, что написано в верных книгах шариата...»⁴⁷⁴.

Ханшу Баху-бике, как умную дальновидную женщину, не могла не волновать общественно-политическая ситуация вокруг Хунзаха. Она отправляет в Тифлис своего среднего сына Умма-хана и его молочного брата Хаджи-Мурата (будущего наиба имама Шамиля), которые вынуждены были просить у барона Г. Розена помощь. По свидетельству Хаджи-Мурата, «прожив в Тифлисе десять дней и не получив желаемого удовлетворения»⁴⁷⁵, они возвратились домой. Мало доверяя посланцам ханши, как и самой ханше, Г. Розен «объяснил ему (Умма-хану. – Авт.) обязанности его дома к правительству (Российской империи. – Авт.) и уверил, что заслуги их не останутся без внимания»⁴⁷⁶. Несмотря на это Баху-бике была уверена, что отстоит свою столицу собственными силами, так же, как и два года назад, от Кази-муллы. Гамзат-бек вновь призывает Баху-бике содействовать ему против русских, «угрожая ей в противном случае разорением ее

---

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ ДГСВК... – С. 133.

⁴⁷⁵ Лорис-Меликов М.Т. Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром М.Т. Лорис-Меликовым // Русская старина. – 1881. – Март. – С. 668.

⁴⁷⁶ Отношение Г.В. Розена графу А.И. Чернышеву от 31.07.1834 г. № 719 // АКАК. – Т. VIII. – С. 582.

подвластных, из коих многие уже передались на его сторону»⁴⁷⁷. Тайное противостояние между Гамзат-беком и ханским домом Аварии становилось открытым противоборством между двумя политическими силами. В конце июня 1834 г. имам Дагестана предупреждает владетельницу и намеревается «в случае сопротивления Баху-бике истребить все хлеба на полях, ей принадлежащих»⁴⁷⁸. При этом, как верно подчеркивает Ш.Ю. Пашаева, «во всех угрозах имама ханам звучало намерение наказания, но не убийства»⁴⁷⁹.

В то же время имам заботится об усилении своей армии. Мухаммад Тахир аль-Карахи писал: «Когда Шамиль на обратном пути достиг земли округа Хида, его встретил посланец Гамзата с приказом о том, чтобы Шамиль отправился в Киндалял, собрал среди жителей ополчение и поднялся бы с ним в такой-то день на землю Хунзаха»⁴⁸⁰. Итак, Гамзат-бек намеревается идти на Хунзах, но не с целью его покорения, пытаясь восстановить прежние отношения с ханским домом, используя увещания и только в крайнем случае – силовой нажим. Хайдарбек Геничутлинский, анализируя сложную обстановку в Дагестане к 1834 г., подчеркивал: «Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) со своими полками двинулся затем к городу хунзахцев. Последние же, укрепившись при своих замках, заблокировали дороги, ведущие внутрь Хунзаха, куда, кстати, стеклись те жители окрестных селений, чей дух был не здоров»⁴⁸¹. Факт, говорящий, что определенная часть жителей близлежащих селений все-таки осталась преданной ханскому дому. Подступив к столице ханов и обложив ее, имам Дагестана послал преданных ему людей к ханше для переговоров. Русский исследователь Кавказской войны А.А.Неверовский писал: «Предложения, ими сделанные, состояли в том, чтобы ханша приняла со своими подвластными новое учение, прервала всякие сношения с русскими и заставила своих сыновей действовать против

---

⁴⁷⁷ Отношение Г.В. Розена А.И. Чернышеву от 14.06.1834 г. № 459 // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 8.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм... – С. 206.

⁴⁸⁰ Хроника Мухаммада Тахира аль-Карахи... – С. 63.

⁴⁸¹ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 68.

неверных...»⁴⁸². Озабоченная огромными силами своего противника (по русским сведениям под командованием Гамзат-бека насчитывалось более 20 тыс. вооруженных горцев)⁴⁸³ и, не ожидая скорой помощи практически ни от кого, ханша находилась в нерешительности. После некоторого совещания с приближенными в стан Гамзат-бека был отправлен бывший учитель имама хунзахский кадий Нур-Мухаммад с ответом, что ханша принимает новое учение и для разъяснения его просит прислать к ней сведущего духовного учителя. По мнению А.А.Неверовского, «газават же с русскими отвергает и умоляет оставить ее в покое, обещая, впрочем, не содействовать неверным в случае неприязненных против них предприятий со стороны имама»⁴⁸⁴. В ответ через своих посланников имам Дагестана пообещал, что направит ей ученого для объяснения тариката, если ханша пришлет к нему в аманаты своего младшего сына Булач-хана. И велел повторить, «что если старший примет титул имама Амуль-Азама и будет действовать против русских, как действовал отец его Умма-хан, то в таком случае Гамзат будет служить при Абу-Нуцал-хане, по примеру отца своего Али-Аскер-Бека»⁴⁸⁵.

Вынужденная согласиться с требованием Гамзат-бека, ханша на другой день отправила Булач-хана вместе с несколькими почетными жителями в лагерь имама. Как покажут дальнейшие события, это был первый шаг на пути крушения аварского ханского дома, поскольку, имея в руках младшего хана, Гамзат-бек мог уже смело диктовать свои условия его матери. Между прочим, такой авторитетный автор, как Хайдарбек Геничутлинский, отмечает в своем труде, что «Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) взял Хунзах на основании, однако, мирного договора. Главари и эмиры хунзахцев дали ему присягу, причем последние передали имаму своего младшего брата Булача – в качестве гаранта своей верности. Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) же и словом, и делом проявил тогда любезность по отношению к хунзахцам, а когда затем положение вроде бы стабилизировалось, даже пригласил их на совместное

---

⁴⁸² Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 17.

⁴⁸³ Зиссерман А. История 95 пехотного Кабардинского полка. Т. II. – С. 31.

⁴⁸⁴ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. ... – С. 18.

⁴⁸⁵ Гамзат-бек – второй имам... – С. 16.

заседание»⁴⁸⁶. Это свидетельствует о том, что никаких замыслов по уничтожению ханов у имама и его окружения не было. Приняв с почетом Булач-хана, имам Дагестана отправил последнего в Гоцатль (по свидетельству аль-Карахи – в Харачи⁴⁸⁷), где «поместил его в своем доме, поручив надзор над ним одному из своих мюридов»⁴⁸⁸, а затем отвел свои отряды от Хунзаха на некоторое расстояние. Следует особо подчеркнуть, что дальнейшие события в Хунзахе представляются по-разному. Для освещения их пришлось привлечь самые разнообразные источники, чтобы выстроить реальную картину происшедшего. По справедливому замечанию профессора-кавказоведа Н.И. Покровского, основной недостаток официальных донесений российского командования на Кавказе в том, что «их авторам приходилось базироваться на слухах и сообщениях лазутчиков; слухи эти, впрочем, проверялись и некоторого доверия все же заслуживают. Достоинство этих донесений в том, что они описывают события по свежим следам, в то время как лучше осведомленные горские авторы в значительной мере писали по воспоминаниям»⁴⁸⁹. Обращаю внимание, что первыми по хронологии из официальных сообщений являются два письма генерала русской армии Аслан-хана Газикумухского, оба датированные 10 июля 1834 г. В первом, адресованном генерал-майору Вольховскому, говорится о том, что Гамзат-бек, «собрав ополчение из 30 000 человек, после шестидневной осады овладел Хунзахом, взял в плен сыновей Паху-беки»⁴⁹⁰ и ныне там еще проживает. При этом Аслан-хан отмечает некоторые интересные подробности, например: «Гамзат имеет намерение первоначально покорить нас, дабы потом сделать нападение на русских в их владениях. Имея на своей стороне дагестанцев, он требует от ханов с 10 человек их подвластных по одному, также припасов всякого рода и денег... требует также и от чеченцев

---

⁴⁸⁶ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 68.

⁴⁸⁷ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 64.

⁴⁸⁸ Гамзат-бек – второй имам... – С. 16.

⁴⁸⁹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 317.

⁴⁹⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 27.

припасов и людей...»⁴⁹¹. Но самое главное, Аслан-хан верно представляет политическую ситуацию в регионе, заявляя, «что еще никогда подобного сему в Дагестане не происходило»⁴⁹². Во втором письме к барону Г.В.Розену Аслан-хан пишет, что «большая половина дагестанских народов приняла сторону Гамзад-бека и чрез то собралось к нему войско 30 тыс. чел., с коим не трудно было ему овладеть Хунзахом и, призвав к себе сыновей Паху-беки, умертвить их»⁴⁹³. В высшей степени интересным для историка-исследователя представляется и отношение барона Г.В.Розена к военному министру Российской империи А.И.Чернышеву от 31 июля 1834 г., из которого следует, что, «собрав всех приверженных к себе в числе нескольких тысяч человек, он (Гамзат-бек. – Авт.) обратился на Аварию и, по шестидневной блокаде Хунзаха, главного места сего владения, принудил ханшу Паху-бике помириться с собой, вытребовал к себе трех сыновей ее, в числе их и самого владельца Нусаль-хана, и вероломным образом всех умертвил с бывшими при них аварцами»⁴⁹⁴. Здесь, как видим, спустя три недели появляется квалификация убийства как «вероломное». Смущает и противоречие между словами «принудил ханшу помириться с собой» и фактом истребления ханов. Мы специально выделяем данное противоречие, поскольку оно явилось следствием противоречивости самих событий. Прав профессор-кавказовед Н.И.Покровский, который подчеркивал: «На то или иное истолкование этого противоречия позже обращено было немало внимания, а толкования зависели уже от точек зрения»⁴⁹⁵. Через восемь дней после своего первого сообщения Г.В.Розен, видимо, получив дополнительные сведения, отправляет в Санкт-Петербург уже более подробное донесение: «Гамзад-бек 7 дней содержал в блокаде Хунзах – главное место Аварского ханства, разорил окрестные селения и истребил хлеба. Устрашенная сим, мать владельца Паху-бике согласилась примириться с ним. Он дал клятвенное обещание прекратить с

---

⁴⁹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 27..

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Материалы по истории Дагестана и Чечни... – С. 288.

⁴⁹⁴ Отношение Г.В. Розена к А.И. Чернышеву от 31.07.1834 г. № 719 // ЦВИА ВУА. Д. 6294. Л. 20, 20 об.

⁴⁹⁵ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 318.

нею вражду. В залог верности своей она выдала ему младшего сына своего Булач-хана. После чего Гамзад вытребовал к себе самого владельца Нусал-хана и брата его Умма-хана. Между Умма-ханом и одним из приближенных Гамзада завязался спор, и когда сей последний объявил Умма-хану, что по правилам шариата ему и брату его за послушание должно быть дано по 41 удару палкой, то Умма-хан выстрелом из пистолета убил его, за что и сам был заколот племянником Гамзад-бека Мурад-беком»⁴⁹⁶. Как видим, российское командование на Кавказе получало довольно подробные сведения от разного рода шпионов из Дагестана, что говорит о его пристальном внимании к происходящему в аварском ханстве. «Тогда Нусал-хан мгновенно, – продолжает Г.В. Розен, – один за другим последовавшими выстрелами, поверг бездыханными помянутого Мурад-бека и другого племянника Гамзад-бека Чобана, а сам был убит собственным своим нукером, мстившим ему за смерть братьев своих. Аварцы в числе 30 человек, бывшие с Нусал-ханом, бросились на палатку Гамзада и истребили в оной 11 человек его сообщников, но и сами все умерщвлены товарищами их»⁴⁹⁷. Здесь необходимо отметить, что данное сообщение Г.В. Розена уже не упоминает о вероломстве Гамзат-бека, более того, оно «освобождает имама от подозрений в подготовке убийства»⁴⁹⁸. Можно даже предположить, что причиной расправы были не только распоряжения имама Дагестана. Его мюриды, представлявшие собой в основной массе простых горцев, ненавидели аварских ханов, а потому и умертвили их. Несколько иной представляет картину разыгравшейся трагедии летописец Мухаммад Тахир аль-Карахи, который писал: «Они (Гамзат-бек и Шамиль. – Авт.) около 15 дней требовали от них обязательности шариата с выполнением его предписаний... Наконец, дело пошло к примирению с выдачей Булача, сына Паху-бике. Булач был доставлен в Харачи. Двое других сыновей Паху-бике, Нусал-хан и Умма-хан, их приближенные из алимов, знати и слуг, около 200

---

⁴⁹⁶ Отношение Г.В. Розена к А.И. Чернышеву от 09.08.1834 г. // АКАК. – Т. 8. – С. 584.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 319.

пошли приветствовать Гамзата. Они остались там и перемешались с войсками»⁴⁹⁹. Таким образом, судя по приведенному тексту, Гамзат-бек добился своей цели, т.е. силовым давлением восстановил союз с ханским домом и рассчитывал теперь опереться на него для последующих действий против российского командования на Кавказе. Обращаем внимание на фразу, брошенную Г.В.Розеном в его цитированном выше отношении от 31 июля 1834 г.: «...принудил ханшу Паху бике помириться с собой». Однако в момент, казалось бы, успешного примирения возникают подозрения в вероломстве ханов. К ближайшему сподвижнику имама Шамиля обращается посланец ханши по имени Ахверды со следующим обращением-поручением: «Хамзат (Гамзат-бек. - Авт.) слушается твоих слов, так склони же его [к уходу] от нас на земли равнины, а сам возвращайся от него, и тебе за это две сотни туманов наличными»⁵⁰⁰. Шамиль тотчас же сообщил об этом Гамзат-беку, вышедшему из палатки, где он принимал ханов. Разумеется, такой поворот событий должен был встревожить и имама, и его ближайшего помощника. Однако они остались внешне спокойными. По П.Г. Пржецлавскому, Гамзат-бек, поняв, что его обманули, воскликнул: «Я сделаю из их костей муку и выдублю их кожи!»⁵⁰¹ Аль-Карахи добавляет к этому, что Шамиль получил сведения, что «пришедшие с Нусал-ханом и Умма-ханом сговорились между собой убить Хамзата, Шамиля и Сайда аль-Ихали. На каждого из них они отобрали по три человека из своих рядов для совершения убийства после возвращения от Гамзата этих двух ханов, сыновей Паху-бике»⁵⁰². Чтобы испытать искренность хунзахцев, Гамзат-бек предъявил им ряд дополнительных требований, в частности: выдать ему находившегося у хунзахцев «одного убийцу из Мехельты для того, чтобы отомстить ему или же простить его», «вернуть Рамаката Киндали в руки одного из их слуг»⁵⁰³. На эти требования хунзахцы ответили отказом. Тогда

---

⁴⁹⁹ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 63.

⁵⁰⁰ Хроника Мухаммеда-Тахира аль-Карахи... – С. 64.

⁵⁰¹ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 320.

⁵⁰² Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 67.

⁵⁰³ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 64.

имам предложил им уничтожить укрепления Хунзаха, что должно было пониматься так: если ханы искренне «объединяются с мюридами, Хунзах должен быть лишен возможности превратиться в опорный пункт антимюридического выступления в тылу у имама, когда последний двинется на плоскость, против царских войск»⁵⁰⁴. На это хунзахцы согласились (по другим данным – нет) и решили вернуться в Хунзах, но войско имама их не пустило. По Хайдарбеку Геничутлинскому получается, «что хунзахские вельможи не соглашались с приказаниями и запретами Хамзата (Гамзат-бека. – Авт.), даже якобы вознамерились нарушить заключенный уже договор, гарантировавший им безопасность. Дело с их стороны дошло до обнажения оружия»⁵⁰⁵. Первым это сделал мулла Мирза-Хаджияв, который, схватившись за оружие, воскликнул: «Эй вы, молодцы Хунзаха, приложите всю вашу мощь в силу в избиении этих!»⁵⁰⁶, после чего начался рукопашный бой. В этом бою пали из хунзахцев Абу-Нуцал-хан, Умма-хан, Нурмухаммад-кади, Мирза-Хаджияв и другие почетные и авторитетные люди. Из сторонников Гамзат-бека полегли: Мурад-бек, брат имама Дагестана, Эмир Чопан, Умар из Гочатля, Мухаммад Дибир из Рикюани, Мухаммад Али из Гимры и др.⁵⁰⁷ Незадолго перед схваткой имам Гамзат-бек пошел на речку для омовения, а когда он вернулся, бой уже был закончен. Мухаммад Тахир аль-Карахи подчеркивал: «Когда Гамзат вошел к себе, то нашел свою подушку в нескольких местах простреленной. Оказалось, хунзахцы думали, что там находится имам, и стреляли в него»⁵⁰⁸. Из всего этого, на мой взгляд, можно сделать вывод, что в создавшейся ситуации не было «вероломного» заманивания ханов в ловушку. Более того, аль-Карахи, писавший свое сочинение по рассказам Шамиля и других современников еще до падения имамата, считал истребление ханов делом Всевышнего: «...И был истреблен последний из того народа, который угнетал. И хвала Аллаху, владыке миров.

---

⁵⁰⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 320.

⁵⁰⁵ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 69.

⁵⁰⁶ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 65.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же.

Они хитрили. Эти неверные люди работали хитро, но оказалось, и Аллах хитрил, а Аллах лучший из хитрецов»⁵⁰⁹. При этом в его рассказе нет подтверждения желания Гамзат-бека истребить аварских ханов.

Излагая историю гибели аварских ханов, ничего не говорит об участии Гамзат-бека в их убийстве другой автор – Гаджи-Али, который подчеркивал: «...Паху-бике решила послать двух сыновей своих с горстью оставшихся при ней храбрецов, сказавши им: «О, герои, не страшитесь, будьте, как львы, и уповайте на Бога». Гамзат-бек принял сыновей Паху-бике в своей палатке. После вечерней молитвы Гамзат-бек и Шамиль покинули лагерь. Сразу же началась перестрелка между хунзахцами, приехавшими с ханами, и мюридами. Нуцал-хан и Нур-Мухаммед Аварский были убиты перед палаткой, а Умма-хан в палатке. Хунзахцы, полагая, что Гамзат-бек находился в то время в палатке, испещрили ее меткими выстрелами, как решето»⁵¹⁰. Данная версия, хотя и отредактированная издателями, в целом, напоминает предыдущее сообщение. Однако и по сей день в историографии Кавказской войны присутствует факт «вероломного» нападения Гамзат-бека на аварских ханов и их истребление. Известный профессор-кавказовед Н.И. Покровский верно, на мой взгляд, подчеркивал: «Картина даже в том виде, в каком она была зафиксирована во втором донесении Розена, не отвечала ни целям царизма, ни задачам мюридистской пропаганды»⁵¹¹. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо, по моему убеждению, и меть в виду, что на протяжении всей народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни царизм всячески старался дискредитировать предводителей этой борьбы. Если известного чеченского шейха Мансура представляли российской общественности идеологи империи «итальянским миссионером» и проводником турецкой политики⁵¹², то первого имама Дагестана Гази-Мухаммада не иначе как «возмутителем», «мятежником» и

---

⁵⁰⁹ Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 67.

⁵¹⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле... – С. 26.

⁵¹¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 324.

⁵¹² Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. – 1956. – № 10. – С. 19–39.

«изувером»⁵¹³, а впоследствии российское командование на Кавказе и буржуазно-дворянская историография награждали подобными эпитетами и будущего третьего имама Дагестана и Чечни Шамиля. Не избежал такой «участи» и имам Гамзат-бек, которого царизм старался изобразить «дикарем-полузверем, хитрым предателем, жаждущим крови благодетельствовавших его аварских ханов для достижения аварского ханского престола»⁵¹⁴. Поэтому в последующих повествованиях многих русских авторов стали появляться надуманные описания отдельных подробностей, якобы сохранившихся в памяти очевидцев. Профессор-кавказовед Н.И.Покровский прав, по нашему убеждению, когда подчеркивал: «В результате возникли легенды, передающие историю истребления ханов и вполне отвечавшие задачам, ставившимся перед этими «очевидцами» и историками»⁵¹⁵. На наш взгляд, в данном выводе ученого просматривается железная логика настоящего историка. Повторимся еще раз, что в истории Кавказской войны и, в частности, в деятельности второго имама Дагестана Гамзат-бека слишком много надуманных сюжетов, противоречивых фактов и откровенных баек. Не избежал таких фальсификаций и подполковник Генерального штаба Российской Императорской армии А.А. Неверовский⁵¹⁶. Используя материалы Маклача (к тому времени еще неопубликованные), он в 1848 г. выпустил брошюру, где имам для исполнения своего «коварного замысла»⁵¹⁷, «прибегнув к лицемерию»⁵¹⁸, выманил молодых ханов к себе, а затем их погубил. А.А.Неверовский приводит еще такой эпизод: «Для произведения большого влияния на умы хунзахцев Гамзат-бек велел подстричь усы присланным ханшей почетным жителям, проколоть им ноздри и продеть через них нитки с привязанными к ним кусками хлеба (чурека), запретив под страхом смертной казни вынимать их прежде прибытия в

---

⁵¹³ Материалы по истории Чечни и Дагестана... – С. 225, 274..

⁵¹⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 324.

⁵¹⁵ Там же. – С. 324.

⁵¹⁶ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов. – СПб, 1848.

⁵¹⁷ Там же. – С. 18.

⁵¹⁸ Там же.

Хунзах. Поступок варварский, достойный сына дикой природы!»⁵¹⁹. Разумеется, после таких слов имам «не заслуживает» никаких симпатий, ни доли уважения и почета.

Задачу дискредитации Гамзат-бека в глазах общественности Дагестана должны были выполнить изданные в «Кавказском сборнике»⁵²⁰ следующие материалы: 1) очерк, составленный по показаниям Маклача, 2) очерк о смерти аварской ханши Баху-бике, составленный на основе аварских преданий, 3) аварская песня об истреблении ханов и 4) предание о заговоре против Гамзат-бека.

Первый очерк, описывающий происшедшую трагедию с подробнейшими речами участников события и деталями, выглядит явно надуманным. Например, в обращении Гамзат-бека к прибывшему к нему Умма-хану говорится: «Я не сделал никакого зла вашему дому и не намерен делать, потому что не думаю отнимать у вас Аварии. Все слухи, распушенные недоброжелателями, совершенно ложны; я прошу у вас только одного: не убивайте и не старайтесь убить меня. По принятой мною обязанности и по моему сану я буду заниматься распространением тариката. Отец мой Али-Аскер-Бек служил верою и правдою отцу твоему Султан-Ахмет-хану. Все желания мои состоят в том, чтобы служить так же верно нынешнему хану по примеру отца моего. Все войска мои отдаю в его распоряжение! Одна у меня просьба: позволить мне в вашем доме проживать, как в прежние годы. Я буду помогать вам моими советами и опытностью, если в них встретится вам надобность»⁵²¹. При этом молодой хан, не зная, что отвечать на льстивые и покорные слова имама, сидел молча и неподвижно. Тогда, по версии Маклача, раздался насмешливый голос одного из приближенных имама по имени Али: «Умма-хан, неужели во всем Хунзахе не нашлось умнее и опытнее тебя, чтобы понять слова имама и отвечать на

---

⁵¹⁹ Неверовский А.А. Истребление аварских ханов. – СПб, 1848. – С. 19.

⁵²⁰ Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана // КС. – 1911. – Т. 31. – С. 15–20.

⁵²¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 17.

них»⁵²². На возражение одного из приближенного хана хунзахского старшины Гиммата, который хотел говорить с имамом от имени хана, Гамзат-бек ничего не ответил, а повел Умма-хана посмотреть на стрельбу в цель, устроенную мюридами для забавы. По приезду старшего хана в лагерь имама, который при виде Абу-Султан-Нуцал-хана принял его «с рабской почтительностью, как своего властелина»⁵²³, состоялся разговор, после чего хан «благодарил Гамзата в самых искренних выражениях и обещал ему вечную дружбу»⁵²⁴. Далее автор заявляет, что «гнусный замысел Гамзата увенчался желательным успехом: два хана, из которых одного страшился он, находились в его власти»⁵²⁵.

Версия, передаваемая от имени Маклача, утверждающая, что после отправки к Гамзат-беку Булач-хана в качестве заложника, Баху-бике направила в лагерь имама второго своего сына, и только спустя некоторое время отправился туда и Нуцал-хан, противоречит другим историческим фактам и источникам. Если Маклач, говоря о конвое, сопровождавшем ханов, отмечает 20 нукеров, то по данным Мухаммеда Тахира аль-Карахи, их было 200 человек. Следует особо подчеркнуть, что только в этом сюжете имеются и другие спорные места, противоречия, надуманные версии и явные ошибки, которые мешают установлению исторической истины.

Эта история наглядно демонстрирует ужас, который испытывала аварская ханша перед кровожадным имамом Дагестана, и недоверие к нему. Здесь приводятся «точные» слова ханши, Абу-Нуцала, Гамзат-бека и пр. Одним словом, как верно заметил профессор Н.И.Покровский, история «слишком точна, чтобы быть достоверной»⁵²⁶.

Переходя к описанию картины убийства в Хунзахе, автор очерка замечает: «Вскоре Гамзат вышел из палатки, а с ним и два его мюрида... Немедленно распорядился он назначением убийц, и когда все было готово,

---

⁵²² РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 17..

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 324.

велел сделать залп из ружей по ханским нукерам, стоявшим подле палатки»⁵²⁷. Уже сам тон рассказа с усиленным подчеркиванием «гносного замысла», а также удивительно подробное описание кровопролитной схватки с мельчайшими деталями вызывают некоторое сомнение в их достоверности. К тому же, сравнение с другими фактами и историческими источниками показывает, что Маклач умалчивал о многих существенных подробностях. Зато описание кровавой схватки дается подозрительно детально, скорее всего, преследуя неблагоприятные цели. Так, например, вызывает сомнение и дата убийства, которую приводит Маклач. По его мнению, случилось оно 13 августа 1834 г. Однако это противоречит официальным данным. Таким образом, его версия с истинной картиной никак не вяжется, но, тем не менее, задачу свою она выполнила, т.к. отвечала официальной политике российского командования на Кавказе. Поэтому, по моему убеждению, с ней приходится сталкиваться почти во всех последующих научных и публицистических работах. Возможно, что эта же версия повлияла и на описание истребления аварских ханов, данное в одной неизвестной арабской рукописи, «Книге сведений о храбрости удальца Хаджи Мурада», о которой упоминает Н.И. Покровский⁵²⁸. Возможно, что автор биографии Хаджи-Мурата попытался просто соединить версии аль-Карахи и Маклача, внося в рассказ Мухаммеда Тахира сообщение о приказе истребить ханов, якобы данным Гамзат-беком войску. Но эта явно позднейшая вставка свидетельствует лишь о том, что в кругах аварской аристократии определенные силы постоянно вращали версию преднамеренного убийства, а виновником «назначили» второго имама Дагестана. К этому следует добавить, что крайне негативно представляет действия имама Гамзат-бека известный историк Гасан-Эфенди Алкадари, который подчеркивал: «Разве возможен такой имамат, шариат или тарикат, по которому он несправедливо обманул и жестоко убил несовершеннолетнего мусульманина (аварского

---

⁵²⁷ Гамзат-бек – второй имам... – С. 19.

⁵²⁸ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля ... – С. 325.

хана. – Авт.) и слабую старуху (ханшу Баху-бике. – Авт.)!»⁵²⁹. Подчеркну и то, что отрицательно впоследствии отнесся к истреблению аварских ханов известный дагестанский мудрец и поэт Гаджи Юсуф Аксайский, откликнувшийся на этот поступок своим стихотворением, включенным в «Асари Дагестан»⁵³⁰. И, наконец, крайне важным для представления реальной кровопролитной картины, произошедшего у Хунзаха, является свидетельство главного очевидца событий - Шамиля, будущего имама Дагестана и Чечни. В беседе с приставом А.И.Руновским он говорил: «Нечаянное... убийство аварских ханов обратило на него (Гамзат-бека. – Авт.) внимание народа и дало ему возможность, несмотря на всю его административную неспособность, продержаться в звании имама целых полтора года»⁵³¹. Добавим и то, что Гамзат-бек не желал проливать кровь ханов, о чем говорил Шамиль своему летописцу аль-Карахи. Последний приводит слова имама: «Познавший Аллаха всевышнего, Шамиль поклялся собирателю этой книги, т.е. Мухаммеду Тахиру в том, что у Хамзата (Гамзат-бека. – Авт.) и тех, кто был с ним, не было намерения убивать кого-либо из хунзахцев, кроме тех двух злоумышленных убийц: Буга ац-Цудакари и Малачи ат-Тануси»⁵³². Обращаю внимание на то, что слова Шамиля, по моему убеждению, соответствуют исторической правде, так как многолетний руководитель национально-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни был действительно верующим человеком и он вряд ли мог пойти на фальсификацию фактов, преднамеренный обман и компромисс с совестью. Это подтверждается и записями (дневником) П.Пржецлавского, который сообщал, что Шамиль настойчиво утверждал, «будто бы ни он, ни Гамзат-бек не имели никогда намерения уничтожить фамилию ханов Аварских»⁵³³. Здесь следует обратить особое внимание, что Шамиль говорил об отсутствии у Гамзат-бека намерения убивать аварских ханов не тогда, когда он был в

---

⁵²⁹ Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан... – С. 130.

⁵³⁰ Там же. – С. 131.

⁵³¹ Дневник полковника А.И. Руновского // АКАК. – 1904. – Т. 12. – С. 1499.

⁵³² Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи... – С. 64.

⁵³³ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля ... – С. 323.

плену у русских, а когда он был авторитетным и признанным руководителем народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни и проживал в Ведено. Если бы эту версию Шамиль излагал, будучи пленником русских в Калуге, то его можно было подозревать в том, что имам хочет снять с себя и с Гамзат-бека подозрение в преднамеренном убийстве аварских ханов. Однако исторические факты свидетельствуют о другом, а именно: произведение аль-Карахи, то есть та часть, где говорится о трагедии в Хунзахе, было закончено (в этой части) между 1850 и 1855 годами,⁵³⁴ когда Шамиль был имамом Дагестана и Чечни. Кроме того, сам Мухаммед-Тахир считает истребление ханов правым делом и подчеркивает, что убийство произведено было горской массой без каких бы то ни было распоряжений имама или его сторонника. Об этом говорит и Хайдарбек Геничутлинский, который подчеркивал: «Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.), сломав хребет могучим тиранам (аварским ханам. – Авт.) и накрутив носы спесивым гордцам (аварским ханам. – Авт.), вознося хвалу Аллаху, вступил затем в обитель власти – княжеский дворец»⁵³⁵. Что касается даты вступления Гамзат-бека в Хунзах, то она точно неизвестна. Например, доктора исторических наук, профессора С.К. Бушуев⁵³⁶ и Р.М. Магомедов⁵³⁷ сообщают, что Гамзат-бек подошел к Хунзаху в августе 1834 г., что, на мой взгляд, неверно, поскольку они пользуются недостоверными и путанными данными Маклача⁵³⁸, хотя мы располагаем датированными данными по этому факту. Такая же неясная картина с датой истребления аварских ханов. Профессор Р.М. Магомедов указывает, что «это было 13 августа 1834 г.». Но как и каким образом Асланхан Газикумухский мог знать об убийстве еще 10 июля, когда он пишет об этом русскому командованию (см. выше)?

Таким образом, исходя из всего архивного и историографического материала, использовавшегося для прояснения сложной и противоречивой

---

⁵³⁴ Крачковский И.Ю. Новые арабские материалы по истории Шамиля в Институте востоковедения Академии наук СССР // ИСб. – 1936. – Вып. 5.

⁵³⁵ Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки... – С. 69.

⁵³⁶ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля... – С. 81.

⁵³⁷ Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1991. – С. 58.

⁵³⁸ Гамзат-бек – второй имам... – С. 15.

обстановки и описания более достоверных с точки зрения исторической науки действий, можно предположить, что это событие не могло произойти раньше 24 июня и позже 10 июля 1834 г. И, наконец, считаем важным привести версию того, что произошло при Хунзахе летом 1834 г. из воспоминаний сына и внука знаменитого шамилевского наиба Хаджи-Мурата. Появившиеся в печати в 1925 г., они несколько удивляют своей смелостью, аргументацией и в определенном смысле оригинальностью. Одним из главных участников хунзахской трагедии 1834 г. был небезызвестный Аслан-хан Газикумухский. По версии потомков известного и отважного дагестанского наиба, главными зачинщиками вступления Гамзатбека в Хунзах и убийства аварских ханов были местные жители: некие Хаджиясул Магома и его дядя Алибек-оглы из рода Хаштихилал⁵³⁹.

Приводя известную историю отказа аварской ханши Баху-бике выдать свою дочь за сына Аслан-хана Газикумухского, авторы повествуют о заговоре последнего против ханши. С этой целью хан написал письмо Баху-бике, в котором говорил: «Зачем ты боишься рода Хаштихилал? Зачем ты дала им право управлять ханством? Ты пришли ко мне из них самого храброго, чтобы убить его, остальных убей сама»⁵⁴⁰. Здесь надо пояснить, что, по преданиям, Аслан-хан пытался выяснить, кто в Хунзахе «самый решительный человек, доводящий до конца задуманное»⁵⁴¹. Ему указали на Хаджиясул Магому, который хотел жениться на Баху-бике, а последняя «водила его за нос, но так и не вышла за него замуж»⁵⁴². Поэтому Аслан-хан пошел на контакт с этим хунзахцем. Итак, доверившись письму, ханша действительно отправила Хаджиясул Магому к Аслан-хану с запечатанным письмом в полной уверенности, что хан покончит с ним. В письме говорилось: «Я отправила к тебе Хаджиясул Магому, чтобы убить его, а я свою очередь убью его двух двоюродных братьев – Гази Магому и Магому и

⁵³⁹ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате / запись Гамзата Ясулова; предисловие А.А. Тахо-Годи; пер. с авар. Кацарилова // Дагестанский сборник. – Махачкала, 1927. Т. 3. – С. 8.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / сост., авт. предисловия и примеч. Халидова М.Р. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – С. 33.

⁵⁴² Там же.

детей Кудияу Алибека»⁵⁴³, что и сделала. Когда хунзахец приехал к Асланхану и вручил ему письмо, последний вскрыв его, тут же прочитал содержимое посланнику и предложил ему отомстить за кровь его убиенных родственников. После этого Хаджиясул Магома, не имея сил лично отомстить ханше, разработал план действий по водворению Гамзат-бека в Хунзах и уничтожению ханского дома. Несмотря на то, что данная версия малоубедительна, она говорит о далеко не благополучной общественно-политической и морально-этической атмосфере в хунзахском обществе Дагестана, свидетельством чему является переход многих аварских жителей, в том числе и хунзахцев, на сторону Гамзат-бека во время его наступления на Хунзах. Таким образом, разнообразие вышеизложенных версий не позволяет точно установить некоторые детали кровавых событий хунзахской трагедии 1834 г., но, в общем, историческая картина достаточно ясна, и ее можно представить следующим образом. Имам Дагестана Гамзат-бек, следуя избранной им политической линии, пытается силой принудить к совместному выступлению против российских войск на Кавказе аварскую ханшу. Она вынуждена согласиться, и дает имаму в аманаты своего младшего сына Булач-хана. Юного заложника Гамзат-бек отправляет в селение Гоцатль. Здесь известный профессор-кавказовед Н.И. Покровский подчеркивает важную деталь, что «Булач оставался в живых до самой смерти Гамзат-бека, что не вяжется с преднамеренным убийством остальных ханов»⁵⁴⁴. У нас нет никаких оснований не доверять историку Н.И. Покровскому, который во всех своих научных исследованиях придерживался основополагающих принципов научно-исследовательской работы – правдивости, объективности, научности, историзма и т.д. Кроме того, известный ученый зарекомендовал себя настолько объективным в подходах к рассматриваемым явлениям, в том числе и к истории Кавказской войны, что его даже при большом желании трудно заподозрить в конъюнктурной

---

⁵⁴³ Сказания народов Дагестана о Кавказской войне ..... – С. 9.

⁵⁴⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 322.

ангажированности – недопустимой «болезни», которой страдают многие современные ученые-кавказеды. Возвращаясь к анализу хунзахской трагедии 1834 г., необходимо подчеркнуть, что для обсуждения последующих совместных действий в лагерь имама отправляются Абу-Нуцал-хан и Умма-хан. Поскольку в составе войск Гамзат-бека явно преобладают уздени «вольных» обществ Дагестана, и особенно койсубулинцы, т.е. аварцы, к которым аварская ханша Баху-бике относилась с недоверием и опаской, молодые ханы попадают в морально-психологическую атмосферу исключительной ненависти горцев к феодалам. В результате некоторых трений по пустяковому поводу вспыхивает ссора. При этом практически все источники свидетельствуют об отсутствии там в этот момент имама Гамзат-бека. Хунзахские представители, опасаясь решительно настроенных мюридов, пытаются покинуть лагерь Гамзат-бека, но в последовавшей затем сутолоке оба хана, а также многие прибывшие с ними хунзахцы, были убиты. Внимательный и всесторонний анализ фактов и исторических документов позволяет делать вывод, что инициатором убийства был не имам Дагестана Гамзат-бек, их убили горцы, находящиеся в лагере, видя в аварских ханах своих заклятых врагов. С совершившимся фактом имаму оставалось только смириться. Поэтому, по моему убеждению, нет оснований приписывать Гамзат-беку руководящую роль в расправе над ханами, которая противоречила личным убеждениям и всей его политике.

§3. Смерть Гамзат-бека и оценка его деятельности на начальном этапе народно-освободительной борьбы горцев Дагестана в первой трети XIX в.

После кровавой трагедии летом 1834 г. близ Хунзаха имам Дагестана Гамзат-бек вступает в столицу аварских ханов. Здесь он не встречает никаких преград и сопротивления. Кровавая драма, происшедшая ранее, произвела гнетуще впечатление на хунзахцев и несколько надломила их дух. Поднявшись в дом ханов, во дворе которого собрался народ, Гамзат-бек

прочел во всеуслышание стих Корана, где говорилось: «Бог дает власть желанному и отнимает у нежеланного». В ответ на это присутствующий тут хунзахец алим Халимбек, сын Раджаба, рассерженный, сказал громко такой стих: «И эти судьбы мы изменим». Имам Гамзат-бек тут же приказал разыскать его и убить за эти слова, но Халимбек скрылся среди присутствовавшего народа, и его не смогли найти⁵⁴⁵. К этому времени дом аварских ханов оказался покинутым хозяевами. По всей видимости, ханша Баху-бике, владея информацией о гибели сыновей и их свиты, ночью переехала в соседний аул Геничутль, предварительно распределив домашнее имущество по семьям, которые оставались преданными ханскому дому. Это подтверждает аль-Карахи: «Хамзат (Гамзат-бек. – Авт.) указал Шамилю с десятком его товарищей отправиться ... в дом Баху-бике...чтобы посмотреть, на имущество. В это время Баху-бике находилась в селении Гинчук (Геничутль. – Авт.)...»⁵⁴⁶. Следует подчеркнуть, что ханский дом Шамиль нашел совершенно пустым. Тогда он пригрозил собравшимся жителям Хунзаха конфискацией их собственного имущества, если ханское добро не будет возвращено. Только после этой угрозы жители стали приносить ханские вещи. Исторический источник свидетельствует: «Все, что принадлежало ханам, имам передал в «байтулмал», т.е. в достояние мюридизма, как военную добычу...»⁵⁴⁷. Погрузив возвращенное имущество на восемь арб, Шамиль отправил их в Гоцатль. В это время одним из первых конкретных действий Гамзат-бека стал неотложный арест Сурхай-хана, двоюродного брата Абу-Нуцал-хана. Как уже отмечалось выше, он был чанка и мог вступить на ханский престол только в случае смерти законных ханов. Двое из них были уже убиты. А судьба младшего Булач-хана была под вопросом, поэтому имам хотел нейтрализовать главного претендента на аварское ханство. Вернувшись из Геничутля в Хунзах, ханша Баху-бике, как свидетельствует исторический источник, продемонстрировала решительный

---

⁵⁴⁵ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате... – С. 10.

⁵⁴⁶ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 65.

⁵⁴⁷ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате... – С. 10.

характер: «твердым шагом вошла во двор дома..., не смутившись поздравила она Гамзат-бека с получением нового сана»⁵⁴⁸, после чего по распоряжению имама ханшу убивают. По версии Маклача, Гамзат-бек объяснял этот поступок «тем, что при жизни ханша стала бы просить защиты у русских, которые не отказали бы дать ей помощь»⁵⁴⁹. Обращаю внимание, что в такой аргументации имеется большая доля логики. В то же время, совершенно другое объяснение дает Абдурахман Газикумухский, который писал: «Люди Авара (Хунзаха) настаивали на убийстве Баху-бике, иначе она не даст покоя никому из мусульман. Гамзат-бек не дал добро убивать ее, говоря: «Что можно ожидать от женщины, от ее уничтожения нет пользы». Тогда они вторично настояли на этом и принудили его покончить с ней»⁵⁵⁰. То же произошло и с ханшей Китлилай. В этот же день подобная участь была уготована Сурхай-хану, а старая ханша Кистаман-бике была отправлена на хутор Хинуб, расположенный ниже Хунзаха в ущелье. Еще раз обращаю особое внимание на разные версии и трактовки учеными-исследователями событий в Хунзахе в 1834 г. Среди этих версий и трактовок одни представляются более логичными, и, стало быть, более правдоподобными, а другие явно ангажированными в угоду определенной политической конъюнктуре. В этой связи представляются малоубедительными и бездоказательными утверждения известного московского ученого-кавказоведа, профессора В.В.Дегоева, который заявляет, что ханше Баху-бике «отрубили голову, ...когда она читала Коран!»⁵⁵¹ Замечу, что, вынося столь суровый вердикт, В.В.Дегоев никого из своих предшественников-исследователей не цитирует. Надо полагать, что это его собственное заключение. Но и оно, как мне представляется, должно опираться на какой-то документ, чье-то авторитетное мнение или хотя бы на газетную информацию. В противном случае ученый-исследователь уподобляется

---

⁵⁴⁸ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 20.

⁵⁴⁹ Там же.

⁵⁵⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... – С. 40.

⁵⁵¹ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С.81.

обычному фальсификатору истории, в чем бы очень не хотелось упрекать известного московского кавказоведа.

Некоторой таинственностью окутана и ситуация выбора Гамзат-беком своего административного центра. Еще до вступления в Хунзах Шамиль обратился к нему со следующей речью: «Отныне самое соответствующее тебе – это сидеть у себя дома в Гоцатле со смирением, раскаянием и сокрушением. А я буду осуществлять твое дело и заботиться о нем в нашей стороне, точно так же Саид аль-Ихали – в его стороне, Газияв аль-Карати – в его стороне и Кибид Мухаммад ат-Тилики и Абд ар-Рахман аль-Карахи – в их сторонах»⁵⁵². Шамиль, по моему убеждению, был абсолютно прав, понимая, что если Гамзат-бек вздумает обосноваться в Хунзахе, то устроит там же своими руками себе ловушку. По свидетельству аль-Карахи, Гамзат-бек согласился с мнением Шамиля. Но вскоре в отсутствие последнего, который занимался отправкой арб с ханским имуществом в Гоцатль, «собрались к Гамзату ученые..., они беседовали между собой и сочли прекрасным, если Гамзат будет находиться там, в доме управления»⁵⁵³, т.е. в ханском доме. Имам предпочел остаться в населенном беками и ханскими нукерами Хунзахе и здесь готовить поход на плоскость Дагестана. Абсолютно точно невозможно объяснить поступок Гамзат-бека. Может быть, он посчитал, что Хунзах находится в центре Дагестана и, как подчеркивал профессор-кавказовед Н.И.Покровский, «Аварское ханство, войдя теперь в состав имамата, требует самого ближайшего надзора»⁵⁵⁴. Нам представляется, что причины отказа имама лежат значительно глубже. Следуя совету Шамиля «сидеть со смирением и раскаянием и сокрушением» в Гоцатле, тогда как Шамиль, пользовавшийся заслуженным авторитетом среди койсубулинских (аварских) узденей, будет «осуществлять дело», действующий имам Дагестана рисковал упустить руководство народно-освободительным движением. Очевидно, по тем же причинам имам в полной

---

⁵⁵² Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 65.

⁵⁵³ Там же. – С. 66.

⁵⁵⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 327.

мере не использовал народно-освободительное движение в Чечне, где «мулла Таш Хаджи, несколько раз производивший в Чечне беспокойства, принял явно сторону Гамзат-бека и приглашает чеченцев к общему... восстанию»⁵⁵⁵. В этой связи логично затронуть вопрос о правомочности именования Гамзат-бека имамом Чечни. Если в имамстве Дагестана это не вызывает сомнения, то в Чечне Гамзат-бек практически не проводил никаких действий, кроме волнений чеченцев, связанных с его антироссийскими действиями в Дагестане. Например, распускались слухи, что Гамзат-бек, подобно первому имаму Дагестана Кази-мулле, нападет на Кизляр, Моздок и другие города и станицы⁵⁵⁶. Тем не менее, как указывает генерал Г.Розен, «чеченцы не пристали к возмутителю, но беспокойство между ними усиливается»⁵⁵⁷. Анализ этих свидетельств и архивных документов, конечно же, не дают оснований считать Гамзат-бека имамом Чечни. Следует подчеркнуть, что второй имам Дагестана все время противился росту узденского влияния, стремился к союзу с бекскими кругами. «Его главная и единственная цель, – считает профессор-кавказовед Н.И.Покровский, – ведение войны за независимость без использования крестьянской борьбы. Потому-то он так неохотно пользовался поддержкой койсубулинцев (аварцев. – Авт.)»⁵⁵⁸.

Не остается незамеченным и некий конфликт между Гамзат-беком и Шамилем, происшедший после истребления аварских ханов. Мухаммад-Тахир аль-Карахи сообщает, что Шамиль обратился к имаму с просьбой снабдить его войско одеждой, т.к. оно находилось в походе около трех месяцев и за это время обносилось. Но Гамзат-бек не обратил серьезного внимания на эту просьбу, и, вернувшись, Шамиль сказал своим товарищам: «Будет добро и благо для нас, если мы оставим Гамзата одного на год до тех пор, пока народ забудет все то, что мы сделали с ним. Мы ведь были суровы с ним и разгневали его»⁵⁵⁹. Если вспомнить, что койсубулинское (аварское)

---

⁵⁵⁵ ЦГИА РГ. Ф. 1087. Д. 1244. Л. 154.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 327.

⁵⁵⁹ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шаек в некоторых шамилевских битвах... Ч. 1. – С. 66.

ополчение было приведено к Хунзаху именно Шамилем, то это сообщение, по справедливому замечанию профессора Н.И.Покровского, «можно расценить лишь как конфликт Гамзат-бека с койсубулинцами и отказ последних поддерживать имама»⁵⁶⁰. Другими словами, горская масса Дагестана постепенно отходила от вождя народно-освободительной борьбы, навязывавшего соглашение с дагестанскими беками. Скорее всего, точку зрения Гамзат-бека отражал и совет ученых, где имели перевес сторонники имама, ратовавшие за то, чтобы имам обосновался в Хунзахе. Судя по некоторым фразам аль-Карахи, Гамзат-бек «собрал вокруг себя хунзахцев и старался сделать их истинными мусульманами»⁵⁶¹, т.е. вел переговоры с хунзахскими беками и стремился примирить их с мюридизмом. В этой связи небезинтересно и сообщение барона Г.Розена военному министру Российской империи А.И.Чернышеву от 16 августа 1834 г. о том, что Гамзат-бека чеченцы называют ханом⁵⁶². Однако после трагических событий 1834 г. в Хунзахе дагестанские беки были больше склонны к союзу с царизмом, чем к поддержке имама Дагестана.

В письме к почетным жителям Хунзаха Ахмед-хан Мехтулинский выражает соболезнование в связи с гибелью ханского дома. «Мы слышали о беде на вашей земле и в доме нашего покойного дяди. Лились мои слезы, и горело сердце из-за бедствий, обрушившихся на них и на ваших юношей, служивших дяде моему... Гамзат и его приближенные убили женщин, малолетних детей, уничтожили милосердие в Дагестане, водворили вражду к владетелям, а врагов ваших сделали владетелями, предоставив им все права в стране, освободив ваших рабов»⁵⁶³. Дальнейшие высказывания Ахмед-хана уже говорят о предстоящем отмщении за пролитую кровь своих родственников. Архивный источник сообщает: «Мы и другие мусульмане слышали ваше намерение объединиться для мщения и расплаты, для истребления этих нечестивых и их приверженцев. Ваше мужество доставило

---

⁵⁶⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля... – С. 327.

⁵⁶¹ Мухаммад Тахир аль-Карахи. Три имама... – С. 19

⁵⁶² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 35.

⁵⁶³ ДГСВК... – С. 134.

нам и всем людям нашей страны радость. Да поможет Аллах вам расплатиться с нечестивцами, которые оскверняют дела ислама, чинят вред мусульманам, добиваясь власти... Вы являетесь ближайшими родственниками нам и убитым. От вас зависит поднятие знамен наших предков, от вас зависит возвышение имен наших отцов»⁵⁶⁴. Процитированный документ, на мой взгляд, представляет большой интерес, т.к. дает возможность судить о деятельности феодальных владетелей Дагестана, готовивших заговор против Гамзат-бека. И это произошло довольно скоро. В отношении военному министру Российской империи А.И.Чернышеву командир отдельного Кавказского корпуса генерал Г.Розен докладывал о начавшихся преследованиях владельцами Дагестана жителей, принявших сторону Гамзат-бека. Например, Ахмед-хан Мехтулинский со своим отрядом спустился к сел. Аракани и отбил стадо у местных жителей – приверженцев имама Дагестана. Абу-Муслим Тарковский со своими подвластными выступил к ирганайскому спуску, намереваясь напасть на Ирганай, а прапорщик Уллубий Эрпелинский и Юсуф-бей Каранайский, подойдя к Гимрам, завязали с гимринцами перестрелку. Архивный источник свидетельствует: «Следствием сих тревог было то, что многие койсубойлинцы, оставив Гамзат-бека, возвратились в свои жилища для защиты оных»⁵⁶⁵. Тем не менее, кровавая трагедия в ханском доме в 1834 г. и действия Гамзат-бека произвели большое впечатление и на русское командование на Кавказе. «Действительно, – отмечал барон Г.Розен, – сей смелый мятежник (Гамзат-бек. – Авт.), действуя силой фанатизма и ужасом истребления, произвел большое влияние на всех дагестанцев»⁵⁶⁶. Одни были напуганы стремительным восхождением имама Дагестана, другие спешили найти в нем союзника, третьи готовились к военным действиям.

По сведениям Маклача, в лагере имама Дагестана произошел особый случай, который, по нашему мнению, стоит того, чтобы на него обратить

---

⁵⁶⁴ ДГСВК... – С. 134..

⁵⁶⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 18.

⁵⁶⁶ АКАК. – Т. VIII. – С. 682.

внимание. Во время схватки аварских ханов со сторонниками Гамзат-бека ханскими нукерами был смертельно ранен двоюродный брат имама Чупан-бек, сын жителя Гоцатля Имам-Али. В свое время он пристыдил Гамзат-бека, после чего последний перешел к первому имаму Дагестана Гази-Мухаммаду. Гамзат-бек привез Чупан-бека в Хунзах, а оттуда в Гоцатль к его отцу. Там раненый прожил всего три дня, пока не скончался. Когда Чупан-бек был привезен в Гоцатль к своему отцу, «перед смертью, раскаиваясь в содействии в убийстве законных своих ханов, он просил своего отца Имам-Али, ради его души, сохранить от смерти малолетнего Булач-хана, который впоследствии мог бы получить принадлежащее ему Аварское ханство»⁵⁶⁷. Отец выполнил просьбу умирающего сына и с тех пор держал у себя малолетнего Булач-хана. А тем временем приехавшему на похороны двоюродного брата в Гоцатль Гамзат-беку вручили письмо от Аслан-хана Газикумукского, которое имам прочел во всеуслышание. В нем говорилось: «Гамзат-бек, я узнал, что ты убил родственников моих, и твоих повелителей - Абу-Нуцал-хана и Умма-хана. Их убийство ляжет на тебе справедливым гневом Аллаха, но убийство ханши Баху-бике обрушится на тебя всей тяжестью и моего мщения! Не найдешь ты места на земле, где мог бы от него укрыться»⁵⁶⁸. Но было еще одно письмо, и тоже от Аслан-хана, которое он показал только нескольким приближенным. В нем говорилось: «Спасибо тебе, Гамзат-бек! Ты исполнил свое обещание как нельзя лучше; дай Бог, чтобы в наш век было побольше таких молодцов, как ты. За это я признаю тебя моим сыном, и тебе осталось только идти на Цудахарское общество. В случае нужды я буду тайно помогать тебе»⁵⁶⁹. Таким образом, имам Дагестана оказался в крайне сложном общественно-политическом и морально-этическом положении, когда одни приближенные его поддерживали, а другие посылали ему проклятие и желали его смерти. Покорив Аварию, Гамзат-бек, однако, имел еще опасных противников в лице Акушинского и Цудахаринского обществ,

---

⁵⁶⁷ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 26.

⁵⁶⁸ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 20.

⁵⁶⁹ Там же.

которыми управляли соответственно Мухаммад и Аслан-кади. По свидетельству офицера Генерального штаба Российской Императорской армии подпоручика Кузьминского, «предугадывая намерения Гамзата, они имели во всегдашней готовности довольно значительные силы для его отражения»⁵⁷⁰. Подкрепленный надеждой на помощь от Аслан-хана, Гамзат-бек собрал до 4 тыс. человек, с которыми «перешел Карадахский мост и ночью внезапно напал на деревни Салты и Кудали»⁵⁷¹. Заняв эти аулы, имам написал письмо Аслан-кади Цудахарскому и старшинам аулов, где требовал пропустить его с войском через их земли, объявляя им намерение свое идти к Дербенту. Посовещавшись со старшинами, Аслан-кади решил собрать силы и противостоять Гамзат-беку, в связи с чем «цудахарцы вышли поголовно, а акушинцы следовали за ними»⁵⁷² и обратили войско имама в бегство. За это царское правительство пожаловало кадиям и старшинам Акуши и Цудахара ценные подарки. Таким образом, поход, предпринятый против цудахарцев и акушинцев с одними хунзахцами, без участия койсубулинцев, закончился для Гамзат-бека поражением. Шамиль в это время был в Гергебиле, где трое суток собирал ополчение. В это время Гамзат-бек, обуреваемый большими страстями и жадной мести вернулся в Хунзах, где занялся основательным приготовлением для нападения на цудахарцев, акушинцев и Мехтулинское ханство. Не забыл он приказать и заготовить большое количество пороха и свинца. Кроме того, имам отправил своих верных сподвижников в общества Койсубулинское, Гумбетовское, Андийское, Технуцальское, Ункратльское, Богулалское, Чамалальское, Анкратльское, Тлейсерухское, Мукратльское, Гидатлинское, Келебское, Капучинское»⁵⁷³, требуя, чтобы они шли на сборы к Хунзаху.

Заняв ханский престол, Гамзат-бек считал первоочередной задачей упрочение своего нового положения. В данном контексте предполагалось утверждение в ханстве исламской религии и устройство жизни горцев по

---

⁵⁷⁰ Материалы по истории Дагестана и Чечни ... – С. 335.

⁵⁷¹ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 21.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Там же. Л. 21 об.

шариату. Из ханской столицы Хунзах превращался в идеологический и военно-политический центр Дагестана. Окружение имама, да и сам Гамзат-бек были обеспокоены тем, насколько удастся ему утвердиться в положении «имама Аварского ханства». Приближенные имама даже советовали ему жениться на Хайбат-бике, вдове Абу-Султан-Нуцал-хана, полагая, что этот брак, да еще с перспективой рождения наследника, дал бы захвату ханского престола некоторое юридическое оправдание⁵⁷⁴. Свой отказ от женитьбы имам объяснил тем, «что жена Нуцал-хана, кроме того, что беременна, принадлежала человеку, проклятому за богоотступничество, который курил табак, пил вино и был в связи с русскими, а потому ему, имаму, неприлично взять ее в жены»⁵⁷⁵. Вопреки советам многочисленных приближенных Гамзат-бек женился на дочери хунзахского чанки Амир-хана. А в доказательство своих жестких установлений религиозных предписаний в дагестанском обществе отдал приказ о запрете курения и употребления спиртных напитков, а «чтобы отличить последователей учения мюридизма, он велел каждому мюриду подстричь усы»⁵⁷⁶. Подобные и другие нововведения, предпринятые Гамзат-беком в Хунзахе, не могли положительно повлиять на умы местных жителей. К тому же имам, ставший, по существу кровником всей Аварии, избрал ее столицу местом своего пребывания и поселился в ханском доме. Знаток истории Кавказской войны М.Алиханов прав, когда пишет: «Это обстоятельство было принято как дерзкое глумление и, так сказать, переполнило чашу терпения гордых хунзахцев, которые и без того почти не скрывали своего негодования»⁵⁷⁷. В это время в Хунзахе готовился заговор, главой которого был один из приближенных к убитым аварским ханам по имени Осман, брат известного и легендарного наиба Шамиля Хаджи-Мурата. По некоторым данным, в заговоре принимал участие и сам будущий наиб Шамиля. О заговоре стало известно помощнику Гамзат-бека Хаджиясул Магоме, который и передал эти

---

⁵⁷⁴ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 22.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же. Л. 22 об.

⁵⁷⁷ Алиханов М. В горах Дагестана... – С. 171.

сведения имаму Дагестана. Но он не внял голосу предупреждения⁵⁷⁸ и отказался задержать Османа. Гамзат-бек ограничился лишь распоряжением, чтобы на следующий день хунзахцы явились на пятничную молитву в мечеть без оружия. Следует подчеркнуть, что вокруг второго имама Дагестана и в этой сложной и противоречивой ситуации существуют разные версии, которые в целом мешают установлению исторической истины. Так, например, существуют сведения, что «Гамзат был в такой слепой уверенности в счастливую судьбу свою, что смеялся... нелепости доноса, и когда казначей его Маклач принес в комнату Гамзата все серебро и золото, а в другие комнаты порох и 100 ружей, и, поставив большой котел, хотел наполнить его водой на случай осады хунзахцами ханского дома, Гамзат, хладнокровно смотревший на принимаемые меры предосторожности, засмеялся и велел оставить все приготовления»⁵⁷⁹. Обращаю внимание на то, что беспечность Гамзат-бека вызывала удивление уже у первых авторов, писавших о заговоре в 1834 г. в Хунзахе. В частности, Мухаммад Тахир аль-Карахи попытался так объяснить поведение Гамзат-бека. Имам якобы сказал: «Если идти в Гинчук (сел. Геничутль располагается недалеко от Хунзаха. – Авт.) для пятничной молитвы, то я вовремя не достигну его, и пятничная молитва пройдет мимо меня; если я пойду в мечеть, то буду убит несправедливо; если останусь здесь сидеть дома, то буду убит в наказание за оставление пятничной молитвы. Так какую же из двух смертей предпочесть для своей души?» Затем добавил: «Предпочту несправедливое убийство»⁵⁸⁰.

По другим сведениям, Гамзат-бек просто решил, что воли Аллаха не избежать. Можно предположить, что он считал еще возможным примирение с беками, не хотел верить в разрыв, с которым гибла вся его политическая направленность действий. В пятницу Осман, узнавший о том, что Гамзат-беку донесено о заговоре, явился в мечеть вместе с другими заговорщиками, скрывавшими оружие под своими бурками.

---

⁵⁷⁸ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 23.

⁵⁷⁹ Там же. Л. 24.

⁵⁸⁰ Хроника Мухаммеда Тахира альКарахи... – С. 68

Прежде чем вести повествование далее, необходимо затронуть вопрос о дате происшедшего в хунзахской мечети в 1834 г. Проблема в том, что и здесь, как и в некоторых других вопросах, связанных с Гамзат-беком, имеются явные противоречия и нестыковки. Так, в своем предписании генерал-майору М.П.Ланскому от 20 сентября 1834 г.⁵⁸¹ барон Г.В. Розен ссылается на письмо Аслан-хана Газикумухского от 10 сентября 1834 г. В то же время, в приложении к записке генерал-квартирмейстера Главного штаба Российской Императорской армии Шуберта Брискорну от 17 декабря 1834 г. присутствует дата: «4 сентября»⁵⁸². А Маклач приводит дату – 19 сентября⁵⁸³. Следуя за ним доктор исторических наук, профессор-кавказовед Р.М.Магомедов⁵⁸⁴ делает, на мой взгляд, также ошибку, утверждая, что Гамзат-бек был убит 19 сентября 1834 г. Этого быть не может, поскольку исходя из официального документа – письма, Аслан-хан знал об убийстве, как минимум, уже 10 сентября 1834 г. К этому следует добавить, что в отношении барона и генерала Г.В.Розена военному министру Российской империи А.И.Чернышеву от 25 сентября 1834 г. об убийстве Гамзат-бека говорится, что «7 числа сего сентября, когда он находился в мечети на молитве, убили его со всеми его приближенными»⁵⁸⁵. Здесь необходимо подчеркнуть еще раз разные версии и противоречивые сведения, в том числе в вопросе убийства имама. Факты и сведения здесь несколько разнятся в описаниях. Когда Гамзат-бек вошел в мечеть и начал продвигаться к мимбару, Осман, сидевший в первом ряду, встал и громко укорил присутствовавших в том, что они не встали при виде имама правоверных. А сын и внук Хаджи-Мурата утверждают, что Осман после этого подошел к Гамзат-беку и выстрелил в него из пистолета, после чего имам сразу скончался⁵⁸⁶. По другому представляет кровавую драму в мечети Маклач,

---

⁵⁸¹ Предписание барона Г.В. Розена генерал-майору М.П. Ланскому от 20.09.1834 г. № 888 // КС. Т. 32. Ч. 1. – С. 196.

⁵⁸² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6294. Л. 101 об.

⁵⁸³ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 25.

⁵⁸⁴ Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля... – С. 59.

⁵⁸⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6288. Л. 139.

⁵⁸⁶ Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате... – С. 15.

который утверждает, что после восклицания Османа Гамзат-бек, почуввав неладное, попытался выйти из мечети, как тут же в него выстрелил из пистолета один из заговорщиков Магомет-Омар-оглы⁵⁸⁷. Еще одну версию убийства Гамзат-бека рассказал сам знаменитый и отважный Хаджи-Мурат в 1852 г. уже после своего перехода от Шамиля к русским. Давая показания по этому вопросу, он говорил: «Брат мой Осман, нанесший удар кинжалом Гамзату, был убит его нукерами»⁵⁸⁸. К этому следует добавить, что после смерти Османа во главе хунзахцев встал его брат Хаджи-Мурат, который распоряжался осадой аварского ханского дома. По проверенным источникам, здесь укрылись оставшиеся в живых сторонники Гамзат-бека. К дому подвезли сено и подожгли здание. Пытавшихся выскакать из огня мюридов сразу же убивали. Описывая расправу хунзахцев над последователями Гамзат-бека после его смерти в мечети в 1834 г., московский профессор-кавказовед В.В.Дегоев называет в их числе Шамиля, который «единственный остался невредимым и незаметно исчез с места действия»⁵⁸⁹. Однако, достоверно известно, что Шамиля не было в это время в Хунзахе, и о смерти имама он узнал в своем родном ауле Гимры. Это очередная фальсификация профессора В.В.Дегоева, который известен не только в Дагестане, но в целом и на Северном Кавказе, как ученый, допускающий немало искажений, ошибок и легковесных рассуждений, особенно, когда он упражняется в вопросах Кавказской войны. В этом легко убедиться, когда читаешь книгу его учителя и бывшего соавтора по книге «Кавказская война» доктора исторических наук, профессора М.М.Блиева «Осетия: кручина моя. Очерки. Кн.№1».⁵⁹⁰ Кроме того, достаточно ознакомиться и с некоторыми рецензиями известных специалистов-кавказоведов на труды профессора В.В.Дегоева⁵⁹¹, чтобы иметь четкое

---

⁵⁸⁷ РГАДА. Краткий очерк жизни Гамзат-бека... Л. 25.

⁵⁸⁸ Записка М.Т. Лорис-Меликова... – С. 668.

⁵⁸⁹ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин... – С. 83.

⁵⁹⁰ Блиев М.М. Осетия: кручина моя. Очерки. Кн. №1. Владикавказ. 2011. – С.130-138.

⁵⁹¹ Рамазанов Х.Х. Пороки одной книги о Шамиле // Дагестанская правда. 2002, 18 марта; Гасанов М.Р. Кавказская война в кривом зеркале // Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала. 2004. С.410-418 и др.

представление о его серьезных ошибках и просчетах в вопросах Кавказской войны. Возвращаясь к гибели второго имама Дагестана, необходимо подчеркнуть, что труп Гамзат-бека несколько дней валялся на улице до того, как он был захоронен на хунзахском кладбище. В течение года в бывшей столице Аварского ханства не было власти – ни имамской, ни ханской, ни русской. Местная молодежь, объединившись в мелкие группы, беспредельничала, каждый день силой отбирали скот и хлеб у жителей, предавались разгулу⁵⁹². Еще свежи были в памяти события в Хунзахе, а русское командование начинает задумываться о будущем аварского ханства и его роли в российской политике на Кавказе и, в частности, в Дагестане. Внезапная смерть Гамзат-бека, да еще от руки своего же соплеменника – мусульманина, конечно же, порадовала генерала Г. Розена. Однако для решения всех общественно-политических проблем этого было недостаточно. «Смерть Гамзат-бека, – отмечал он, – облегчает возможность хотя бы на некоторое время водворить в Дагестане более спокойствия для надежнейшего успеха в сем...»⁵⁹³.

Из наследников аварских ханов, на которых царскому командованию можно было ставить ставку, остались двое: младший сын Баху-бике Булачхан, находящийся в заложниках у мюридов, и малолетний сын убиенного Сурхай-хана Фатали-бек. Царский генерал барон Г.Розен писал военному министру Российской империи: «Я предписал генерал-майору Ланскому узнать, которому из них более предан народ аварский и кто по сему для нас будет более полезен, и стараться прислать ко мне обоих, дабы лично узнать их и внушить им расположение к правительству и как они должны вести себя между тем, по соображении всех обстоятельств, с представлением о высочайшем утверждении в Аварии владельца, который бы нам мог быть наиболее полезен»⁵⁹⁴. Замечу, что вышеназванным кандидатурам не суждено было стать ханами. Фатали-бек впоследствии примкнет к имаму Шамилю, а

---

⁵⁹² Гулла. Мемуары. Предания о Хаджи-Мурате... – С. 15.

⁵⁹³ ДГСВК... – С. 137.

⁵⁹⁴ ДГСВК... – С. 137.

Булач-хана пришлось выдать последователям уже нового имама Шамиля, и через некоторое время он был казнен. «Так, – по словам современника, – был истреблен последний человек из племени угнетателей». Однако это не совсем верно. Молодая вдова Абу-Султан-Нуцал-хана Хайбат-бике, сестра Абу-Муслима Тарковского, родила сына, которого назвали в честь деда – Султан-Ахмед-хан. В 1835 г. она переехала в Тарки, поселилась в доме шамхала, где через два года умерла⁵⁹⁵. А старая ханша Кистаман-бике, переехав в свой дом в сел. Дургели, где воспитывала внука в течение года, а потом, после ее смерти, местный житель Алиаскер, сын которого был молочным братом ханского наследника, взял его к себе и воспитывал до 1843 г.⁵⁹⁶. Затем на мальчика обращает свое внимание Правительство Российской империи, и молодой хан официально был провозглашен правителем Аварии, регентом при нем стал генерал-майор Аслан-хан Кюринский и Казикумухский⁵⁹⁷.

Султан-Ахмед-хан был устроен в Пажеский корпус на обучение и воспитание, с тем чтобы затем молодой хан принялся за управление Аварским ханством. Но этого не произошло ввиду его ранней смерти.

Выводы по третьей главе

1. Союз сторонников мюридизма с феодалами Дагестана действительно был способен усилить борьбу против царизма, но одновременно участие дагестанской знати в народно-освободительном движении вызывало протесты со стороны узденчества «вольных» обществ и бедняков из ханств. Сопротивление, исходящее от дагестанского общества, подвергающееся принудительному преобразованию, стало характерным явлением во время имамского правления Гамзат-бека. Реакция отторжения шла как в нижних, так и в верхних социальных слоях раннефеодальных образований Дагестана, а также в социально однородной среде патриархальных горских общин.

---

⁵⁹⁵ РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 313. Л. 26 об.

⁵⁹⁶ Там же.

⁵⁹⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 163. Л. 20.

2. Анализ литературы по Кавказской войне, а также архивных документов позволяет утверждать, что второй имам Дагестана не оправдал свое назначение. Он не стал общенациональным лидером, поскольку не имел нужных качеств для этого и прочной базы в Дагестане. Созданный им союз аварских ханов с приверженцами мюридизма был слаб и непрочен. Не оправдав чаяний народных масс, Гамзат-бек не был в состоянии удовлетворить и запросы феодальных владетелей Дагестана. И то, и другое усугубляло кризис народно-освободительного движения и грозило его погубить.

3. В 1834 г. российское командование на Кавказе, почувствовав угрозу объединения всех сословий Дагестана, сделало все возможное, чтобы не допустить этого. Российским военным это удалось. Изменение тактики аварских ханов приводит к конфликту с имамом, а затем и к разрыву с ним. Попытки вызвать в ханах патриотические чувства не приводят к желаемому результату. Более того, происходит трагедия, в которой гибнет практически весь аварский ханский дом.

4. Крушение аварского ханского дома явилось знаменательным событием в политической жизни не только Дагестана, но в целом и Кавказа. Впоследствии Гамзат-бек совершает стратегическую ошибку, поселившись в аварском ханском доме, что вызвало неудовольствие хунзахцев и привело к трагической развязке – убийству в мечете Гамзат-бека. Таким образом, попытка Гамзат-бека включить в борьбу с царизмом объединенные силы аварских ханов, беков и узденей потерпела поражение. Новый имам Дагестана и Чечни Шамиль избрал уже совершенно иную политическую линию, а хунзахцы тесно связались с царизмом и противниками мюридизма в Дагестане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании был рассмотрен спектр вопросов, связанных со слабо изученной проблематикой, посвященной военно-политической деятельности второго имама Гамзат-бека в Дагестане в 20–30-е гг. XIX в. На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Занимая маргинальное положение в социальной иерархии, Гамзат-бек, будучи чанка, не мог претендовать на сколько-нибудь значительную роль в системе традиционной общественно-политической жизни Дагестана, где происхождение человека ограничивало его возможности. Для пассионарного Гамзат-бека, аварский ханский дом, или, как его часто называли, дворец, хорошо ему известный с детства, поскольку он рано лишился родителей и воспитывался в доме аварских ханов, должен был стать его мечтой. Но один раз, пристыженный своим дядей и, познакомившись с первым имамом Дагестана Гази-Мухаммадом, он избрал совсем другой путь, который открыл большие перспективы. Став рьяным последователем народно-освободительного движения горцев Дагестана, Гамзат-бек вскоре выходит в первые ряды и приобретает популярность среди дагестанцев. Он также получает благосклонное расположение первого имама Дагестана, который поручает ему возглавить военные операции. В Джаро-Белоканских походах Гамзат-бек уже самостоятельный предводитель большого войска, и здесь проявляется его тяготение к политическому эгоцентризму. Не замечая общенародных дагестанских интересов, плохо скрывая собственные амбициозные цели, Гамзат-бек слишком открыто и прямолинейно добивался осуществления поставленной задачи. Впоследствии в его действиях подобная прямолинейность становится исключительной характерной чертой. Это сказалось не только на военных, но и на политико-идеологических итогах его решений и действий. Потерпев поражение, и попав в плен к русским, он рисковал на этом закончить свою общественно-политическую и военную деятельность. Однако отсутствие продуманной политики российского

командования на Кавказе помешало царским войскам использовать Гамзат-бека в своих целях. Выход Гамзат-бека к русским для переговоров, а затем его арест и пленение многие историки-исследователи трактуют как переход на сторону бывшего противника с требованием для себя пенсии и благополучной последующей жизни. Всесторонне исследуя множество архивных документов, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, а также огромный пласт историографических исследований по истории Кавказской войны, автор диссертации приходит к выводу, что дело обстояло значительно сложнее со многими противоречиями и неожиданностями, а поведение Гамзат-бека было всего лишь дипломатическим маневром ввиду безысходности возникшей ситуации.

2. Гамзат-бек не раз доказывал свою верность первому имаму Гази-Мухаммаду и в целом народно-освободительному движению горцев Дагестана. Однако по стечению обстоятельств его не оказалось в октябре 1832 г. в Гимрах, где Гази-Мухаммад оборонялся от наступающих войск барона и русского генерала Г. Розена. Данный факт не дает права обвинять Гамзат-бека в предательстве или каком-либо другом злом умысле. Именно в предательстве или умышленном затягивании помощи Гази-Мухаммаду обвиняли Гамзат-бека не только отдельные его современники, но и значительная часть последующих историков-исследователей. Это станет предметом острого обсуждения чуть позже, когда Гамзат-бек будет избран вторым имамом Дагестана, и многие современники, а затем и исследователи Кавказской войны будут упрекать Гамзат-бека в умышленном затягивании помощи имаму, с тем чтобы после его гибели стать предводителем горцев Дагестана. Несмотря на наличие альтернативных кандидатур на пост имама и разноречивые мнения о Гамзат-беке, он, как неординарная личность, вполне мог рассчитывать на большинство голосов на собрании, где избирали имама, что и произошло на выборах. Существенным вкладом в избрание Гамзат-бека имамом явилось, безусловно, волеизъявление шейха Мухаммад аль-Яраги. По его мнению, после гибели первого имама Дагестана Гази-Мухаммада

внутри народно-освободительного движения крайне острые разногласия между знатью и узденчеством могли привести к большой дестабилизации в Дагестане. Избрание Гамзат-бека вторым имамом, по мнению уважаемого и авторитетного шейха, должно было утихомирить страсти первых и примирить вторых.

3. Вступив на должность имама, Гамзат-бек располагал небольшой сферой влияния и незначительными военными силами. Эти силы не могли, естественно, его удовлетворить. Поэтому он считал первоочередной своей задачей расширение сферы влияния, чтобы подвластное население в нужный момент было готово сформировать вооруженное ополчение. Решению этой задачи Гамзат-бек подчинял все свои политические решения и поступки. Даже тогда, когда речь шла о таком принципиальном пункте его программы, как война с Российской империей. С первых дней своей политической деятельности в качестве имама Дагестана Гамзат-бек лишь на словах был за войну с Российской империей, на самом же деле он вовсе не хотел вооруженного столкновения с русскими. Более того, он непрочь был установить с российской администрацией на Кавказе такие отношения, которые создали бы ему максимально благоприятные условия для решения главного вопроса – о сфере влияния и власти в Дагестане. Российское командование вопреки своим сомнениям соблюдала тактику невмешательства, поддерживая мирные инициативы имама. При этом оно исходило из того, что Гамзат-бек, возможно, не будет так агрессивен, как его предшественник, и стремилось не провоцировать открытое антироссийское вооруженное выступление горцев. Имам Дагестана хорошо понимал эту тактику, и она его вполне устраивала, ибо позволяла ему заняться решением главной задачи – вовлечением «вольных» обществ Дагестана в орбиту мюридизма. Однако успехи Гамзат-бека были столь значительны, что русское командование обратило на это серьезное внимание. К тому же в период восхождения Гамзат-бека к власти осложнились отношения между аварским ханским домом и российским командованием на Кавказе.

Причиной этого стала явная поддержка, оказываемая ханской семьей новому имаму Дагестана. Возникла сложная общественно-политическая ситуация, когда феодальные владетели, с одной стороны, опирались на военную мощь царизма, а с другой – пытались использовать массовое народно-освободительное движение, чтобы ослабить напор царизма. В этой сложной ситуации Гамзат-бек прилагал максимальные усилия к тому, чтобы достойно возглавив народно-освободительное движение, утвердить свою собственную власть.

4. На долю второго имама Дагестана выпала трудная миссия – создание мусульманской теократической государственности – имамата, которую до конца не смог выполнить его предшественник. Гамзат-бек пытался «строить» государственное образование не на базе готовых политических объединений (ханств), а на основе подчинения отдельных, главным образом мелких «вольных» обществ Дагестана. Успехи в объединении этих структур позволили ему приступить к строительству «политического центра», местоположением которого стало селение Гоцатль – родина имама. Сам Гамзат-бек постепенно приобретал черты владетеля, по своему положению напоминавшего хана: имам имел прислугу в лице нукеров. 1833 год для Гамзат-бека явился плодотворным во всех отношениях. Однако второй имам Дагестана считал свои достижения в народно-освободительном движении горцев весьма скромными, поэтому следующий год, по его замыслам и намерениям, должен был стать годом решительных военно-политических действий против российского командования на Кавказе. К разочарованию имама, 1834 г. начался с серьезных осложнений. Российское командование на Кавказе, прекратив выплату жалованья аварскому хану как стороннику Гамзат-бека, продолжало оказывать давление на ханский дом и, в конце концов вынудило ханшу и ее сына отказаться от союза с имамом. С предательством вчерашних союзников рушилась военно-стратегическая тактика и политика Гамзат-бека и всего народно-освободительного движения. Поворот в тактике ханов привел к конфликту с имамом, а затем и

к разрыву с ним. Второй имам Дагестана стал «тягостен и опасен» для аварских ханов. Являясь «бекским» имамом, он все же был предводителем значительной части горской массы и, несмотря на свое социальное происхождение, Гамзат-бек волей-неволей вовлекался в орбиту интересов большинства дагестанского народа и становился защитником этих интересов. Однако, конфликт между имамом и аварским ханским домом принял непримиримый характер, и российское командование на Кавказе, как и враждующие между собой стороны в Дагестане не сомневалось более в предстоящей вооруженной схватке. Измена ханов сделала невозможной перспективу дальнейших совместных действий. С этого момента Гамзат-бек готовится к нападению на Аварское ханство. Решив избавиться от Гамзат-бека, аварская ханша подсылала к нему наемных убийц. Но попытка оказалась безрезультатной. В июне 1834 г. Гамзат-бек, ободренный успехами первых военных акций, фактически приступил к полномасштабному покорению Аварского ханства. Двинув вооруженное ополчение на столицу аварского ханства - Хунзах, имам, однако, пытался все-таки примириться с ханами. Здесь происходит раскол в аварском доме вследствие разногласий между матерью – ханшой и ее сыном. В то время как ханша Баху-бике подчеркивала свое нежелание иметь дело с Гамзат-беком, сын ее Абу-Султан-Нуцал-хан непрочь был вести с ним переговоры и примириться, что и произошло. Вынужденная согласиться с требованием Гамзат-бека, ханша отправляет своего младшего сына Булач-хана вместе с несколькими почетными жителями Хунзаха в лагерь имама. Теперь, имея в руках младшего хана, Гамзат-бек мог уже смело диктовать свои условия его матери. Прибывшие затем в лагерь имама для обсуждения последующих совместных действий другие сыновья ханши - Абу-Султан-Нуцал-хан и Умма-хан были встречены благосклонно. Однако на бытовой почве в лагере произошел серьезный скандал. В результате этого многие ее участники были перебиты, в том числе и аварские ханы. Вступив в Хунзах, Гамзат-бек в силу

сложившихся чрезвычайных обстоятельств вынужден был уничтожить обитателей ханского дома: были казнены ханша Баху-бике и Сурхай-хан.

Заняв Хунзах и утвердив в нем свою власть, Гамзат-бек впал в эйфорию, на фоне которой произошел энергетический спад и образовался «вакуум» желаний и воли. Последующие военные действия его против цудахарцев и акушинцев не принесли удачи, и он начал усиленно готовиться к новым походам, запасаясь оружием и боеприпасами. Планы Гамзат-бека по объединению всех «вольных» обществ, а со временем и всего Дагестана были направлены на создание единой дагестанской государственности, но они не сбылись. Он слишком торопил события, допускал ошибки, перегибы, повторяя большой недостаток своего предшественника - имама, который преждевременно отправился в поход на Хунзах и потерпел там поражение. Более того, в стремлении создать сильный имамат Гамзат-бек полагался в основном на военные средства, не оставляя места идеологии, дипломатии, политике. Его поспешность и выбор средств для достижения главной цели во многом объяснялись необычайно трудными условиями создания государственности. Имам понимал, что политические, дипломатические и другие средства объединения «вольных» обществ Дагестана потребуют значительного времени, чего не хватало имаму, над которым постоянно нависала угроза карательных экспедиций российских войск на Кавказе. Обращаю внимание, что события в Дагестане развивались весьма стремительно. Пока имам обосновывался в новой столице и думал о принятии новых действий, против него зрел в Хунзахе заговор. Источники расходятся в отдельных деталях, связанных с организацией убийства имама. Однако в главном просматривается общая канва, которая вкратце сводится к тому, что заговорщики, недовольные поведением Гамзат-бека и всем тем, что произошло в Хунзахе в связи с его приходом туда, убили его. Как только было покончено с имамом, произошло вооруженное столкновение между его сторонниками и хунзахцами, в результате которого последние одержали верх.

5. В имперской дореволюционной литературе поступки Гамзат-бека под Хунзахом с точки зрения нравственности оценивались как «варварские», а политический портрет Гамзат-бека выводился одной черной краской. Советская историография усмотрела в факте уничтожения ханской семьи «антифеодалные» мотивы. Поэтому советские исследователи создали образ героя национально-освободительного движения, борца с «угнетателями» за социальную справедливость. Надо отдать должное имаму, сумевшему все-таки преодолеть в себе сословные предрассудки и обратиться лицом к народу. К концу своего имамства Гамзат-бек, наконец, окончательно делает выбор в пользу крестьянских масс, однако было уже слишком поздно. Разрыв с союзниками-ханами для самого имама становится роковым. Но весьма примечательно, что напоследок Гамзат-бек продемонстрировал всему дагестанскому народу приоритет общенационального дела перед сословными привязанностями. Сказанное выше вовсе не означает, что имам был лишен способностей предводителя, а его правление – смысла и результатов. Без соответствующих качеств Гамзат-бек едва ли смог бы стать имамом, к тому же, помимо логики, существуют и другие доказательства его способностей, таланта и масштаба. К этому следует добавить, что в психологии различают два вида лидерства: 1) формальное лидерство – процесс влияния на людей с позиции занимаемой должности; 2) неформальное лидерство – процесс влияния на людей при помощи своих способностей, умения или других ресурсов. Необходимо подчеркнуть, что личность второго имама Дагестана соответствовала обоим этим видам.

Гамзат-бек впервые почувствовал, каким именно должен быть силовой инструмент достижения авторитарной власти, и создал его в виде личной гвардии, укомплектованной из русских перебежчиков, которые зависели только от своего имама и служили ему идеальной опорой. В пользу проницательности Гамзат-бека говорит и то, что, в отличие от первого имама Дагестана Гази-Мухаммада, он сосредоточился на проблеме утверждения своей личной власти, не желая отвлекаться на военные действия против

Российской империи. Наоборот, он даже пытался найти общий язык с российским командованием на Кавказе. Во многом благодаря такому выбору приоритетов Гамзат-беку впервые удалось соединить духовное звание имама с ханской титулатурой и некий политический гибрид – «имам-хан», который оказался нежизнеспособным, но сам факт его появления указывал, что имам сделал еще один шаг вперед в понимании и осуществлении идеи – теократической государственности на территории Дагестана. Политический прагматизм был сильным оружием Гамзат-бека, и с его помощью он добился определенных результатов. Однако имелся роковой изъян – недостаток осмотрительности, что и погубило имама. Он был достаточно умен, чтобы поставить перед собой серьезную задачу и решить ее, но ему не хватило способности предвидеть, что будет следовать за ней, и идти дальше, т.е. политический утилитаризм подавил в нем утверждающее мышление.

6. Анализируя недолгое правление Гамзат-бека, можно с большой долей вероятности утверждать, что он вошел в историю как переходная фигура между первым имамом Дагестана Гази-Мухаммадом и третьим имамом Дагестана и Чечни Шамилем. Надо признать, что Гамзат-бек не обладал ни религиозным усердием своего предшественника, ни военными способностями своего преемника. Во втором имаме Дагестана было немало амбиций, а в его поведении преобладали импульсивные побуждения. В то же время полагаем неприемлемым считать приход Гамзат-бека к имамской власти следствием отсутствия политических соперников. Несмотря на то, что его правление было коротким и бурным, этот период можно охарактеризовать как кирпичик в фундаменте будущей продолжительной борьбы дагестанских народов за свое государство.

При всем этом налицо моральное осуждение поступков, которые произошли вокруг него, особенно убийства ханов. Гамзат-бек нарушил неприкосновенность личности человека из ханской фамилии. Бросив вызов одной традиции, имам поставил себя под угрозу наказания со стороны другой – кровной мести. В трагическом финале короткого периода имама

есть своя фатальная логика – Гамзат-бек выполнил свою историческую миссию так, как позволяло его дарование, объективные условия и судьба. Он действительно являлся героем, предводителем многих горских народов, ставших на путь организации нового общества, вождем беднейших народных масс Дагестана, которые разрушили наиболее продолжительный по времени и традиционный по укладу общественный патриархально-родовой строй.

7. Опыт Гамзат-бека показал, какое сильное сопротивление исходит от общества, подвергающегося принудительному преобразованию. Реакция отторжения шла и в нижних, и в верхних социальных слоях раннефеодальных образований, а также в социально однородной среде патриархальных горских общин Дагестана. В преодолении такой реакции недостаточно было найти адекватную силу. Необходимо было найти адекватную политику. Гамзат-беку это не удалось. Он погиб от рук тех, кто выполнял свой долг, предписанный обычаем кровной мести. Патриархальные устои отомстили Гамзат-беку за жестокую попытку ниспровергнуть их. И в этом смысле он пал жертвой системы, которая защищала себя от разрушения.

8. Итоги выполненного диссертационного исследования определяют дальнейший ход работы над темой, освещающей историю начального этапа народно-освободительной борьбы народов Северного Кавказа, еще более глубокое изучение аспектов этой сложной проблемы, которые не в полной мере стали объектом специального научного исследования с учетом требований современности. Дальнейшая разработка темы необходима вместе с выявлением новых источников, архивных материалов, правильной постановкой и ясной формулировкой новых научных проблем, выявлением противоречия между существующей парадигмой и вновь обнаруженными фактами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДОКУМЕНТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И МЕСТНЫХ АРХИВОВ

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

Ф. ВУА. Д. 6237. Сведения об Аварском ханстве.

Ф. ВУА. Д. 6239. Ч. II. О беспорядках в Джаро-Белоканах.

Ф. ВУА. Д. 6241. Переписка командующего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича и военного министра А.И. Чернышева; Прокламации И.Ф. Паскевича от 17.05.1830 г., № 174.

Ф. ВУА. Д. 6246. Собрание разнообразных документов 1806–1834 гг., относящихся к разным местностям Кавказа. Описание экспедиции дагестанского военно-окружного начальника М.П. Ланского в Северный Дагестан против Гамзад-бека с кратким обзором истории завоевания Дагестана, составленное подпоручиком Кузминским.

Ф. ВУА. Д. 6261. Журнал командира Отдельного Кавказского корпуса.

Ф. ВУА. Д. 6288. Журнал командира Отдельного Кавказского корпуса.

Ф. ВУА. Д. 6294. Об успехах Гамзат-бека в Нагорном Дагестане, об истреблении им аварского ханского дома и предпринятой против сего возмутителя экспедиции в Дагестанские горы под командою генерал-майора Ланского.

Ф. ВУА. Д. 6430. Прушановский К.И. Общий взгляд на причины и последствия беспорядков, возникнувших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горами.

Ф. ВУА. Д. 6512. Прушановский К.И. Историческая записка Генерального штаба штабс-капитана Прушановского о начале и развитии мюридизма или духовной мусульманской войны в Дагестане и Чечне с 182 по 1843 год.

Ф. ВУА. Д. 6550. Журнал командира Отдельного Кавказского корпуса.

Ф. ВУА. Д. 18502. Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск левого фланга Кавказской линии и соседственных покорных и непокорных.

Ф. 527. Оп. Д. 6. 1834–1835 гг. Выписка из журнала, веденного рядовым б. 43-го Егерского полка Станиславом Брановским во время нахождения его в бегах у горцев.

Ф. 846. Оп. 16. Д. 6237. Журнал командира Отдельного Кавказского корпуса.

Ф. 14719. Оп. 2. Д. 276. Переписка военного министра А.И. Чернышева и командующего Отдельным Кавказским корпусом И.Ф. Паскевича.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф. 1406 (Генерала Ермолова А.П.). Оп. 1. Д. 313. 29 л. Краткий очерк жизни Гамзат-бека.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

Ф. Главный архив 1–9. Д. 7. Тексты присяги на верноподданство Российской империи аварских ханов Абу-Султан-Нуцал-хана, Умма-хана, Баху-бике, Гихили.

Архив Российской академии наук (Архив РАН)

Ф. 100. Оп. 1. Д. 44. Пржецлавский П. Краткий очерк военных действий трех имамов Дагестана в период времени с 1829 по 26 августа 1859 г.

Ф. 100. Оп. 1. Д. 57. Прушановский К.И. Общий взгляд на причины и последствия беспокойств, происшедших в Дагестане от распространения фанатизма и секты мюридов между горцами.

Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ)

Военно-исторический отдел Кавказского военного округа. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17; Ф. 2. Д. 6774, 1311, 2415, 3108; Ф. 16. Д. 3333, 3742; Ф. 154. Д. 901, 2572, 6411; Ф. 416. Д. 451; Ф. 1087. Д. 346, 348, 358, 1244.

Ф. 1083. Оп. 6. Д. 344. Переписка линейного командования. 1842 г.

Ф. 1087. Д. 1244. Переписка главнокомандующего Г. Розена.

Ф. 1105. Оп. 1. Д. 510. Переписка с аварскими ханами.

Рукописный фонд Института востоковедения Российской академии наук (РФ ИВ РАН)

Исхак аль-Урми. Сведения об ученых. Д. 4360.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД)

Коллекция документов по истории движения горцев под руководством Шамиля. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1, 33. Оп. 2. Д. 1, 2, 3, 4; Оп. 3. Д. 1, 2; Оп. 4. Д. 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 12 а, 13, 14, 15.

Командующий войсками и управляющий гражданской частью в Прикаспийском крае. Ф. 3. Оп. 1. Д. 5, 23, 43; Оп. 2. Д. 2; Оп. 10. Д. 1.

Ф. 90. Оп. 2. Д. 30. Коллекция документов.

Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН)

Ф. 1. Оп. 1. Д. 16, 35, 46. Документальные материалы истории Дагестана досоветского периода.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1209. Описание военных действий в Среднем Дагестане.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 1659. Воззвание Гази-Магомеда и Гамзат-бека к горцам Дагестана.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний Саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина аль-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / пер. с араб. М.-С.Д. Саидова. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1997. – 868 с.
2. Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. – Махачкала, 1999. Ч. 1. – 124 с.; Ч. II. – 120 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1866–1904.
4. Алкадари Гасан-Эфенди. Асари Дагестан. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1994. – 222 с.
5. Арабоязычные письма эпохи Шамиля / сост., пер. с араб., введение, коммент., прим. и указатели Р.Ш. Шарафутдиновой. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – 264 с.
6. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / сост. и ред. В. Гаджиев. – Махачкала, 1995. – 196 с.
7. Гъазимухамад имам. – Махачкала: Шамилил фондалъул библиотека. 1992. – 174 с. (на авар. яз.)
8. Гамзат-бек – второй имам Чечни и Дагестана // Кавказский сборник. Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 1–30.
9. Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835 г. / ИГЭД. – М., 1958. – С. 337–353.
10. Геничутлинский Хайдарбек. Историко-биографические и исторические очерки. – Махачкала: Фонд Шамиля, ДНЦ РАН, 1992. – 176 с.
11. Головин Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1839 по конец 1842 г. // АКАК. – Тифлис, 1886. Т. IX. Ч. 1. – С. 304.
12. Гула и Казанбий. Предания о Хаджи-Мурате / запись Гамзата Ясулова; предисловие А.А. Тахо-Годи; пер. с авар. Кацарилова // Дагестанский сборник. – Махачкала, 1927. Т. 3. – С. 7–49.

13. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX века: Сборник документов / сост. В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 785 с.
14. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 гг. // АКАК. – Тифлис, 1904. Т. XII, ч. 2. – С. 1395–1528.
15. Заговор о Гамзате // Кавказский сборник. – Тифлис, 1911. Т. XXXI. – С. 36–37.
16. Записка об Аварском ханстве // АКАК. – Т. 7. – Тифлис, 1878. – С. 523.
17. Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата, по приказанию главнокомандующего (кн. М.С. Воронцова), состоящим при его светлости по особым поручениям гвардии ротмистром М.Т. Лорис-Меликовым // Русская старина. – СПб, 1881. – 10 февраля. – С. 668–677.
18. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – М., 1991. – 463 с.
19. История, географии и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: арх. мат. / под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – М., 1958. – 526 с.
20. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
21. Крачковский И.Ю. Арабская рукопись воспоминания о Шамиле // Записки Института востоковедения. – М., 1933. Вып. I–II. – С. 14.
22. Крачковский И.Ю. Новые арабские материалы по истории Шамиля в Институте востоковедения Академии наук СССР. – М., 1936. Вып. 5. – С. 19–24.
23. Лорис-Меликов М.Т. Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата гвардии ротмистром М.Т. Лорис-Меликовым // Русская старина. – СПб, 1881. – Март. – С. 668–672.
24. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. 1. 1801–1839 / сост. Г.Е. Грюмберг, С.К. Бушуев. – Махачкала: Даггиз, 1940. – 472 с.
25. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Хроника Мухаммада Тахира о дагестанских войнах в период Шамиля. – М.–Л., 1941. – 334 с.

26. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах. – Махачкала, 1990. Ч. I. – 144 с.; Ч. II. – 126 с.
27. Мухаммад Тахир аль-Карахи. Три имама. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 100 с.
28. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. – 552 с.
29. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / сост., пер. с араб., введ., коммент., примеч. и указ. Омарова Х.А. – Махачкала: Новый день, 2002. – 278 с.
30. Описание ханского дворца в Хунзахе // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 38–40.
31. Отношение И.Ф. Паскевича // АКАК. – Т. VI, ч. 2. – Тифлис, 1874. – С. 509.
32. Отношение барона Розена графу Чернышеву от 15.07.1832 г. № 13 // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 553.
33. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 26.10.1832 г. № 306 // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 567.
34. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 21.09.1833 г. № 689 // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 572.
35. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву от 12.10.1833 г. № 730 // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 572.
36. Отношение Г.В. Розена графу А.И. Чернышеву от 31.07.1834 г. № 719 // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 582.
37. Отношение Г.В. Розена к А.И. Чернышеву от 09.08.1834 г. // АКАК. – Т. VIII. – Тифлис, 1881. – С. 584.
38. Отчет наместника Кавказского и главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского за 1857–1859 гг. // АКАК. – Т. XII. – С. 1275–1394.
39. Переписка с Аварскими ханами // АКАК. – Т. VII. – Тифлис, 1878. – С. 520.
40. Песня об истреблении Аварских ханов и хунзахцев Гамзат-беком // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 34–36.

41. Письмо лезгинского владельца Алисканда кн. Цицианову // АКАК. – Т. II. – Тифлис, 1868. – С. 755.
42. Прушановский К.И. Выписки из путевого журнала Генерального штаба капитана Прушановского с 1823 по 1843 гг. // Кавказский сборник. – Т. 23. – Тифлис, 1902. – С. 1–73.
43. Рапорт ген.-адъют. Панкратьева барону Розену от 04.12.1831 г. № 1207 // АКАК. – Т. 8. – Тифлис, 1881. – С. 549.
44. Рескрипт Александра I на имя Кнорринга от 24.12.1801 г. // АКАК. – Т. 1. – Тифлис, 1893. – С. 753.
45. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 281–293.
46. Руновский А.И. Дневник полковника А.И. Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в гор. Калуге с 1859 по 1862 гг. // АКАК. – Т. XII. – Тифлис, 1904. – С. 1395–1527.
47. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов / под ред. В.Г. Гаджиева. – М.: Наука, 1988. – 357 с.
48. Скалон Ф.П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 276–279.
49. Смерть ханши Баху-бике // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 31–34.
50. Текст Георгиевского договора // АКАК. – Т. 2. – Тифлис, 1894. – С. 1009–1011.
51. Указ Екатерины II 28 февраля 1792 г. // АКАК. – Т. 2. – Тифлис, 1869. – С. 1123.
52. Феодалные отношения в Дагестане XIX – начало XX вв.: сборник архивных материалов / сост. Х.-М.О. Хашаев. – М.: Изд-во вост. лит., 1969. – 344 с.
53. Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 265–275.
54. Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи (о дагестанских войнах в период Шамиля) / пер. с араб. А.М. Барабанова. – М.–Л., 1941. – 336 с.

55. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов / под ред. Ш.В. Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд. МВД Грузии, 1953. – 560 с.
56. Щербачев А.П. Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. Ок. 1830 г. // ИГЭД. – М., 1958. – С. 293.
57. 100 писем Шамиля / пер. Х.А. Омаров. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1997. – 320 с.

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

58. Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 440 с.
59. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. – Махачкала, 1999. – 320 с.
60. Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана XVIII – первая половина XIX в. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 378 с.
61. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. XVII–XIX вв. (Кн. 1). – Махачкала, 1999. – 366 с.
62. Алиев К. Шаухалы Тарковские. – Махачкала, 2006. – 280 с.
63. Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев / сост. и авт. коммент. Р.Н. Иванов. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. – 416 с.
64. Алферьев П. Кази-Мулла и мюридизм в истории покорения Дагестана. – Казань, 1909. – 42 с.
65. Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. – М.: Центрполиграф, 2007. – 352 с.
66. Бестужев-Марлинский А. Письма из Дагестана // Соч.: в 2 т. Т. 2. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – 742 с.
67. Бланч Л. Сабли рая. – Махачкала: Юпитер, 1991. – 140 с.
68. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., ТОО «Росет». 1994. – 592 с.

69. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. – 878 с.
70. Блиев М.М. Осетия: кручина моя. Очерки. Кн.1. Владикавказ. 2011. – 140 с.
71. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала, 1996. – 32 с.
72. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – М., 1823. Ч. I. – 462 с.
73. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 184 с.
74. Вердеревский Е.А. Кавказские пленницы, или Плен у Шамиля. – СПб: Изд. тип. В. Готье, 1857. – 479 с.
75. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1995. – 196 с.
76. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965.
77. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Дагестана и Чечни. – М., 1998. – 512 с.
78. Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. – Махачкала, 1997.
79. Гасаналиев М. Первая Кавказская война: 1817–1864. Кн. 1. Сатрап. 1817–1828. – Махачкала, 2001. – 320 с.
80. Гасаналиев М. Первая Кавказская война: 1817–1864. Кн. 2. Газават: 1829–1839. – Махачкала, 2003. – 244 с.
81. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне в XIX веке. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – 464 с.
82. Дадаев М. Имам Хамзат-бек. <http://www.islamdag.ru/istoriya/2481>
83. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. – Махачкала: Ихлас, 2006. – 505 с.
84. Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966.

85. Даниялов Г.Д. Ислам Дагестана. – Махачкала, 1996. Т. 2. – 192 с.
86. Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: SPSL «Русская панорама», 2001. – 374 с.
87. Дзидзоев В.Д. Осетия в системе взаимоотношений народов Кавказа в XVII – начале XX в. Владикавказ. 2001. – 222 с.
88. Доного Х.М. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад. – Махачкала: Ахульго, 2007. – 198 с.
89. Доного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом. Миниатюры Кавказской войны 1817–1864 гг. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 380 с.
90. Доного Х.М., Касумов С.М. Имам Гамзат. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – 336 с.
91. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе (очерк Кавказа и народов, его населяющих). – СПб, 1871. – 324 с.
92. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб, 1888. Т. VI. – 765 с.
93. Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе (1842–1867). Ч. II. – СПб, 1879. – 326 с.
94. Ибрагимов М.-Н.А. Муса Балаханский. – Махачкала, 2009. – 302 с.
95. Иксуль В.Я. Имам Гамзат. Драма в 4-х действиях / Кавказские повести. – Цхинвали: Южно-Осетинское изд-во, 1966. – С. 223–276.
96. История Дагестана: в 4 т. – М., 1967. Т. I. – 344 с.
97. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1988. – 659 с.
98. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2005. – 720 с.
99. Кавказская война: истоки и начала. 1770–1820 годы. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – СПб: Изд-во журнала «Звезда», 2002. – 552 с.
100. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20–60-х гг. XIX в. – Махачкала: Юпитер, 2006. – 520 с.

101. Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. Избранные произведения. – Баку: ЭЛМ, 1985. – 424 с.
102. Ковалевский П.И. История завоевания Кавказа. – СПб, 1915. – 210 с.
103. Косвен М.О., Хашаев Х.-М.О. История, география и этнография Дагестана (XVIII–XIX вв.). – М., 1958. – 420 с.
104. Костенецкий И. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. – СПб, 1851. – 32 с.
105. Магомедов М.Б. Имамат: государственное строительство и его правовые аспекты. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 212 с.
106. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1991. – 146 с.
107. Магомедов Р.М. Народно-освободительная борьба горцев под руководством Шамиля в советской историографии // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. – Махачкала, 1994. – С. 32–38.
108. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 124 с.
109. Магомедов Р.М. У истоков Имамата // Гази-Мухаммад и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – С. 18–26.
110. Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. – Майкоп: МГТУ, 2006. – 200 с.
111. Набиева У.Н., Рамазанов А.Х. Государство Имамат. 1828–1859. – Махачкала, 1997. – 24 с.
112. Неверовский А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. – СПб, 1848. – 37 с.
113. Неверовский А.А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. – СПб, 1847. – 34 с.
114. Образцы арабоязычных писем Дагестана XIX в. / введение, издание текстов, пер., коммент. и статьи Х.А. Омарова. – Махачкала, 2002. – 248 с.

115. Острогорский М. Завоевание Кавказа. Рассказ из Отечественной истории (1801–1864 гг.). – СПб, 1880. – 32 с.
116. Пашаева Ш.Ю. Мухаммад аль-Яраги и кавказский мюридизм. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2003. – 270 с.
117. Петрушевский И. Джаро-Белоканские вольные общества в первой половине XIX в. – Махачкала, 1993. – 166 с.
118. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. – 584 с.
119. Потто В. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии и 100-летия занятия Тифлиса русскими войсками. – Тифлис, 1889. – 526 с.
120. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях // Собр. соч.: в 5 т. – СПб, 1895.
121. Потто В. История 44 Нижегородского драгунского полка. Т. II. – Тифлис, 1894. – 244 с.
122. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 5: Время Паскевича, или Бунт Чечни. – М., 2007. – 351 с.
123. Рамазанов А.Х. Государство и право Имамата. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003. – 120 с.
124. Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – 34 с.
125. Рамазанов Х.Х. Эпоха Шамиля. – Махачкала, 2004. – 342 с.
126. Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. – Махачкала, 1996. – 146 с.
127. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. – 122 с.
128. Романовский Д. Кавказ и Кавказская война. – М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. – 404 с.

129. Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. – Тифлис: Тип. гл. упр. наместника Кавказа, 1863. – 95 с.
130. Русские на Кавказе. Эпоха Ермолова и Паскевича. – СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – 352 с.
131. Сказания народов Дагестана о Кавказской войне / сост., авт. предисл. и примеч. Халидова М.Р. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – 168 с.
132. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1958.
133. Смирнов Н.А. Реакционная сущность движения мюридизма и Шамиля на Кавказе. – М.: Знание, 1952. – 24 с.
134. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 244 с.
135. Фадеев А.В. Кавказ в системе международных отношений. 20–50-е гг. XIX в. – М., 1957. – 344 с.
136. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1960. – 236 с.
137. Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2005. – 640 с.
138. Хаджиев Х. Имам Хамзат. – Махачкала, 1992. – 210 с. (на авар. яз.)
139. Хайбуллаев С. Поэтическая летопись Кавказской войны. – Махачкала: ИД «Эпоха», 2005. – 476 с.
140. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 146 с.
141. Халилов А.М. Шамиль и Кавказская война. – Махачкала, 1998. – 56 с.
142. Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. – М.: Академия наук, 1961. – 262 с.
143. Хашаев Х.-М.О. Феодалные отношения в Дагестане в XIX – начале XX века. – М., 1969. – 396 с.
144. Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – 434 с.
145. Шишкевич М.И. Покорение Кавказа. Персидские и Кавказские войны // История русской армии и флота. Т. 6. – М., 1911. – 212 с.
146. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Тифлис, 1914. – 246 с.

147. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Т. 1. – Тифлис, 1907. – 248 с.

148. Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказской войны в Чечне и Дагестане. – Тифлис, 1909. – 424 с.

На иностранных языках

149. Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. – L.; N. Y., 1908. – 350 p.

150. Blanch L. The Sabres of Paradise. – N. Y., 1960. – P. 112.

151. Der Kaukasus. – Berlin, 1882. – 120 S.

152. Koch K. Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und im Kaukasus. – Weimar, 1847. – 420 S.

153. Mozer L. The Caucasus and Its People, with a brief history of their wars and a sketch of the achievements of the renowned chief Schamyl. – L., 1856. – P. 139–140.

154. Warner. Shamil, le prophete du Caucase. – P., 1854. – 105 p.

СТАТЬИ

155. Абдулла Омар-оглы. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 13–64.

156. Аль-Газигумуки Абдурахман. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля. Калуга, 1281 г. х. «Хуласат ат-тафсил ан ахвал аль-имам Шамуил» / пер. с араб., введение, коммент. и указатели Н.А. Тагировой. – М., 2002. – С. 318.

157. Амиров М. Среди горцев Северного Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. VII. – Тифлис, 1873.

158. Аммаев М.А. Политика России на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века и Аварское ханство: актуальные проблемы всеобщей истории // Кавказ в геополитике великих держав. Кафедральный сборник № 1. – Махачкала, 2000. – С.18–33.

159. Атаев М.М. Баху Меседу-бике // Тарих. – 1997. – № 4. – С. 21–25.
160. Ахриев Н.Г. О некоторых вопросах истории движения кавказских горцев в первой половине XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 2. – Махачкала, 1957. – С. 52–63.
161. Багиров М. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – 1950. – Июль.
162. Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. – Тифлис, 1857. – С. 229–404.
163. Берже А.П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1860 г. – Тифлис, 1859. – С.1–260.
164. Берже А.П. Материалы для описания Нагорного Дагестана // Кавказский календарь на 1859 год. – Тифлис, 1858. – С. 253.
165. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, источники и сущность // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 55–73.
166. Бушуев С.К. Государственная система Имамата Шамиля // Историк-марксист. – 1937. – № 5–6. – С. 79–80.
167. Волконский Н. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. – Т. X. – Тифлис, 1886. – С. 145.
168. Волконский Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник – Т. X. – Тифлис, 1887. – С. 1–224; Т. XI. – Тифлис, 1887. – С. 1–185; Т. XII. – Тифлис, 1888. – С. 1–126; Т. XIII. – Тифлис, 1889. – С. 152–334; Т. XIV. – Тифлис, 1890. – С. 81–211.
169. Воронов Н. Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. III. – Тифлис, 1870.
170. Выписки из путевого журнала ген. штабс-кап. Прушановского (Исторические записки о начале и развитии духовной войны или превратного тариката, учение о нравственном элементе человека в Дагестане) с 1823 по 1843 гг. // Кавказский сборник. – Т. 23. – Тифлис, 1902. – С. 1–73.
171. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах – 1869. – Вып. 2. – С. 14.

172. Гагарин Г.Г. Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании // Исторический архив. – 2004. – № 1.
173. Гаджиев В.Г. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 5. – Махачкала, 1958. – С. 145–161.
174. Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. – Махачкала, 1991. – С. 104.
175. Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни: материалы Международной научной конференции. 13–14 октября 1993 г. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – 240 с.
176. Гамзаева Г.Ш. О присоединении феодальных владений Дагестана к России // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 1993. – С. 21–26.
177. Гамзат-бек // Кавказ. – № 43. – Тифлис, 1852. – С. 183–185; № 44. – С. 187–188; № 45. – С. 192–193; № 46. – С. 195–196.
178. Гамзат-бек, второй имам Чечни и Дагестана // Кавказский сборник. – 1911. – Т. 31. – С. 1–30.
179. Глиноецкий Н. Поездка в Дагестан // Военный сборник. – Т. XXIII. – СПб, 1862. – С. 396–397.
180. Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: тематический сборник ИИЯЛ Даг. ФАН СССР / сост. Н.А. Магомедов. – Махачкала, 1990. – 212 с.
181. Два имама, или Истребление дома аварского // Русский архив. – 1915. – № 3. – С. 358–385.
182. Двенадцать цудахарских песен / сообщ. Б. Далгат // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – 1892. – Вып. 14. Отд. II. – С. 9–72.

183. Движение горцев под руководством Шамиля. Доклады и решения научной сессии Дагестанского филиала АН СССР. 4–7 октября 1956 г. / под ред. Г.-А.Д. Даниялова – Махачкала, 1956. – 214 с.
184. Дубровин Н. Из истории войны и владычества русских на Кавказе (Кази-Мулла как родоначальник мюридизма и газавата) // Военный сборник. – 1890. – № 10; 1891. – № 3, 4, 5, 6.
185. Захарьин И.Н. Встреча с сыном Шамиля и его рассказы об отце // Русская старина. – Т. VII. № 8. – СПб, 1901. – С. 367–389.
186. Зиссерман А.Л. Осада Бурной и Дербента Кази-Муллой в 1831 году // Русский вестник. – 1864. – № 12. – С. 698–732.
187. Зиссерман А. Свидание генерала Клюки фон Клюгенау с Шамилем в 1837 г. // Кавказ. – 1861. – № 87.
188. Зубарев Д. Поездка в Кахетию, Тушетию, Пшавию, Хевсурию и Джаро-Белоканскую область // Русский вестник. – 1841. – С. 554.
189. Ибрагимбейли Х.М. Народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа под руководством Шамиля против царизма и местных феодалов // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 151–160.
190. Ибрагимбейли Х.М. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20–50-е гг. XIX в.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Региональная научная конференция. 26–27 ноября 1987 г. – Махачкала, 1987. – С. 36–52.
191. Из взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Сборник статей ИИЯЛ Даг. ФАН СССР / отв. ред. В.Г. Гаджиев. – Махачкала, 1982. – 240 с.
192. Исалмагомедов А.И. Поселения аварцев в XIX–XX вв. // Ученые записки ИИЯЛ. Т. 12. – Махачкала, 1964. – 120 с.
193. К дискуссии о характере движения горцев под руководством Шамиля // Вопросы истории. – 1957. – № 1. – С. 195–196.

194. Кавказская война: XIX век (неизвестные страницы) // Родина. – 1994. – № 3–4.
195. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М.: Восточная литература, 2001.
196. Кипиянина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.
197. Климан Ф. фон. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. – 1896. – Т. 17. – С. 377.
198. Комаров А. Народонаселение Дагестанской области // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Вып. VIII. – Тифлис, 1873.
199. Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. // Современник. – 1850. – № 10.
200. Краткий очерк жизни Гамзат Бека составлен по сведениям, доставленным Маклачем, сыном чохского жителя Гази, у которого в детстве жил Гамзат Бек // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 1–30.
201. Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // КС. – Т. XVIII. – Тифлис, 1897. – С. 288–351; Т. XX. – Тифлис, 1899. – С. 97–141.
202. Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб: ЗАО «Журнал «Звезда», 2003. – 192 с.
203. Линден В. Краткий исторический очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. – Тифлис, 1916. – С. 288.
204. Литвинов М. Кавказ. Военно-географический очерк // ВС. – 1884. – № 2. – С. 304–320; № 3. – С. 149–164; № 4. – С. 328–346.
205. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты реформаторской деятельности в Имамате // Кавказ в геополитике великих держав.

Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. Кафедральный сборник № 2. – Махачкала, 2001. – С. 55–66.

206. Магомедов Р.М. Присоединение Дагестана к России – закономерный итог исторического процесса // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: Региональная научная конференция. 26–27 ноября 1987 года. – Махачкала, 1987. – С. 4–12.

207. Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала: Фонд Шамиля, 1991. – 136 с.

208. Маршаев Р.Г. К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы народов Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 5. – Махачкала, 1958. – С.145–161.

209. Мемория генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова. Способ ускорить покорение горцев, 1828 г. // Кавказский сборник. Т. 7. – Тифлис, 1883. – С. 67.

210. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. // Всесоюзная научная конференция. 20–22 июня 1989 года ИЯЛИ, ИИАЭ ДНЦ РАН: тезисы докладов и сообщений. – Махачкала: Изд-во Даг. ФАН СССР, 1989.

211. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-е гг. XIX в. // Материалы Всесоюзной научной конференции 20–22 июня 1989 г. – Махачкала, 1994.

212. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сб. документов / сост. В.Г. Гаджиев, Ю.У. Дадаев, Х.Х. Рамазанов. – М.: Эхо Кавказа, 2005.

213. Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан // Военный журнал за 1847 год. Книга 6.

214. О движении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4–7 октября 1956. – Махачкала, 1957.

215. Обсуждение вопроса о характере движения горских народов Северного Кавказа в 20–50-х годах XIX века // Вопросы истории. – 1956. – № 12. – С. 188–198.
216. Окольничий Н.А. Перечень последних военных событий в Дагестане. 1843 г. // Военный сборник. – № 1–5. – СПб, 1859.
217. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. – СПб, 2001. – С. 60–71.
218. Омаров А.С. Изменения в праве и суде после присоединения Дагестана к России // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 20. – Махачкала, 1970. – С. 176–204.
219. Омаров А.С. К вопросу о формах государственности и права, сложившихся в ходе движения горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х гг. XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 19. – Махачкала, 1969. – С. 225–272.
220. Описание ханского дворца в Хунзахе // Кавказский сборник. – Т. XXXI. – Тифлис, 1911. – С. 38–40.
221. Освобождение бесправных рабов в Дагестане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 47–56.
222. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 37–46.
223. Османов Г.Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. 7. – Махачкала, 1959. – С. 118–119.
224. Передельский А.Г. Аварский округ Дагестанской области // Кавказ. – № 6, 7. – Тифлис, 1904.
225. Петрушевский И.П. Социальная структура Джаро-Белоканских вольных обществ накануне Российского завоевания // Исторический сборник. – № 1. – Л., 1934. – С. 224.

226. Покровский М.В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40–60-х гг. XIX в. // Вопросы истории. – 1957. – № 2. – С. 62–74.
227. Покровский Н.И. Обзор источников по истории Имамата // Проблемы источниковедения. – М., 1936.
228. Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 23–29.
229. Предания о Хаджи Мурате / предисловие А. Тахо-Годи; записал Г. Ясулов; пер. Кацарилов // Дагестанский сборник. – Махачкала, 1927. – С. 7–49.
230. Пржецлавский П.Г. Несколько слов о военном и гражданском устройстве // Кавказ. – 1863. – № 92.
231. Проблемы Кавказской войны в новейшей литературе. Круглый стол // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 55–59.
232. Прушановский К.И. Выписки из путевого журнала... // Кавказский сборник. – 1902. – Т. 23. – С. 22–35.
233. [Прушановский] Кази-Мулла (Гази Магомед) Из записок капитана Прушановского // Сборник газеты «Кавказ». – 1847. – Т. II. – С. 22–39.
234. Рамазанов Х.Х., Шигабудинов М.Ш., Шихсаидов А.Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.: Сборник докладов Даг. ФАН СССР. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990.
235. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М., 1958.
236. Руновский А. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий Дагестана // Военный сборник. – 1862. – № 8.
237. Руновский А.И. Шамиль // Кавказский календарь за 1861 г. – Тифлис, 1860. – С. 26–44.
238. Смерть ханши Паху-Бике // Кавказский сборник. – 1911. – Т. 31. – С. 31–40.
239. Смирнов Н.А. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории. – 1956. – № 10. – С. 19–39.

240. Туземец. Грамотность в горах Дагестана // Этнографическое обозрение. – № 1. – Тифлис, 1900.
241. Угринович К. Краткий обзор военных действий на Кавказе в минувшем 1857 году // Русский вестник. – 1857. – № 4.
242. Фадеев А. Возникновение мюридского движения на Кавказе и его социальные корни. // История СССР. – 1960. – № 5.
243. Фадеев А.В. К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев в середине XIX в. // Исторические науки. – 1951. – № 1. – С. 70–71.
244. Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридского движения на Кавказе // Вопросы истории. – 1995. – № 6. – С. 67–76.
245. Хашаев Х.-М.О. К вопросу о тухумах, сельских общин и «вольных» обществах Дагестана в XIX в. // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. – № 1. – Махачкала, 1956. – С. 42–79.
246. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. – Тбилиси, 1953.
247. Шарафутдинова Р.Ш. Арабские письма Шамиля из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник. – М.: Наука, 1974. – С. 204–225.
248. Шиллинг Е.М. Дневник // Институт этнографии. Краткие сообщения. – 1946. – № 1. – С. 119.
249. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. – 1888. – Т. 12. – С. 266.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

250. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 1990. – 540 с.

251. Асхабалиев Р.Х. Государство имамат и роль ислама в его становлении и развитии: дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2002. – 198 с.
252. Атаев М.М. Авария в X–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1990. – 210 с.
253. Гасаналиев М.М. Русско-дагестанские отношения в последней четверти XVIII–XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – 21 с.
254. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления: дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2006. – 579 с.
255. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая половина XIX века – февраль 1917 года): автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2004.
256. Магомедов М.Б. Кавказская война 20–50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2004. – 240 с.
257. Мамедов С.М. Становление и развитие светского образования в дореволюционном Дагестане: автореф. дис. ... канд. пед. н. – Махачкала, 1998. – 180 с.
258. Рамазанов А.Х. Политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния России и Дагестана в XIX – начале XX веков: дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 1998. – 526 с.
259. Фаталиева Х.Р. Аварское нучальство в XVIII веке (социально-экономическое, политическое и культурное развитие): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1999. – 246 с.
260. Чипашвилли С.О. Политические лидеры в контексте социокультурных реалий Дагестана первой половины XIX века: этнопсихологический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2006. – 248 с.
261. Шигабуудинов Д.М. Россия и Северо-Восточный Кавказ в 20–50 гг. XIX века (проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев): дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – 560 с.